А. В. Будиловъ
08 17 IV 69.

ОПЫТЪ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

Константина Аксакова.

—

ЧАСТЬ I.

—

Выпускъ первый.

МОСКВА.
Въ Типографіи Л. Степановой.
1860.

PC
1221

ОПЫТЪ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

ОПЫТЪ

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

Константина Аксакова.

—

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.
Въ Типографіи Л. Степановой.
1860.

ПРОВ. 1882

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное количество экземпляровъ. Москва. Апрѣля 15-го дня, 1860 года.

Цензоръ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

202.184

ОБЩЕСТВУ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

почтительнѣйше посвящаетъ

Сочинитель.

КЪ ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

Выдавая въ свѣтъ этотъ первый выпускъ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Первая часть «Опыта Русской Грамматики» (а вмѣстѣ и Грамматики вообще) заключаетъ въ себѣ *Имя*, въ обширномъ общемъ смыслѣ слова. Первый отдѣлъ этой части есть *Имя* въ частномъ смыслѣ, или, такъ называемое, *Имя Существительное*. Въ первомъ выпускѣ этого отдѣла заключается Имя, разсмотрѣнное собственно въ предѣлахъ Русскаго языка. Такъ какъ это составляетъ, можно сказать, цѣлое, то мы и рѣшились выпустить это начало перваго отдѣла особымъ выпускомъ.

Весьма вѣроятно, что въ предлагаемой нами теперь читателямъ книгѣ есть промахи, обмолвки, оглядки и ошибки, которыя часто, для самаго автора, становятся замѣтными только въ печати.—Но кромѣ того, многое, что въ этомъ первомъ выпускѣ можетъ имѣть видъ чего-то произвольнаго, не доказаннаго,—имѣетъ быть объяснено и доказано въ слѣдующихъ выпускахъ, которые, какъ надѣемся, не замедлятъ явиться.

Сверхъ того, мы должны извиниться передъ читателями въ невѣрности начертаній нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ, посредствомъ условно-принятой, Латинской азбуки. Въ этомъ первомъ выпускѣ—иностранныхъ словъ не такъ еще много; по этому оно и не составляетъ важности. Въ слѣдующихъ же выпускахъ, какъ надѣемся, печатаніе ихъ будетъ исправно.— Для начертанія иностранныхъ словъ, принимаемъ мы Боппову систему начертанія, какъ приспособленную къ нѣсколькимъ языкамъ. Боппъ, во второмъ изданіи своей грамматики, измѣнилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ начертанія: мы тоже будемъ ему слѣдовать.— При этомъ мы должны также повиниться передъ читателями въ небрежности орѳографической (въ особенности касательно прописныхъ буквъ). Слѣдующіе выпуски, надѣемся, будутъ имѣть менѣе подобныхъ недостатковъ.

Просимъ не забывать, что нашъ: Опытъ Грамматики, есть, прежде всего, Опытъ Русской Грамматики, что мы Русской языкъ отдѣляемъ, какъ самостоятельный, отъ языка Церковно-Славянскаго, и что въ этомъ первомъ выпускѣ, мы держимся собственно въ предѣлахъ Русскаго языка, только ка-

саясь, гдѣ это становится нужнымъ, области другихъ языковъ. Въ слѣдующихъ же (двухъ) выпускахъ 1-го отдѣла то есть Имени Существительнаго обращено вниманіе именно на отношеніе Русскаго языка къ языкамъ соплеменнымъ (Индо-Европейскимъ) и сроднымъ (Славянскимъ).

Считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній:

Къ стр. 12—22. Въ лѣтописи встрѣчается имя средняго рода, которое какъ бы имѣетъ личное окончаніе *ино*: *гобино*. Но здѣсь окончаніе это, какъ видно изъ самаго значенія слова, не есть грамматическое, а этимологическое; это окончаніе образовательное, какъ напр.: *солонина*, *пучина*, и пр.

Къ стр. 26—27. Уже въ Остромировомъ Евангеліи, кромѣ: *есть*, существуетъ форма: *е*, форма очевидно сокращенная.

Къ стр. 99. Сомнѣваемся, чтобъ было можно сказать: *изъ-морю*, *до-небу*. Но если это возможно, то съ помощію переноса ударенія, съ помощію ослабленія звука окончательной гласной, съ помощію обращенія почти въ нарѣчіе: тогда какъ въ именахъ мужескаго рода употребленіе это очевидно и несомнѣнно: *изъ-дому*, *изъ дому*, и пр.

Къ стр. 101. Есть возможность выраженія, отвѣчающаго какъ будто: «подъ сѣнію *зелену древу*»; напримѣръ: *со дна морю достану*. Но здѣсь прямо слышится сохранившійся Дательный.

К. А.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя на судъ читателей опытъ Русской грамматики, я долженъ прибавить, что нужно было бы изложить Русскую грамматику въ ея возможной полнотѣ, въ историческомъ движеніи языка и въ сравнительномъ отношеніи къ древнимъ и современнымъ языкамъ. Но такая грамматика есть трудъ весьма пространный; быть можетъ, онъ и появится со временемъ, но не скоро.—Кромѣ этой причины, которая должна была бы только отдалить срокъ появленія грамматики, есть другая. Подробное изложеніе всѣхъ историческихъ и сравнительныхъ особенностей и оттѣнковъ, заслонило бы самую мысль и построеніе грамматики, и увлекло бы вниманье читателя въ цѣлый міръ измѣненій и переходовъ слова, тогда какъ прежде всего нужно, чтобы ясна стала система, или лучше, весь составъ грамматики, — послѣ чего можно уже смѣло, не боясь потеряться, пуститься въ зыбкій міръ разноязычныхъ и разновременныхъ словоотношеній.—Вотъ почему счелъ я нужнымъ и полезнымъ, прежде полной, сравнительной и исторической Русской грамматики (которую совершу-ли, и буду-ли въ силахъ совершить,—еще не знаю), издать этотъ: «Опытъ Русской Грамматики и вмѣстѣ Грамматики вообще.» — Сравнительный, и отчасти историческій, элементы вошли и сюда, по скольку

они казались мнѣ нужны, но не въ тѣхъ размѣрахъ, которые требовались бы при полной и подробной обработкѣ опыхъ.

Я долженъ сказать еще нѣсколько словъ, чтобы заранѣе отвѣтить на возраженія или недоразумѣнія.

Всякая живая наука, то есть: наука, имѣющая дѣло съ жизнію, имѣетъ дѣло съ таинствомъ; такова и филологія, предметъ которой—слово, этотъ сознательный снимокъ видимаго міра, эта воплощенная мысль. Преслѣдуя жизнь въ той или другой области ея проявленія, наука доходитъ до предѣловъ таинственнаго, до тѣхъ предѣловъ, откуда внутреннее становится внѣшнимъ, духъ — осязательнымъ, безконечное — конечнымъ. Наука думаетъ иногда выйти изъ затрудненія, принявъ анатомическое воззрѣніе (*), сдѣлаться матеріальною, сказать, что нѣтъ духа и души, и недостойно успокоиться такимъ воззрѣніемъ, отрицательнымъ и тупымъ, при которомъ вовсе непонята и жизнь, и смыслъ ея, и то, что даже просто угадываетъ вѣщая душа наша. Но, слава свѣту сознательной мысли! Разумъ самъ обличаетъ ложь всѣхъ матеріальныхъ теорій, на немъ повидимому основанныхъ, прогоняетъ ихъ тяжелую тьму, самъ низвергаетъ всякое себѣ богослуженіе, самъ знаетъ свои предѣлы и признаетъ непостижимое, открывающееся откровеніемъ духу человѣческому. За то, ясно свѣтитъ разумъ на все доступно-разумное; знаніе его твердо, незыбко, опирается на сознаніе, на логическую силу. Какъ Паллада Аѳина въ Греческомъ миѳѣ, мысль вооружена съ головы до ногъ.—Такова наука въ истинномъ смыслѣ сло-

(*) Анатомическій путь имѣетъ великую пользу, но не анатомическое воззрѣніе, не анатомическая теорія.

ва, дѣло истиннаго разума.—Наука есть сознаніе общаго въ явленіи, цѣлаго въ частности; зная свои предѣлы и доходя до нихъ, наука должна необходимо допустить таинство жизни, не подлежащее уже ея осязанію, таинство, которое можетъ она угадывать и опредѣлять приблизительно, но которымъ овладѣть она не въ силахъ, ибо это—*таинство жизни*. Наука Слова находится точно въ томъ же положеніи: она можетъ указать на всѣ измѣненія слова, на разумное ихъ значеніе, но когда приходитъ къ самому *слову*, къ слогу и буквамъ, къ самимъ этимъ звукамъ, полнымъ разума, къ этой прозрачной одеждѣ мысли—она должна признать таинство явленія слова,—этого новаго міра, вознесшагося надъ міромъ. Не рѣшая таинства самаго воплощенія мысли въ веществѣ слова, наука видитъ и слѣдитъ разумное строеніе и ходъ, уже воплотившейся мысли.—Филологія (въ общемъ смыслѣ), болѣе всякой другой науки, должна признать духовность въ явленіяхъ, ибо слово все проникнуто сознаніемъ и возникло съ нимъ. Слово есть сознаніе, *слово есть человѣкъ*.

И такъ, мы допускаемъ въ наукѣ (а слѣдовательно и въ филологіи), на границѣ ея, свой таинственный, такъ сказать мистическій, элементъ, къ которому необходимо примыкаетъ вся дѣятельность нашего разума, какъ мы ни стараемся объяснить это. Слово есть высшее земное *проявленіе* самого разума; въ словѣ все разумно. Признавая въ немъ съ одной стороны этотъ таинственный, или мистическій элементъ, о которомъ было сказано, — мы признаемъ въ немъ разумность всюду, гдѣ дѣло становится уже доступно разуму (*).

(*) Намъ, быть можетъ, скажутъ, что и въ другихъ областяхъ науки все разумно. Такъ, но за то въ другихъ областяхъ есть стороны, до которыхъ дѣла нѣтъ идеѣ, слѣдовательно разуму. Такъ, напримѣръ, въ мірѣ

Мы сочли нужнымъ сказать это объясненіе для оправданія нашего «введенія», гдѣ говоримъ мы объ образованіи буквы, которое стараемся опредѣлить приблизительно, во сколько можетъ оно подлежать разуму;—также для оправданія значенія окончаній: *ъ*, *а*, *о*, *и*, и т. п. Что же касается до разумности самого слова и всѣхъ его явленій, то съ этимъ, думаю, спорить не будутъ.—Никто, напримѣръ, не станетъ сомнѣваться въ присутствіи разумной причины, по которой имена средняго рода, во всѣхъ языкахъ, одинаковое имѣютъ окончаніе въ падежѣ Именительномъ и Винительномъ.

Мы должны дать еще одно объясненіе. Найдутся, можетъ быть, такіе читатели, которые изъ грамматики нашей заключатъ, что мы Русской языкъ признаемъ первообразнымъ и древнѣйшимъ Это неправда. Конечно живое современное употребленіе языка — еще нисколько не доказательство позднѣйшаго его происхожденія, какъ на оборотъ изъятіе изъ живаго употребленія, мертвенность языка, нисколько не доказательство его первобытности. Ошибочно было бы доказывать новость языка тѣмъ, что это языкъ живой, а древность тѣмъ, что это языкъ мертвый. Родившись преж-

---

изящнаго, въ скульптурѣ, — мнѣ дѣла нѣтъ: такъ ли бѣлъ внутри этотъ мраморъ, какъ онъ бѣлъ снаружи, нѣтъ-ли внутри какихъ язвинъ, или полосъ другихъ цвѣтовъ. Въ архитектурѣ знать массу, изъ какой воздвигнуто зданіе, — еще менѣе нужно; вещество само здѣсь мало имѣетъ значенія; разумѣнію красоты архитектурной — до него нѣтъ дѣла. Между тѣмъ какъ въ мірѣ изящнаго, въ поэзіи, слово, какъ *вещество* само, нераздѣльно соединено съ идеею, и принимаетъ участіе, какъ вещество, въ ея проявленіи. Намъ скажутъ, что здѣсь для вѣрности надо привести, въ сравненіе съ Филологіею, науку о веществѣ и о законахъ его. Но и тутъ, при опредѣленіи законовъ, въ рукахъ науки остается глухая тяжелая масса, какъ бы внѣшняя, какъ бы субстратъ на ней обозначающихся законовъ. Между тѣмъ слово, и какъ вещество, все проникнуто разумностью, все прозрачно, понятно, ибо само слово есть актъ сознающаго разума.

де, можно пережить тѣхъ, которые родились послѣ; и хотя мы признаемъ, что это именно случилось съ Русскимъ языкомъ (подразумѣвая здѣсь и другіе Славянскіе) относительно его Европейскихъ братій, но мы изъ этого не выводимъ, чтобы онъ былъ древнѣе *всѣхъ*, даже когда либо существовавшихъ языковъ. Наше дѣло указать на формы и флексіи Русскаго языка, и въ логическомъ отношеніи, и въ отношеніи сравнительномъ съ другими языками. Заключеніе о древности Русскаго языка предоставляется сдѣлать самому читателю. Впрочемъ, вопросъ собственно хронологическій мы въ настоящемъ трудѣ устраняемъ. Мы указываемъ на разумность образованій и всей являющейся дѣятельности языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на ихъ первоначальность; но главное дѣло для насъ теперь не въ томъ, когда она возникла. Языкъ древнѣйшій есть языкъ относительно древнѣйшій. Языкъ первообразный, добытый сравнительною грамматикою, даже и онъ,—все же языкъ относительно первообразный. — Нельзя не согласиться, что на этомъ полѣ сравнительной филологіи много невѣрнаго и произвольнаго, много сбивчиваго; почему надобно быть здѣсь весьма осторожнымъ. Логическая сторона языка, кажется намъ, можетъ быть здѣсь лучшею руководительницею.

Существуетъ мнѣніе, что первообразный языкъ есть языкъ наиболѣе богатый, и разнообразіемъ, и полнотою формъ. — Скажемъ опять на это, что мы знаемъ языкъ, только относительно первообразный. —По нашему же мнѣнію естественно предположить въ языкѣ,—въ тѣ почти недоступныя для науки времена, въ ту эпоху, до которой не восходитъ ни одинъ изъ извѣстныхъ міру языковъ, – естественно предположить полноту звуковъ и буквъ, но малочисленность измѣненій,

негибкость формъ, которыя, полныя производительной силы, еще замкнутой въ нихъ, развились потомъ разнообразно и многочисленно, съ той свѣжестью и богатствомъ, которую мы отчасти встрѣчаемъ, отчасти предполагаемъ въ языкѣ, *называемомъ* нами первообразнымъ. — Мы думаемъ, что при отдѣленіи новой вѣтви языка отъ своего корня, можетъ повториться эта первобытная неподвижность формъ, неподвижность, полная силы и жизни, изъ которой возникаетъ разнообразіе и измѣняемость. Это можетъ повториться, ибо, при самостоятельномъ отдѣленіи (а не при паденіи и порчѣ), должно отразиться въ новомъ словѣ все творчество и созиданіе слова, подобно тому, какъ новая вѣтвь, отдѣляясь отъ ствола, повторяетъ въ себѣ процессъ дерева. Мысль эта была уже нами высказана, хотя весьма неудовлетворительно, «въ Разсужденіи о Ломоносовѣ», въ которомъ представили мы древнѣйшіе примѣры *несклоняемости* формъ въ Русскомъ языкѣ. Эта первобытная неподвижность, полная крѣпости и силы, и разрѣшающаяся въ богатствѣ и разнообразіи измѣненій, не есть та безотрадная неподвижность, которая бываетъ слѣдствіемъ истощенія языка и представляетъ грустный видъ окаменѣлаго, нѣкогда живаго и гибкаго, слова. При наружномъ сходствѣ и той и другой неподвижности, ошибиться однако же и принять одну за другую — нельзя; слишкомъ ясны въ истощенныхъ языкахъ слѣды бывшихъ развитыхъ формъ; здѣсь встрѣчаемъ, не отсутствіе разнообразія и измѣненій: здѣсь напротивъ на каждомъ шагу обломки, о нихъ говорящіе, но неподвижные и жалкіе. — За исключеніемъ этихъ падшихъ языковъ, этихъ изсохшихъ и отсохшихъ вѣтвей общаго дерева, — ходъ человѣческаго слова не представляетъ въ глазахъ нашихъ постояннаго паденія. При преемственномъ своемъ образованіи, при отдѣ-

леніи своемъ отъ первоначальнаго своего корня, каждый самостоятельный языкъ представляетъ новое усиліе и новую сторону творчества въ словѣ. За каждымъ такимъ языкомъ, согласно съ г. Гильфердингомъ (*), признаемъ мы *личный подвигъ духа и мысли*. Отступая отъ своего *историческаго* первообраза, языкъ въ самомъ устройствѣ своемъ, могъ выработать и высказать много духовныхъ сторонъ, *много разума*, не проявлявшагося индѣ. — Почему знать: языкъ могъ даже, въ позднѣйшей (хронологически) своей дѣятельности, возвышаясь сознательно, воротиться къ болѣе настоящимъ и первообразнымъ, даже хронологически первообразнымъ, формамъ, чѣмъ формы языковъ древнѣйшихъ, извѣстныхъ намъ.—Какъ бы то ни было мѣрка *хронологической* древности, при нашемъ воззрѣніи, перестаетъ быть для насъ единственною мѣркою достоинства языка и теряетъ свою безусловную важность.

Русской языкъ есть языкъ самостоятельный, даже относительно языка церковно-славянскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій. Въ грамматикѣ нашей, устройство русскаго языка разсматривается въ той мѣрѣ, въ какой онъ себѣ оное выработалъ, при чемъ Русской языкъ разсматривается самостоятельно и отдѣльно, даже отъ соплеменныхъ нарѣчій, но въ тоже время, въ своей полной существенной, а не наличной цѣлости, для чего, а также для настоящей оцѣнки и опредѣленія, мы прибѣгаемъ къ древней нашей рѣчи и къ другимъ Индо-

(*) См. изслѣдованіе г. Гильфердинга: «объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ». Мнѣ было очень пріятно встрѣтиться съ г. Гильфердингомъ въ мысли, которую я такъ неудовлетворительно высказалъ въ Ломоносовѣ и которой я себѣ еще вполнѣ отчетливо не опредѣлялъ тогда.

Европейскимъ языкамъ, а потому входятъ въ грамматику элементы историческій и сравнительный.

Вотъ объясненія, которыя казались мнѣ нужными; присоединяемъ къ нимъ еще одно слѣдующее замѣчаніе. При филологическихъ занятіяхъ не надо забывать, что отсутствіе или измѣненіе какой нибудь формы слова, можетъ быть иногда утрата или искаженіе; но такое же отсутствіе или измѣненіе могутъ быть самостоятельною, иногда важною и многозначительною, особенностью языка.

Константинъ Аксаковъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Исполненъ чудесъ міръ Божій, но все объемлетъ собою одно великое чудо жизни. Жизнь блистаетъ на всѣхъ ступеняхъ міра, играя въ безчисленныхъ явленіяхъ. — Съ нею имѣетъ дѣло наука, стараясь познать законы бытія, познать Бога, на сколько дано человѣческому разуму это познаніе.

Природа полна разнообразія; вся она проникнута разноличною жизнію, разбѣгающеюся въ неуловимыхъ оттѣнкахъ и въ безчисленныхъ видахъ. — Среди безконечной, въ явленіяхъ, природы, — раздалось *слово*, возвѣстившее присутствіе *человѣка* и вмѣстѣ сознанія на землѣ. Природа со всею своею разновидною жизнію была *названа* по имени и повторилась въ сознаніи и новомъ созданіи, въ устахъ человѣка. Въ мірѣ явилось новое чудо — *слово*, какъ бы собравшее и отразившее міръ.

Человѣкъ не изобрѣталъ, не составлялъ слова. Слово нераздѣльно съ его существомъ, съ духомъ, вложеннымъ въ него отъ Бога; это голосъ сознающаго разума, даннаго свыше. Слово явилось вмѣстѣ съ человѣкомъ. Оно есть живущее, выразившееся сознаніе; оно неотдѣлимо отъ сознанія, какъ сознаніе неотдѣлимо отъ человѣка. Слово и человѣкъ — одно.

Сознанію дается власть овладѣвать предметомъ и становить оный собственностію разума. Оно даетъ предмету равномѣрный образъ и переноситъ его во внутренній міръ духа, въ область разума, гдѣ получаетъ онъ признаніе и оправданіе, гдѣ переходитъ онъ въ новую сферу, въ сферу разумнаго постиженія, гдѣ открывается его разумность, гдѣ является возможность *новаго бытія*, внѣ матеріи, бытія въ *идеи понимаемой*. Неподвижна и самобытна природа въ своей естественной, о себѣ стоящей, жизни. Но человѣкъ

созналъ ее, произнесъ слово, назвалъ,—и она въ его рукахъ вся; вся перешла въ его внутренній міръ и стала его собственностью, подвластною разуму; равномѣрный образъ, безтѣлесный, но не отвлеченный, но опредѣленный и живой, подвижный и покорный, данъ природѣ сознаніемъ человѣка; она вся живетъ въ словѣ, въ новой жизни, на почвѣ разума. Только сознаніемъ человѣкъ властелинъ природы и можетъ переносить ее повсюду съ собою.—Наконецъ человѣкъ, какъ часть природы и вселенной, подлежитъ самъ сознанію; и сознанію подвергается не только внѣшній, но и внутренній его міръ: *все, еже ко сознанію* (*).

Законы Слова, этой новой природы, новаго міра духовнаго, конечно разумны. Ихъ изслѣдуетъ *наука Слова*. Къ ней приступаемъ мы, но прежде постараемся устранить могущія возникнуть недоумѣнія.

Первое возраженіе едва ли кто сдѣлаетъ; впрочемъ можетъ быть найдутся иные, которые, привязавшись къ выраженію, скажутъ, что человѣкъ внѣ слова обладаетъ природою: срываетъ горы, измѣняетъ направленіе рѣкъ, сокращаетъ время и пространство желѣзными дорогами, и т. д.—Но здѣсь движетъ таже сила слова, если только взглянемъ мы на всѣ эти матеріальные успѣхи съ человѣческой точки зрѣнія; только *говорящее*, разумное существо могло совершить ихъ, только слово даетъ имъ цѣну, только въ разумѣ слова они важны. Если же мы взглянемъ на всѣ подвиги съ одной матеріальной стороны, то увидимъ, что человѣкъ, въ такомъ случаѣ, превосходитъ только другихъ животныхъ: крота, бобра, напримѣръ, и есть только ихъ степень, высшая и въ большемъ размѣрѣ.—Сверхъ того, такое матеріальное, хотя по видимому властительное, отношеніе не даетъ обладанія природою. Даже и тогда, когда человѣкъ измѣняетъ видъ ея,—онъ подчиненъ ей, трудится около нея, живетъ подъ ея условіями. Частное матеріальное измѣненіе, всегда сопряженное съ матеріальными трудностями, не есть обладаніе свободное, истинное.

Другое возраженіе можетъ состоять въ томъ, что сознаніе не есть еще слово, что одно отъ другаго можетъ быть отдѣлено. Но и это очевидно несправедливо. Сознаніе не есть простое отра-

(*) Употребляемъ здѣсь оборотъ Ц. Славянскій, ибо имъ весьма удовлетворительно выражается мысль.

женіе предмета, не есть чувство, которое заставляетъ животное, напримѣръ, обѣгать преграду, *признавать*, такъ сказать, предметы. Сознаніе не можетъ быть также неяснымъ ощущеніемъ представленій о предметахъ и идеяхъ; тогда это было бы не сознаніе, а ощущеніе. Сознаніе есть пониманіе предмета съ полнымъ отчетомъ въ этомъ пониманіи; оно есть, такъ сказать, *повтореніе* предмета, но сопровождаемое *знаніемъ*, и по этому *сознаніе* (*). Если сознаніе есть повтореніе предмета, есть возрожденіе его на почвѣ знанія, то отсюда выходитъ, что сознаніе есть въ тоже время *выраженіе* предмета. По этому сознанія безъ выраженія — быть не можетъ; они не могутъ даже быть отдѣлены другъ отъ друга. Слово есть *выраженіе* сознанія, безъ котораго сознаніе не возможно; одно выразилось въ другомъ. Вслѣдствіе этого съ полнымъ правомъ можемъ мы сказать такъ: *Слово есть сознаніе.*

Наконецъ есть еще возраженіе, которое, покрайней мѣрѣ повидимому, болѣе основательно: отчего, если міръ одинъ и сознаніе также, отчего на землѣ не одинъ языкъ, а много? Конечно, будемъ мы отвѣчать на этотъ вопросъ, еслибъ человѣчество было одно, одна душа и сознаніе, идущія однимъ путемъ, то и языкъ былъ бы одинъ. Тотъ языкъ, которымъ Адамъ въ раю, назвалъ весь міръ, конечно былъ одинъ настоящій, для человѣка; но человѣкъ не сохранилъ первоначальнаго блаженнаго единства, первоначальной чистоты, для того необходимой. Падшее человѣчество, утративъ первобытное и стремясь къ новому высшему единству, пошло блуждать разными путями; сознаніе, одно и общее, облеклось различными призматическими туманами, различно преломляющими его свѣтлые лучи, и стало различно проявляться. Для сознанія открылся новый высшій путь: *само-сознаніе*. Природа одна и постоянна въ своемъ разнообразіи; но духовный міръ человѣка, при общемъ единомъ основаніи, измѣнчивъ и различенъ, и не имѣетъ постоянной, готовой формы. Различно смотритъ сознаніе человѣческое на міръ.

И такъ, различно проявляющееся, сознаніе человѣческое — вотъ основная причина разнообразія языковъ, совпадающаго съ разнообразіемъ народовъ. — Въ теченіе времени, явленіе это совре-

(*) Удвоеніе предмета, возвращеніе его самого на себя, на почвѣ знанія, — выражается предлогомъ: *со — со-знаніе.*

шается и въ большемъ и въ меньшемъ видѣ. Люди не связаны единою жизнію, удаляются другъ отъ друга племенами и народами: такъ, несвязанные единою жизнію, и языки удаляются другъ отъ друга и измѣняются подъ условіями законовъ слова, ему постоянно присущихъ.

Какъ бы то ни было, значеніе Слова все тоже, и также велико. Съ одной стороны, міръ внѣшній сознательно въ немъ отражается, теряя свою матеріяльную неуступчивость, улетучиваясь и получая сознательный, прозрачный видъ слова;—съ другой стороны, міръ внутренній человѣка находитъ въ словѣ себѣ выраженіе, выходя изъ неясности, обозначаясь, и пріобрѣтая опредѣленный образъ, безъ котораго онъ не могъ бы обличиться на землѣ. Слово стоитъ какъ посредникъ на рубежѣ двухъ міровъ, одухотворяя природу и воплощая мысль. Въ Словѣ, міръ внутренній человѣка, опредѣляясь, подаетъ руку міру внѣшнему, приближенному къ нему Словомъ.

Значеніе Слова уже достаточно объяснено нами: это природа, духъ, жизнь, все бытіе, но сознанное и дѣйствительно живущее въ сознаніи, и потому новое бытіе.

Буква. Слогъ. Слово.

Все въ природѣ имѣетъ свое опредѣленіе, и все стремится выразить его, стремится дать голосъ, стремится къ сознанію. Это стремленіе видимъ мы на всѣхъ ступеняхъ ея.—На землѣ, гдѣ все является вещественнымъ, гдѣ все выражается въ образѣ, въ формѣ,—и сознаніе имѣетъ также свой опредѣленный, вещественный образъ, имѣетъ свою среду, свою плоть.—Сознаніе, или на сей разъ, сознаваніе, выражающееся въ опредѣленномъ образѣ, есть *Звукъ*. Звукъ—душа и существо предмета: таково его значеніе на землѣ,

гдѣ все стремится *подать свой голосъ*. Звукъ сопровождаетъ природу, выражая это стремленіе, по всѣмъ степенямъ ея, восходя и возвышаясь самъ, по мѣрѣ того, на какой степени природы стоитъ предметъ и вмѣстѣ сознаніе.

Неорганическая природа, царство ископаемыхъ, не имѣетъ жизни внутренней, не имѣетъ изнутри-даннаго образа. Всякой *внѣшній* образъ, на этой ступени, принадлежитъ, какъ *свой*, предмету. Убавится-ли камень, наростетъ-ли онъ — онъ измѣнится только внѣшнимъ образомъ; умаленіе и прибавленіе его происходятъ только снаружи, а не изнутри, собственною силою; и въ томъ и другомъ случаѣ, камень не противорѣчитъ существу своему, и всегда представляетъ самъ по себѣ цѣлое. И такъ здѣсь на этой ступени, видимъ мы только одинъ *размѣръ*, одну внѣшность. При измѣненіи неорганическаго вещества, напр. камня, измѣняется *граница* его, граница, которая и составляетъ его значеніе; граница же неорганическаго вещества — тамъ, гдѣ начинается другое вещество. И такъ, граница составляетъ единственное опредѣленіе всей неорганической природы, единственный ея образъ. Но и на этой низкой ступени, темно и неясно выражается попытка сознанія, и здѣсь предметъ подаетъ о себѣ голосъ. Неорганическій предметъ, при соприкосновеніи съ другимъ, издаетъ звукъ. Въ этомъ звукѣ выражается существо неорганическаго предмета: звукъ, чисто внѣшній, показываетъ внѣшнее только значеніе неорганическаго предмета, показываетъ *предѣлъ* его при соприкосновеніи съ другимъ предметомъ. *Граница звучитъ*. Въ этомъ звукѣ слышится опредѣленіе неорганическаго міра, значеніе цѣлаго царства природы. Кромѣ соприкосновенія съ другимъ предметомъ, кромѣ этого положительнаго отношенія, предметъ неорганическій цѣльный, можетъ распасться на двое или на части, и явить два или болѣе предмета, можетъ разорваться, треснуть; здѣсь возникаетъ опять граница, и опять граница звучитъ. — Звукъ на этой степени есть только внѣшній, только *стукъ*. Но высказывая существо предмета на этой первой степени, самый стукъ становится разнообразенъ, выражая мѣру и особенность соприкосновенія, показывая большую или меньшую плотность, мягкость и другое свойство массы неорганическаго предмета, и потому являясь громче и тише, оглушительно и едва слышно, какъ *шорохъ*, *громъ*, *трескъ*, *шелестъ*, и пр.

Неорганическое вещество присутствуетъ и въ другихъ высшихъ царствахъ; но разница въ томъ, что въ нихъ кромѣ неорганическаго, является другое высшее опредѣленіе.

Въ царствѣ растеній, уже органическомъ, но гдѣ организмъ является еще слабо, неясно, такъ что, напримѣръ, лишаемое иныхъ вѣтвей своихъ, дерево не обезображивается, не теряетъ своей красоты, — звукъ остается еще внѣшнимъ; но онъ измѣняется въ свойствѣ своемъ, получаетъ опредѣленность извѣстную, даваемую ему образомъ растительнаго царства, образомъ, уже не только извнѣ опредѣленнымъ. Здѣсь, особенно напримѣръ въ деревѣ, этотъ внѣшній звукъ происходитъ отъ соприкосновенія (хотя вслѣдствіе внѣшней причины) предмета съ самимъ собою, и по этому получаетъ особенность, собственно этому міру свойственную. Здѣсь разнообразный стукъ неорганическаго царства сводится къ одному выраженію; звукъ является здѣсь только, какъ *шумъ*, по которому всякой узнаетъ, что шумитъ дерево, трава и вообще растительная природа. Шумъ имѣетъ свои оттѣнки, смотря потому, какой растительный предметъ шумитъ: но шумъ остается постояннымъ общимъ звукомъ растительной природы. — Совсѣмъ тѣмъ, на этой ступени звукъ все остается внѣшнимъ, звучитъ все предѣлъ, граница. Здѣсь еще переходъ къ органическому міру, съ преобладаніемъ неорганической природы.

Въ царствѣ животныхъ, именно въ царствѣ рыбъ, водяныхъ животныхъ вообще, является уже ясно органическая природа; но она здѣсь еще на низкой степени. Рыбы живутъ въ прозрачной и *беззвучной* (внутри) водѣ, и хотя онѣ имѣютъ уже цѣлость и совокупность частей, хотя онѣ уже имѣютъ свободное движеніе; но части немногосложны и не развиты. Движеніе также не многосложно и возможно только въ ихъ элементѣ, отдѣляющемъ ихъ отъ другихъ элементовъ; воздухъ, жилище звука, имъ враждебенъ. — И здѣсь еще встрѣчаемъ мы звукъ неорганическій, и здѣсь еще внѣшность и граница составляютъ главное опредѣленіе. Но звукъ неорганическій здѣсь еще болѣе опредѣлился, сталъ извѣстнымъ; мы слышимъ свободный *плескъ*, показывающій свободное произвольное движеніе. Рыбы уже имѣютъ ротъ, намекъ на другой звукъ, но ротъ этотъ еще нѣмъ; слышится чавканье, иногда какой-то писк, и тому подобное. Сюда же, къ царству водяныхъ животныхъ можно

отнести червей, живущихъ въ землѣ, и вообще тѣхъ насѣкомыхъ земли и воздуха, въ которыхъ еще не вполнѣ неотъемлемо и цѣльно связаны части (такъ что эти части иногда едва ли могутъ получить названіе членовъ) и въ которыхъ вообще не развитъ организмъ. Но свободное движеніе опредѣляетъ здѣсь внѣшній звукъ, какъ *жужжаніе* и какъ *шорохъ*. Здѣсь также еще переходъ къ органической природѣ отъ неорганической, но съ рѣшительнымъ преобладаньемъ органической природы (*).

Но организмъ идетъ далѣе, выражается полнѣе, и мы вступаемъ въ царство птицъ и звѣрей, въ царство, уже собственно органическое. Здѣсь организмъ богато развитъ; всѣ члены совокуплены твердо въ неразрывной связи, такъ что недостатокъ одного уже разрушаетъ гармонію цѣлаго. Движеніе разнообразно и свободно; воздухъ, и земля, и вода даютъ мѣсто этимъ органическимъ существамъ природы. Въ этомъ царствѣ, звукъ перестаетъ быть внѣшнимъ; онъ исторгается уже произвольно изъ груди живаго существа; здѣсь онъ—внутренній, здѣсь онъ—*голосъ*, въ которомъ выражается звучно вся жизнь, вся душа цѣлаго существа. Стремясь изъ отверстаго рта, разнообразно раздается голосъ, отъ пѣнія птицъ до мычанія и рева звѣрей, выражая каждое существо,—и оглашаетъ воздухъ. Здѣсь звукъ есть уже звукъ органическій.

Природа, какъ органическая, такъ и неорганическая, вся наполнена и оглашена звуками, шумомъ, стукомъ, пѣньемъ, голосами.... Все звучитъ, давая знать о себѣ, выражая себя въ звукѣ, все подаетъ голосъ въ общемъ хорѣ предметовъ и существъ.

Возстаетъ человѣкъ. Въ немъ—сознаніе себя и всей природы. И онъ долженъ сказаться, и онъ долженъ подать голосъ, выражающій существо его.—Чѣмъ же будетъ звукъ въ *его* устахъ,

---

(*) Природа не знаетъ рубрикъ, не знаетъ рѣзкихъ переходовъ; ея области не разграничены яркимъ рубежемъ, и слѣдующая степень уже слышна въ предъидущей; но тѣмъ не менѣе, общій характеръ и той и другой остается тотъ же, и исключительныя явленія, въ которыхъ жизнь рвется изъ одной области въ другую, не измѣняютъ дѣла. Такъ рыба, бѣлуга, одарена подобіемъ голоса; про нее говорятъ, что она *ревет*ъ; такое же подобіе голоса имѣютъ кузнечикъ и сверчекъ; и тотъ и другой *чиликаютъ*.

звукъ, который долженъ выразить *человѣка*? — Изъ устъ человѣка раздается *слово*.

Слово — это новый звукъ. Въ словѣ звукъ одухотворяется, такъ что уже перестаетъ быть только звукомъ, но становится мыслію. Мысль проникнула его всего, такъ что самъ онъ какъ бы исчезаетъ, — какъ и всякая форма, которая вполнѣ выражаетъ мысль, становится какъ бы прозрачною и сама исчезаетъ. Въ словѣ звукъ одухотворяется до такой степени, что письмо, начертанное слово, не нуждается въ произношеніи, и звукъ становится въ словѣ молчаливымъ.

И такъ, слово раздалось изъ устъ человѣка. Вотъ его голосъ, вотъ, его выражающій, звукъ, среди звуковъ природы. И слово вполнѣ выражаетъ человѣка.

Вниманіе наше обращается теперь на образованіе слова, и вмѣстѣ новаго звука, въ немъ явившагося.

Въ природѣ видимъ мы два рода звука: внѣшній и внутренній, неорганическій и органическій, другими словами: *стукъ* (*) и *голосъ*. Звукъ внѣшній, неорганическій, сопровождаетъ всюду природу, на всѣхъ ея ступеняхъ, даже и тамъ, гдѣ уже является звукъ органическій, голосъ: потому-что въ органическомъ существѣ всегда есть неорганическій элементъ, наружная масса, — другими словами, всегда есть внѣшнее; и хотя это внѣшнее имѣетъ въ органическомъ мірѣ цѣлый согласный образъ, но оно всегда можетъ значить и само по себѣ, можетъ являться со стороны матеріи (вещества). Такъ, напримѣръ: слышится шорохъ отъ ногъ звѣря, птица бьетъ крыльями. Въ области же человѣка, гдѣ является новый звукъ: слово, — имѣютъ также мѣсто и неорганическій звукъ, и звукъ органическій предъидущей области или царства животныхъ, птицъ и звѣрей. Ибо, являясь вѣнцомъ созданія на землѣ, человѣкъ заключаетъ въ себѣ элементы предъидущихъ сферъ, и вмѣстѣ выраженіе этихъ элементовъ, ихъ звукъ: и *стукъ*, и *голосъ*. Такъ напримѣръ: человѣкъ бьетъ въ ладоши, человѣкъ поетъ, издавая одинъ голосъ.

(*) Звукъ неорганическій очень часто звучитъ совершенно иначе, нежели стукъ; но мы придаемъ слову: *стукъ*, типическое значеніе неорганическаго звука.

Внѣшнее и внутреннее составляютъ непремѣнныя условія явленія на землѣ. Изъ того и другаго слагается все дѣйствительное. И хотя царство ископаемыхъ имѣетъ внѣшнюю одну сторону, но оно имѣетъ и внутреннее значеніе, имѣетъ идею, имъ выражаемую въ разнообразныхъ видахъ, если бы даже то была идея внѣшняго. Въ области бытія, въ явленіяхъ природы, въ *образахъ*, является всюду полнота и дѣйствительность. Но *звукъ* представляетъ въ нихъ уже другой, высшій вопросъ, вопросъ сознанія. Въ природѣ (то есть: до человѣка) является только стремленіе къ сознанію; полнаго сознанія нѣтъ. По этому звукъ органическій и неорганическій, и внутренній и внѣшній, соотвѣтствуя и внѣшней и внутренней сторонѣ явленія, раздаются розно въ природѣ, не соединены; полноты звука нѣтъ. Сознаніе еще не уравнялось съ явленіемъ.

Наконецъ является человѣкъ и сознаніе. Звукъ долженъ выразить и человѣка и сознаніе. Звукъ преобразуется въ устахъ человѣка.

Ни внѣшній, ни внутренній, ни неорганическій, ни органическій звукъ не были достаточны, въ своей отдѣльности, для выраженія полноты бытія, для сознанія, ибо въ бытіи является сопроникновеніе внутренняго и внѣшняго. И такъ, звукъ въ томъ видѣ, какъ доселѣ явился онъ въ природѣ (т. е. порознь, какъ внѣшній, и какъ внутренній) долженъ былъ быть отвергнутъ и прекратиться. Природа должна была умолкнуть на рубежѣ сознанія. Это молчаніе природы должно было выразиться въ беззвучіи, равно отвергающемъ оба звука, слѣдовательно признающемъ *отрицательно* ихъ существованіе, и соединяющемъ ихъ въ этомъ общемъ отрицаніи. И такъ, здѣсь является первое соединеніе и того и другаго звука, но здѣсь оба они *соединенно отвергаются*. Это первое, еще отрицательное соединеніе звука неорганическаго и органическаго, являющееся беззвучіемъ, — есть первая *буква*: Ъ, буква и названная безгласною.

Примѣчаніе 1. Намъ могутъ сказать, что Ъ существуетъ только въ русской азбукѣ, а мысль наша объ образованіи слова, относится не къ одному русскому языку. На это отвѣчаемъ мы, что Ъ существуетъ во всѣхъ языкахъ, вездѣ гдѣ есть слово; но русской языкъ, богатый своимъ фонетическимъ развитіемъ, обозначилъ Ъ явственнѣе, далъ ему начертаніе и

сберегъ оный. Впрочемъ далѣе это будетъ, надѣемся, еще яснѣе (*).

Примѣчаніе 2. Еще одно замѣчаніе. Нѣкоторые можетъ быть подумаютъ, что мы, говоря о послѣдова тельномъ явленіи буквъ, утверждаемъ, что сперва явилась такая буква, потомъ другая, и такъ далѣе. Ни сколько. Мы думаемъ напротивъ, что хронологическій порядокъ здѣсь совсѣмъ не у мѣста. Что же касается до нѣкоторыхъ буквъ, быть можетъ позднѣе образовавшихся, то это не входитъ въ задачу нашего изслѣдованія. Слово явилось не по буквамъ, и потомъ, по складамъ; но вдругъ, какъ единое цѣлое, слѣдовательно прямо въ согласномъ соединеніи буквъ. Мы разсматриваемъ здѣсь буквы—какъ и вообще весь предметъ—въ ихъ внутренней логической послѣдовательности.

Первая буква: Ъ, уже даетъ намъ понимать, хотя въ отрицательномъ видѣ, значеніе буквы вообще. Буква есть соединеніе или сліяніе, сочетаніе, органическаго и неорганическаго звука, внутренняго и внѣшняго элемента. И вотъ—первая буква, въ которой еще отрицательно является это соединеніе: Ъ,—буква беззвучная, выражающая какъ бы молчаніе природы, которая умолкла, дошедши до предѣла своего звуковаго поприща, предѣла, за которымъ уже начинается рѣчь человѣка. Природа, при всемъ разнообразіи своихъ звуковъ, не въ силахъ была достигнуть до буквы, только въ устахъ человѣка могущей образоваться. Неорганическій и органическій звуки случаются рядомъ въ природѣ; ихъ иногда слышишь, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ,—но безъ слія-нія между собою въ одно цѣлое.—Буквы въ природѣ нѣтъ.

Соотвѣтствуя внутреннему и внѣшнему элементу, звукъ органическій и неорганическій, раздѣленные въ природѣ, имѣютъ однако же значеніе, каждый самъ по себѣ, и могутъ выразить въ

(*) Укажемъ здѣсь на Versuch einer Physiologie der Sprache von Rapp. Раппъ чувствуетъ, хотя смутно, необходимость Ъ, признаетъ нѣчто похожее въ языкѣ, называетъ это Urlaut;—но все не доходитъ до яснаго сознанія этой первой буквы. При всей возможной учености, онъ все таки невѣжда, ибо не знаетъ русскаго языка. Забавны и досадны слѣдующія его строки: es wäre zu wünschen, dass man, um der Theorie willen, ein eignes Zeichen für diesen Laut besässe; etc. стр. 21.

новой человѣческой сферѣ звука, — въ буквѣ, — каждый свое значеніе, но *одинъ при другомъ*, или иначе, *въ преобладающемъ соединеніи съ другимъ*: точно также какъ внутреннее и внѣшнее имѣютъ сами по себѣ значеніе, но въ жизни являются съ этимъ значеніемъ, *одно при другомъ*, или *въ преобладающемъ соединеніи съ другимъ*.— И такъ, прежде всего, въ устахъ человѣка получаютъ оправданіе, — соотвѣтствующіе элементамъ каждаго явленія: звукъ внутренній, органическій, и звукъ внѣшній, неорганическій. Оба звука снова раздаются изъ устъ человѣка, но уже какъ *буквы*, въ преобладающемъ соединеніи одного съ другимъ. По этому за буквою Ъ, буквою беззвучною, являются два ряда буквъ: буквы *согласныя* (звукъ неорганическій, внѣшній) и буквы *гласныя* (звукъ органическій, внутренній).

Примѣчаніе. Начинаемъ съ буквъ согласныхъ, ибо здѣсь повторяются, въ новомъ видѣ, звуки природы; по этому неорганическій звукъ, какъ первый или низшій, идетъ впереди. Но мы не должны забывать, что *голосъ* есть уже необходимая принадлежность органическаго существа вообще, тѣмъ болѣе человѣка (о чемъ было сказано выше). Человѣкъ, обладая и органическимъ и неорганическимъ звукомъ, въ ихъ природной простотѣ, — начинаетъ въ тоже время новый рядъ звуковъ, недоступныхъ природѣ, и лишь сознательному существу принадлежащихъ, въ которыхъ новое значеніе получаютъ природные звуки, являясь *буквами*, послѣдовательность которыхъ, относительно ихъ степени, мы и здѣсь сохраняемъ.

Буквы *согласныя* условливаются неорганическою стороною вещества въ человѣкѣ, вещества, взятаго отдѣльно, въ своей какой нибудь частности. Но голосъ есть характеристическая принадлежность человѣка, какъ органическаго существа; по этому въ новомъ звукѣ участвуетъ та часть неорганическаго вещества въ человѣкѣ, чрезъ которую проходитъ и которой касается голосъ, что́ необходимо и для того, дабы могло произойти слiяніе звуковъ. Голосъ, стремясь изъ груди, чрезъ уста человѣка, встрѣчаетъ, на пути своемъ разныя матеріяльныя условія вещества; таковы: горташь, нёбо, языкъ, зубы, губы. Отъ различныхъ отношеній этихъ условій, происходятъ различныя буквы, именно:

Гортанныя: Г, Х, К.
Нёбныя: Н, Д, Т.
Язычныя: Л, Р.
Зубныя: З, Ж, С. Ш.
Губныя: Б, П, М, В.

Сверхъ того сложныя: изъ Т и С — Ц; изъ Т и Ш — Ч; наконецъ: изъ Ш и Ч — Щ.

Если мы обратимъ вниманіе на произношеніе согласныхъ буквъ, то найдемъ, что здѣсь слышится другой, органическій, гласный элементъ, который опредѣляетъ ихъ, даетъ имъ возможность выразиться и служитъ какъ бы предѣломъ, отдѣляющимъ ихъ отъ зуковъ природы. Этотъ элементъ — есть Ъ, та беззвучная отрицательная буква, которая составляетъ предѣлъ равно обоимъ природнымъ звукамъ. Здѣсь является Ъ, своей гласною стороною, давая возможность неорганическому звуку опредѣлиться и стать буквою. Для уха слышится здѣсь, какъ бы глухой, прорывающійся, и тутъ же прекращающійся голосъ; обратимъ вниманіе и мы замѣтимъ, что Ъ стоитъ при каждой согласной буквѣ сзади, отверзая уста человѣка и давая возможность явиться буквѣ, такъ что буквы согласныя могутъ собственно быть написаны такъ: *БЪ*, *ВЪ*, и т. д.

Буквы *гласныя* раздаются свободно изъ устъ человѣка. Въ нихъ слышится *голосъ* (элементъ органическій). Голосъ — одинъ, самъ по себѣ; по этому, казалось бы, что довольно явиться одной буквѣ. Но голосъ, измѣняясь въ тонахъ своихъ, болѣе или менѣе звучныхъ и открытыхъ, представляетъ нѣсколько буквъ, которыя образуются отъ способа произношенія голоса.

Первая основная гласная буква, вылетающая изъ вполнѣ отверстыхъ устъ человѣка, — это: А. За нею, какъ постепенное сжиманіе устъ, раздаются: Е, І, О, У.

Если мы также обратимъ вниманіе на произношеніе гласныхъ, то увидитъ, что здѣсь, въ свою очередь, слышится неорганическій согласный элементъ, который опредѣляетъ ихъ, и, давая возможность имъ выразиться и продолжительно звучать въ воздухѣ, служитъ въ тоже время предѣломъ, отдѣляющимъ ихъ отъ звуковъ природы. Это опять тотъ же Ъ, таже беззвучная отрицательная буква. Здѣсь является онъ уже своею неорганическою стороною,

давая возможность органическому звуку опредѣлиться и стать буквою. Прислушаемся, и мы услышимъ, что гласная буква, какъ будто отторгается отъ чего-то; и какъ бы долго ни тянули мы голосомъ гласную букву, — при чемъ опредѣленность ея исчезаетъ, — но если мы захотимъ повторить ее, то опять услышимъ предѣлъ, отъ котораго она какъ будто начинается, услышимъ какъ будто, вещественный, неорганическій, глухой звукъ, тутъ же поглощаемый гласною буквою. Голосъ, какъ бы опирается о что-то, что даетъ возможность явиться ему буквою. — Обратимъ вниманіе, и мы увидимъ, что Ъ стоитъ передъ каждой гласной буквой; здѣсь онъ напереди, ибо голосъ долженъ свободно раздаваться: того требуетъ природа гласной буквы. Здѣсь Ъ не отверзаетъ уста, и безъ того отверстыя; но въ груди, въ глубинѣ произношенія, при самомъ зарожденіи, опредѣляетъ онъ голосъ, и служитъ опорою, безъ того бы неопредѣленному, его стремленію. Ъ — здѣсь, какъ необходимое условіе буквы; такъ что гласныя буквы могутъ собственно быть написаны такъ: *ЪА*, *ЪО*, и пр.

Произнося гласныя попорядку, замѣчаемъ, что онѣ какъ бы подвигаются отъ гортани до губъ, такъ что *А* звучитъ глубоко въ гортани; *У* — на самыхъ губахъ. Буква *А* — есть единственная настоящая гласная буква. Буквы *О* и *Е* — буквы средняго звука; онѣ не представляютъ той чистоты и полноты, какъ буква *А*. *Е* и *О* опредѣляются въ грамматикахъ, какъ буквы образовавшіяся, первая изъ *А* и *І*, вторая изъ *А* и *У*, произносимыхъ разомъ въ одно время. Не входя объ этомъ въ разсужденіе, скажемъ только, что такое образованіе буквъ: *Е* и *О*, не мѣшало имъ, по нашему мнѣнію, явиться въ устахъ человѣка въ одно время съ другими гласными и быть одинаковой древности. — Буква *У*, раздающаяся почти изъ сжатаго рта, легко переходитъ въ настоящую согласную *В*. — Что же касается до буквы *І*, то она требуетъ особеннаго опредѣленія и объясненія.

Въ буквѣ Ъ является, какъ мы видѣли, отрицательное соединеніе органическаго и неорганическаго звука. Эта беззвучная буква имѣетъ важное значеніе, какъ непремѣнное условіе всякой буквы; и тотъ и другой элементъ, какъ предѣлъ, выдаются въ ней попеременно, смотря по тому, гласная или согласная раздается буква. Это соединеніе обоихъ элементовъ звука, отрицательное въ

буквѣ Ъ, является и положительно въ буквѣ; но потому самому, что въ буквѣ,—(*) соединеніе это является при перемѣнномъ перевѣсѣ того или другаго элемента. Это положительное соединеніе въ буквѣ обоихъ элементовъ звука, при перемѣномъ преобладаніи того или другаго,—есть буква *І*.—Мы отнесли ее къ гласнымъ буквамъ; она и точно буква гласная, ибо въ ней, именно въ этомъ видѣ: *І*,—преимуществуетъ гласный элементъ; но въ ней же возникаетъ и элементъ согласный. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ голосъ есть собственная принадлежность человѣка, уже какъ органическаго существа, то буква, какъ *І*, содержащая въ себѣ оба элемента (при перемѣномъ перевѣсѣ то того, то другаго), имѣетъ вообще, все таки, собственно существо гласное, и потому можетъ быть поставлена между гласными буквами.

И такъ, буква *І*, какъ *І*, въ этомъ видѣ, является гласною. Между гласными она имѣетъ свой особый, ей принадлежащій звукъ: это ея положительное значеніе. Присутствіе въ ней обоихъ элементовъ, попеременно въ ней являющихся, открываетъ ей особое поприще. Она является опредѣленно своею согласною стороною, какъ *Й*. Въ этомъ видѣ, какъ согласная, она слагается съ гласными. Но *Й* не есть прямо буква согласная, какъ потому, что въ *І* встрѣчаются оба элемента звука, такъ особенно потому, что въ *І* есть положительный звукъ, нашедшій себѣ опредѣленное мѣсто между гласными, однимъ словомъ, потому, что гласный элементъ составляетъ характеристику буквы *І*, какъ это и должно быть, если въ буквѣ, звукѣ человѣческихъ устъ, встрѣчаются въ равной степени оба элемента. И такъ *І*, слагаясь съ гласными буквами, *сливается* съ ними въ одно, вслѣдствіе своей общей, гласной характеристики,—сливается, подчиняясь, какъ согласная, ихъ звуку, и исчезая въ немъ, но однако придавая каждой гласной буквѣ особенное свойство своимъ звукомъ. Такимъ образомъ является новый тонъ гласныхъ буквъ, которыя могутъ назваться *слож-*

(*) Повторяемъ: буква есть сліяніе органическаго и неорганическаго элемента звука, при перевѣсѣ того или другаго. По этому буква есть въ то же время признаніе и оправданіе и того и другаго элемента, каждаго самого по себѣ. Самъ Ъ, будучи равнымъ отрицаніемъ обоихъ звуковъ, слышенъ только при другихъ буквахъ, гдѣ тоже является въ немъ перемѣнно перевѣсъ или того или другаго звука.

ными. Начертаніе нашей Азбуки Церковно-Славянской и Русской, высказываетъ почти вездѣ, какъ нельзя лучше, отношеніе буквы *I* къ гласнымъ. Вотъ оно:

А. Е. І. О. У.

І-А (я), І-Е (ѣ), Н (и), Ю (ё), І-У (ю).

Примѣчаніе. Образованіе начертаній: *я*, *ѣ*, *и*, не требуетъ нобъясненія, такъ составъ оныхъ ясенъ и понятенъ; для *і-о* мы не имѣемъ начертанія и употребляемъ: *ё*, но однако пробовали употреблять и ⁞о. *Ю* образовалось такъ потому, что *У*, въ Церковно-Славянскомъ обыкновенно писалось: оу; *I* придавалось къ буквѣ, такимъ образомъ: юу; *У* было потомъ отброшено и осталось: *Ю*, которое по начертанію скорѣе соотвѣтствуетъ звуку: *і-о*. Еслибъ хотѣть сохранить соотвѣтствіе начертаній, то слѣдовало бы принять для *ё*—*Ю*, а для *ю*—*І-У*.

Какъ доказательство того, что въ буквѣ *І*, есть согласный элементъ, мы можемъ указать на то, что Латинская буква *J*, въ словахъ: *Justitia, Jus* и пр.,—явившаяся изъ *I* и соотвѣтствующая нашему *Й*, при переходѣ въ иные языки, напр. въ языкъ Французскій, переходитъ въ согласную *J*, въ словахъ: *Jurisconsulte, Justice* и пр.

Общая принадлежность буквы есть: высказывать звукъ органическій или неорганическій въ соединеніи одного съ другимъ, но съ преобладаніемъ того или другаго.—Буква *І*, вмѣщая въ себѣ положительно оба звука, высказала ихъ попеременно съ перевѣсомъ то одного, то другаго, являясь раздѣльно, какъ буква гласная и согласная. Но буква *І*, въ тоже время соединяетъ, въ себѣ одной, въ равной степени тотъ и другой звукъ; это также ея значеніе, которое должно въ ней высказаться. Чѣмъ же можетъ она тогда явиться, какъ буква? *Равное* одновременное соединеніе обоихъ звуковъ, въ буквѣ—можетъ быть только отрицательное. Какъ равное, одновременное соединеніе того и другаго,—буква въ *І* доходитъ вновь до предѣла звука между буквою и природою, какъ бы умолкаетъ и представляетъ новую безгласную, новую отрицательную букву. Такимъ образомъ буква въ *І* доходитъ съ своей стороны до Ъ, сохраняя въ то же время свою природу, и является, какъ Ь. Она въ свою очередь становится тогда подлѣ

согласныхъ, и не измѣняя ихъ природы, но сохраняя однако свою особенность, опредѣляетъ ихъ, также какъ *Ъ*, являясь здѣсь гласною стороною своею, напр: *ЪЬ*, *ВЬ*, и пр. Она становится также и передъ гласными, гдѣ, подобно *Ъ*, является согласною стороною: *Я*, *Е*, *И*, *Ё*, *Ю* имѣютъ тогда произношеніе, въ которомъ не слышно сложности, произношеніе, неупотребительное у насъ Русскихъ, но тѣмъ не менѣе существующее и возможное и для нашихъ устъ. Первыя три буквы произносятся съ трудомъ; но *Ё*, какъ *Europe* и *Ю*, какъ: *usage* произносятся свободно (*).

І соотвѣтствуетъ *Ъ*, какъ положительное отрицательному (что мы уже и видѣли), находясь съ нимъ на противоположныхъ полюсахъ. Вслѣдствіе этого соотвѣтствія, этой, такъ сказать, симпатіи,—*І* сливается съ *Ъ* въ одинъ аккордъ, въ одинъ звукъ, и образуетъ новую слитную гласную, въ которой оправдывается *Ъ*, получаетъ голосъ и доказываетъ свою, все таки (какъ и въ *І*) преимущественно гласную природу. Этотъ звукъ, эта буква есть *ЫІ*, въ которой высказывается сжато все фонетическое развитіе буквъ, которая есть какъ бы эмблема и вѣнецъ всей Азбуки или буквы вообще (**).

Начертаніе *ЫІ* совершенно высказываетъ его образованіе; вспомнимъ, что *ЫІ* писалось прежде *ЪІ*.

И такъ буква *І*, имѣя въ себѣ оба элемента звука, является

(*) Если бы вздумали ставить на одной параллелѣ съ *І* букву *У*, то на это мы можемъ сказать, что *У* переходитъ прямо въ чистую согласную: *В*. Какъ бы *У* поспѣшно ни произносилось, на подобіе Англинскаго *W*, все же оно, какъ: *УА*, *УЕ*, и пр., не составляетъ двойнаго звука, почти слога, съ гласной, какъ *Я*, *Ѣ* и пр., и не измѣняетъ ее. Съ *У* можетъ быть развѣ только сравнено переходженіе *І* въ *Ј* въ другихъ языкахъ. Впрочемъ различіе *І* отъ *У* кажется и безъ того очевидно и говоритъ само за себя.

(**) Нечего смущаться тѣмъ, что во многихъ языкахъ нѣтъ *ЫІ* и только въ Русскомъ звучитъ *ЫІ* вполнѣ ясно и свободно. Другіе языки все же имѣютъ ее, или въ неясномъ звукѣ, или въ возможности покрайней мѣрѣ. Такъ напримѣръ скажите по-французски: *pour dormir*, *il y a un lit*. Если вы скажете быстро, то послѣ *dormir* вы произнесете почти: *ЫІ*. Точно также, какъ во всѣхъ языкахъ есть *Ъ*, но не вездѣ онъ ясно слышенъ; только Русской языкъ вполнѣ имѣетъ *Ъ*, замѣтилъ его и далъ ему особое начертаніе. Въ сущности тоже,—фонетическое развитіе буквъ не во всѣхъ языкахъ является во всей полнотѣ.

непремѣнно: гласною, что впрочемъ составляетъ существенный ея характеръ,—*(І)*, и согласною *(Й)*. Потомъ, заключая въ себѣ оба звука, выражаетъ одновременное равное ихъ соединеніе, доходя тогда до предѣла между буквою и звуками природными, являясь тогда новою безгласною, въ которой все слышится характеръ *І (Ь)*. Наконецъ *І*, соотвѣтствуя *Ъ* и находясь съ нимъ на противоположныхъ концахъ буквеннаго поприща, сливается съ нимъ, вслѣдствіи этого соотвѣтствія, въ одну общую букву *(ЬІ)*, и такимъ образомъ вѣнчаетъ кругъ фонетическаго развитія буквъ.

Весь ходъ развитія буквъ передъ нами. Въ буквѣ, какъ сказали мы, элементы звука органическаго и неорганическаго явились только въ новыхъ условіяхъ, каждый порознь самъ по себѣ, въ преобладающемъ соединеніи съ другимъ и нашли себѣ оправданіе. Но они еще только элементы, стороны звука. Прислушаемся, и мы почувствуемъ ихъ недостаточность: съ трудомъ произносятся согласныя буквы; тяжело и отрывисто звучатъ онѣ. Буквы гласныя раздаются и исчезаютъ въ воздухѣ, теряя свою опредѣленность: теряютъ даже свой характеръ буквы и превращаются просто въ голосъ, легко переходящій въ другіе тоны. Только при началѣ, при границѣ своей, только при *Ъ*, — гласная буква имѣетъ полный смыслъ свой, вполнѣ буква.

Въ буквѣ соединеніе органическаго и неорганическаго звука совершается односторонно, съ преобладаніемъ одного звука надъ другимъ, и является два ряда буквъ: гласныя и согласныя. Въ буквѣ оба звука находятъ только, каждый, свое оправданіе; они являются еще отдѣльно другъ отъ друга, какъ двѣ отвлеченныя стороны, внутренняя и внѣшняя, которыя между тѣмъ въ мірѣ явленія предстаютъ слитыми. Слѣдовательно въ буквѣ, вещество, такъ сказать, сознанія,—еще не уравнялось съ бытіемъ. Соединеніе того и другаго элемента звука, уже признанныхъ, каждый самъ по себѣ, должно быть полное и стройное.—Оно совершается.—Буква Согласная соединяется съ Гласною (одна или нѣсколько, все равно)—и образуетъ: *Слогъ*,—полное гармоническое соединеніе и внѣшняго и внутренняго элемента въ звукѣ, другими словами: соединеніе звука неорганическаго и органическаго,—соединеніе, ставшее возможнымъ черезъ букву.

Слогъ есть уже тотъ составъ, та степень звука, на которой

онъ уравнивается съ міромъ явленій, вмигъ проникается духомъ жизни, просвѣтляется мыслію и является *Словомъ*. Очевидно, что количество слоговъ въ словѣ — вопросъ совершенно посторонній, связанный значеніемъ и образованіемъ именно того или другаго Слова. Но *слогъ* (даже одинъ) уже достаточенъ вполнѣ для *слова*. *Слогъ* есть тотъ полный, совершенный, гармоническій, соразмѣрный природѣ и вообще міру явленій, строй звука, который былъ необходимъ для сознанія. Имъ повершается вполнѣ образованіе новаго звука человѣческаго. Его надо было найти: онъ найденъ.... Вмѣстѣ съ *Слогомъ* является *Слово*—живое, звучащее, возвѣщенное сознаніе природы и всего сущаго.

РАЗДѢЛЕНІЕ.

Слово.

Слово какъ и весь міръ, подлежитъ сознанію разума, другими словами, подлежитъ наукѣ. Наука, предметъ которой есть Слово, называется вообще: *филологія*. Но слово можетъ быть разсматриваемо съ разныхъ—собственно съ двухъ главныхъ—сторонъ, и по этому филологія раздѣляется на подчиненныя науки.—Съ одной стороны, Слово можетъ быть разсматриваемо, какъ цѣлый разумный новый міръ, отражающій, въ своемъ взаимнодѣйствіи, весь міръ внѣшній и внутренній. При этомъ разсматривается: какимъ образомъ въ словѣ можетъ выражаться весь сознанный міръ.—Иначе сказать: Слово можетъ разсматриваться, какъ *рѣчь*. Наука, разсматривающая Слово, какъ рѣчь,—есть *Грамматика*. Мы придаемъ ей собственно это значеніе.—Съ другой стороны, Слово можетъ быть разсматриваемо не въ цѣломъ своемъ явленіи, не со стороны разумнаго взаимнодѣйствія, а отдѣльно, то есть, Слово можетъ быть разсматриваемо не какъ рѣчь, а какъ *слова*; здѣсь разсматривается, какъ образовалось слово, разсматривается переходъ буквъ одна въ другую, взаимныя отношенія буквъ, разсматривается весь составъ слова, разсматривается отношеніе корня къ образовательной формѣ, разсматривается, какъ изъ одного корня выросло цѣлое множество словъ, разсматривается связь словъ между собою, и вмѣстѣ значеніе каждаго слова, а также, разумѣется, значеніе корня и образовательной формы. Это—Филологія словопроизводная или *Этимологія* (*): сюда входитъ вся лексическая сторона языка; переходы

(*) Мы позволяемъ себѣ употребить эту терминологію; впрочемъ нисколько на ней не настаиваемъ: дѣло здѣсь не въ терминахъ.

буквъ; словопроизводство и оцѣнка каждаго слова. Этимологія заключаетъ въ себѣ собственно четыре главные отдѣла: словообразованіе (гдѣ разсматриваются и переходы буквъ), словопроизводство, словоопредѣленіе и словоупотребленіе. Ея труды повершаются полнѣйшимъ этимологическимъ словаремъ языка.—Предметъ нашъ, въ настоящее время,—Грамматика (*). Но мы должны однако же необходимо сказать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, и о самомъ словѣ, дать общее понятіе о его составѣ, ибо мы со словомъ имѣемъ дѣло: необходимо знать, что такое самое слово, знать на столько, на сколько это нужно, на сколько это принадлежитъ грамматикѣ, или лучше вообще наукѣ слова. Далѣе, двинувшись своимъ путемъ въ многоразличныя подробности и особенности, это направленіе Филологіи, составляетъ, какъ сказали мы, цѣлую науку, Этимологію, которая самостоятельна, какъ и Грамматика, и поэтому здѣсь и не разсматривается.

Слово отражаетъ въ себѣ сознательно весь міръ и внутренній и внѣшній, и такъ какъ природа и все бытіе существуетъ въ отдѣльныхъ явленіяхъ, такъ-какъ все сущее опредѣляется и принимаетъ образъ,—то и слово является въ отдѣльныхъ словахъ, въ отдѣльныхъ образахъ, въ звукѣ себя выражающихъ. Какъ всякое явленіе есть проявленіе внутренняго во внѣ, и заключаетъ въ себѣ и внутреннее, вѣчно присущее, и внѣшнее, измѣняющееся, которымъ соприкасается съ другими предметами, короче заключаетъ въ себѣ идею и форму, — такъ и всякое слово, выражая явленіе или мысль, заключаетъ въ себѣ, какъ въ словѣ, въ составѣ своемъ,—и внутреннее и внѣшнее, идею и форму, именно: коренное значеніе, высказывающееся въ *корнѣ* слова, и значеніе относительное, выражающееся въ *образовательномъ окончаніи*, или вообще въ измѣняющейся или придаточной части слова (**). Напримѣръ: *Добр-о-та*, *добр-ый*, *добр-ить с-добр-ить* и т. д.

(*) Понятно послѣ этого, почему мы не говоримъ здѣсь, напримѣръ, о переходахъ буквъ: это не входитъ въ задачу и объемъ нашего труда.

(**) Есть языки, въ которыхъ слова уже не измѣняются, но эти языки въ состояніи упадка; ихъ слово измѣнялось прежде; теперь оно окаменѣло. Но это нисколько не противорѣчитъ общему положенію, ибо измѣненіе все же было нѣкогда; къ тому же внѣшняя сторона слова, хотя

Корень, опредѣлившійся и составляющій существенную сторону того или другаго слова, или иначе: слово, образованное ближайшимъ образомъ изъ корня и взятое безъ образовательнаго окончанія, называется основою или *темою* слова. Приставка къ этой темѣ слова, или къ самому тематическому слову, не имѣющая прямаго образовательнаго, ни словопроизводнаго значенія, называется *суффиксомъ*; окончаніе слова, опредѣляющее ему тотъ или другой разрядъ, дающее слову образъ и выраженіе, называется *окончаніемъ образовательнымъ* (напр. *блажен-ство*). Окончательная буква (иногда не одна), измѣняющаяся въ грамматическомъ отношеніи, называется *флексіею*. Иногда флексія бываетъ въ тоже время и образовательнымъ окончаніемъ; форма слова, возникающая при темѣ, называется тематическою, при суффиксѣ — суффиксною; такъ напр. *древо*: *др* — есть *корень* слова; *древ* — есть *тема* слова; *о* — есть флексія и образовательное окончаніе вмѣстѣ, *древо* есть форма слова *тематическая* (*); въ другихъ падежахъ, напр., въ родительномъ, встрѣчаемъ и *древеси*, и, во множественномъ, *древеса*. *С*, приставляемый къ темѣ *древ* (*древ-е-с*), есть суффиксъ. Оттуда предполагаемый Именительный единственнаго: *древѣсъ* или *древесо*,—есть форма слова суффиксная. Еще примѣръ: *коло*; *кл* есть *корень*; *кол*—*тема* слова; *коло*—форма слова *тематическая*, *колесо* форма слова *суффиксная*. Если возьмемъ мы суффиксное слово, безъ образовательнаго окончанія, напр. *колес*, то это слово называемъ тоже *темою* слова *суффиксною* или *производною*; тема эта въ свою очередь иногда пріобрѣтаетъ новый суффиксъ, и тогда первое суффиксное слово, рядомъ со вторымъ суффикснымъ, становится словомъ *относительно тематическимъ*,—тематическимъ суффикснымъ или производнымъ.

Въ природѣ черезъ форму, черезъ внѣшнее, идея, внутреннее, опредѣляясь становится въ разрядъ явленій. Такъ точно и въ словѣ, внутреннее значеніе, *корень*, черезъ форму, черезъ *наружную часть* слова, становится въ извѣстный разрядъ словъ. Такой разрядъ словъ имѣетъ обыкновенно названіе *части*

уже не измѣняемая, все тутъ. Языки эти, для выраженія, прибѣгаютъ къ вспомогательнымъ средствамъ, о чемъ говорить здѣсь не мѣсто.

(*) Но это впрочемъ еще вопросъ; ибо настоящая тематическая форма есть: *др-е (дре.-коліе)*—Въ такомъ случаѣ, *древ* есть форма относительно тематическая.

рѣчи, которое мы и удержимъ. И такъ раздѣленіе словъ должно быть не по внутреннему значенію, имъ выражаемому, — тогда это было бы раздѣленіе самихъ понятій и предметовъ, — а по той формѣ, которая имъ дается самимъ словомъ. *Основаніемъ дѣленія для слова должно быть само слово, и ничто другое.*

У насъ часто поступаютъ на оборотъ, но тогда это дѣленіе не словъ, а понятій, которое сюда нейдетъ, и обыкновенно бываетъ не полно въ нашихъ грамматикахъ. Ошибочность такого взгляда очевидна. Надо принять за правило: что̀ не нашло себѣ отдѣла, особой формы, особаго выраженія, въ самомъ словѣ, то не должно и не можетъ войдти въ Грамматику.

Всѣ явленія въ мірѣ объемлются жизнію, находятся въ соприкосновеніи, въ различныхъ отношеніяхъ другъ къ другу: такъ и слова, выражая жизнь, находятся въ соприкосновеніи другъ съ другомъ. Различныя измѣняющіяся отношенія слова находятъ себѣ выраженіе въ самомъ же словѣ, и преимущественно въ измѣненіи образовательной формы, какъ движущейся, измѣнчивой части слова, показывающей его различныя отношенія. Такимъ образомъ является цѣлый міръ слова, живой и прозрачный, богатый жизнію и полный оттѣнковъ. Среди чудной природы раздается дивная рѣчь человѣка.

Начало Грамматики.

Слово есть сознаніе. Въ этой мысли уже заключается полнота. Нельзя предположить, чтобы сознаніе явилось не цѣлое, одной какой нибудь стороной своей. — Вотъ почему, возведши рѣчь до всевозможной простоты, до самаго простаго предложенія, мы видимъ въ немъ — въ основѣ — все слово человѣческое, и вотъ почему начать съ той или другой части предложенія, или *части рѣчи* — невозможно. И такъ, мы для начала примемъ другія основанія: не основанія времени, не *прежде*; но основаніе мысли, но ходъ самого сознанія. Обращенное само на себя, оно должно дать намъ отвѣтъ. — Мы признаемъ, слѣдовательно, что въ Грамматикѣ нельзя найдти начала относительно времени, нельзя сказать, что она начинается

съ какой нибудь части рѣчи: *ибо начало языка и грамматики есть цѣлый актъ сознанія, сама рѣчь.* Начало въ Грамматикѣ можетъ быть установлено сознательно, на основаніи мысли. Слѣдовательно прежде всего, Грамматика, отправляясь отъ самаго акта сознанія, выражающагося въ словѣ и образующаго Грамматику (что собственно не есть начало, ибо здѣсь является цѣльность и полнота, нѣтъ послѣдовательности и постепенности), должна потомъ уже найдти свое раздѣленіе и свое разумное начало.—Такимъ образомъ, нельзя сказать, съ чего начинается Грамматика; можно сказать съ чего *надо* начать Грамматику.

Сознаніе есть освобожденіе себя, *отдѣленіе* себя отъ всего другаго, отъ всего остальнаго міра, *знаніе себя.* Это сознаніе выражается словомъ: *Я.*—Произнесши: *Я*, человѣкъ отдѣлилъ себя отъ всего посторонняго, отъ всего, что *не-Я.* Въ тоже время онъ отдѣлилъ, конечно и все посторонее отъ себя. Такимъ образомъ міръ для него раздѣлился на двое: на *Я* и *не-Я*, на человѣка (въ смыслѣ лица сознающаго) и природу. Но человѣкъ не является на землѣ въ одномъ единомъ сознающемъ существѣ. Ограниченность *Я* человѣческаго допускаетъ множество *Я*; цѣлый родъ человѣческій живетъ, состоя изъ отдѣльныхъ личностей, слѣдовательно цѣлый родъ существъ сознающихъ. Встрѣчая подобное себѣ существо, подобное себѣ сознаніе, человѣкъ говоритъ: *Ты*, и въ этомъ словѣ слышно признаніе предѣла своего сознанія, въ тоже время какъ и признаніе другаго подобнаго сознанія,—слышно признаніе разумѣнія въ другомъ существѣ, признаніе равенства съ собою; *ты*, есть уже разговоръ; *Ты* есть слово бесѣды, слѣдовательно взаимнаго разумѣнія. Такимъ образомъ совершается актъ сознанія: *Я*, *Ты* (не мое *Я*) и природа (не *Я*), или предметъ какой бы то ни было, означаемый обыкновенно словомъ: *Онъ.*—*Я*, *Ты*, *Онъ*—вотъ путь основнаго необходимаго разумѣнія человѣка, отдѣлившаго себя отъ природы, отъ явленія,—очистившаго себѣ мѣсто, и устремившаго потомъ свободно на все свой разумъ. *Я*, *Ты*, *Онъ*, безспорно относятся къ имени. Въ грамматикахъ же нашихъ слова эти называются мѣстоименіями. Хотя очень странно вообразить: *я*, *ты*, мѣстоименіями—вмѣсто какого имени употребляются они?—но однако самое слово: мѣстоименіе, указываетъ на разрядъ имени.

И такъ, во всякомъ случаѣ, *Я*, *Ты*, *Онъ* относятся къ имени. *Я*, *Ты* не имѣютъ рода, ибо само сознаніе безродно: безродны и имена, его выражающія; но *Онъ*,—*мѣстоименіе* въ полномъ смыслѣ, означающее сознанный предметъ—должно имѣть, и имѣетъ родъ, употребляется какъ: *Онъ*, *Она*, *Оно*.—Въ грамматикѣ: *Я*, *Ты*, *Онъ* имѣютъ собственное названіе: *лицъ*. Удержимъ этотъ терминъ грамматическій, хотя по настоящему онъ приличенъ только *я* и *ты*, ибо *онъ* есть по смыслу своему, уже предметъ.

Сознаніе не можетъ быть не полно. По этому при словѣ: *Я*, явилось оно во всей полнотѣ. *Ты*, *Онъ*, это необходимыя его степени, изъ которыхъ на каждой является оно *цѣло*, такъ сказать. Сознаніе есть *актъ*, *дѣйство*, поэтому кромѣ *лица*, или предмета сознающаго, кромѣ *имени* оно предполагаетъ *дѣйствіе*, *глаголъ*. Когда повторимъ мы: *я*, *ты*, *онъ*, то увидимъ, что это спряженіе глагола: *первое*, *второе* и *третье* лицо (какъ обыкновенно называется). Какой же глаголъ можетъ быть здѣсь предполагаемъ? Глаголъ чистаго бытія, безъ всякаго опредѣленія,—бытія въ существѣ своемъ. Когда мы произнесемъ этотъ основный, необходимый для уразумѣнія глаголъ, глаголъ бытія: *Есмь*, *Еси*, *Есть*, то увидимъ опять, что это личныя имена, выраженныя въ глаголѣ, такъ что при глаголѣ: *Есмь*, *Еси*, *Есть*, подразумѣвается непремѣнно имя: *Я*, *Ты*, *Онъ*, и на оборотъ при *Я*, *Ты*, *Онъ*, подразумѣвается непремѣнно: *Есмь*, *Еси*, *Есть*. Одно отдѣлить отъ другаго нельзя (*).

Актъ сознанія выразился нераздѣльно вмѣстѣ и въ томъ и въ другомъ. Полная по видимому форма будетъ: *Я Есмь*; но мы чувствуемъ тутъ плеоназмъ и особый смыслъ подтвержденія.—*Я*, одно, уже предполагаетъ *Есмь*; *Есмь*, одно, уже предполагаетъ *Я*. Нераздѣльность въ существѣ того и другаго слышна. Имя: *Я*, *Ты*, *Онъ*, и глаголъ: *Есмь*, *Еси*, *Есть*, выступаютъ, какъ части, какъ стороны, изъ цѣльнаго, первоначальнаго акта сознанія, и суть его дальнѣйшій, подробнѣйшій, и вмѣстѣ раздѣляющій ходъ. Давать преимущество и временное первенство тому или другому—конечно ложно. Это цѣльное, безразличное въ истокѣ, сознаніе, но при

(*) Потому въ нашихъ древнихъ грамматахъ, въ сложныхъ прошедшихъ, какъ скоро употреблялось *я*, *ты*, не употреблялось *есмь*, *еси*, и на оборотъ.—См. мое разсужденіе о Ломоносовѣ.—См. объ этомъ также у Буслаева въ его Опытѣ исторической Грамматики.

появленіи раздѣлившееся мгновенно логически, въ понятіи человѣка, какъ лицо (предметъ) и бытіе (дѣйствіе), какъ Имя и Глаголъ,—и начавшее свой полный кругъ разумѣнія на землѣ.—

Обратимся къ грамматикѣ,—къ самому слову, выражающему сознаніе. Мы увидимъ въ различныхъ языкахъ близость между собою, даже самыхъ словъ этихъ: *Я*, *Есмь*,—близость, слишкомъ ясно говорящую о первоначальномъ ихъ тождествѣ. Взглянемъ сперва на нашъ языкъ: Скажемъ напередъ, что древнія формы даже иногда отъ одного и того же слова, бываютъ разбросаны по разнымъ языкамъ, такъ что, напримѣръ, первое лицо глагола, или напримѣръ единственное число имени, въ древней формѣ своей, уцѣлѣло въ одномъ языкѣ, а второе лицо глагола, или множественное число имени, въ древней формѣ, уцѣлѣло въ другомъ. Такимъ образомъ, нерѣдко, при возстановленіи древняго вида слова и его измѣненій, надобно бываетъ брать формы изъ разныхъ языковъ.—Разсматривая здѣсь: *Я* и *Есмь*, сначала въ Русскомъ языкѣ, мы дѣлаемъ наши соображенія и выводы пока внутри предѣловъ Русскаго языка.

Мы, Русскіе, говоримъ теперь: *Я*, но мы говорили, какъ это можно видѣть изъ древнихъ грамотъ: *Язъ*. По церковно-славянски, и даже теперь у Болгаръ, удержалось: *Азъ*, которое конечно было и въ Русскомъ языкѣ и изъ котораго, очевидно, образовалось позднѣйшее Русское: *Язъ*, и потомъ: *Я*.—*Азъ* несомнѣнно имѣло въ окончаніи: *М*, слышное въ родительномъ: *Мя*, *Меня*. Слѣдовательно мы имѣемъ полное право возстановить: *Азъ*, какъ *Азмь*. Въ такомъ видѣ *Азмь* сходно, и почти тождественно съ *Есмь*. Предполагая сходство это и во второмъ лицѣ, мы не можемъ однако же, въ предѣлахъ Славянскаго языка, показать ощутительно это сходство; кромѣ впрочемъ того, что должны предположить, при *Ты*,—придыханіе и форму: *Твы*, изъ котораго образовалось потомъ: *Тебя*, *Твой* и *Вы*. Во множественномъ числѣ изъ *Азмь* должно было быть: *Азмы*, которое было бы почти тождественно съ: *Есмы*, но у насъ существуетъ только: *Мы*.—Отъ *Ты* имѣемъ мы: *Вы*, при чемъ имѣемъ право предположить форму: *Твы*. Первое лицо двойственнаго числа имѣетъ форму *Вѣ*, которая сходна съ *Есвѣ*, но какъ видно утратила свой полный видъ, ибо вѣроятно была тоже *Есвѣ*. Второе лицо двойственнаго: *Вы*; но это едва ли такъ, ибо это чисто лицо множественное; глаголъ же разнится: *Еста*. Предполагаемъ для втора-

го лица двойственнаго скорѣе, или: *Вѣ*, *Есвѣ*, или: *Ва*, *Еста(ества)*. Мы сказали о первомъ и второмъ лицѣ у насъ.—Что касается до третьяго лица, то такъ какъ здѣсь является предметъ со всѣмъ своимъ безпредѣльнымъ разнообразіемъ, то конечно здѣсь тождество между глаголомъ: *есть*, и предметомъ—быть не можетъ. Послѣ *Я* и *Ты* здѣсь является уже не слово сознанія, имъ равное, а самый предметъ, который отвлеченно принято теперь называть: *Онъ (оный)*, но къ которому могутъ также относиться: *сей*, *этотъ*, *тотъ* и т. д. *Тотъ*, или, *Тъ*, есть первоначальное и простое слово, для общаго отвлеченнаго обозначенія предмета: по этому здѣсь оно у мѣста. Въ самомъ же словѣ, соединяющемъ въ себѣ Имя и Глаголъ *(Азмь)*, личное значеніе,—значеніе, которое опредѣляетъ выраженіе, образованіе слова,—отступаетъ, какъ скоро является предметъ (третье лицо), и тогда остается одинъ корень, или лучше, одна тема слова: *Е-С*, въ своемъ неопредѣленіи. Изъ этой формы въ третьемъ лицѣ,—въ значеніи имени, образовалось *Ся*, гдѣ сознаніе само становится предметомъ, изъ личнаго переходитъ въ объективное, слѣдовательно обращено само на себя, гдѣ оно понято, какъ чистое, независимое отъ лица, сознаніе и по этому относящееся равно ко всѣмъ лицамъ. Отвлеченная тема глагола: *ес*, и отвлеченное сознательное имя: *ся*,—первоначально тождественны. Но сознаніе, какъ объектъ (предметъ)—быть въ Именительномъ падежѣ не можетъ (*Я* и *Ты*—субъектъ, лицо). Въ Именительномъ падежѣ, какъ объектъ, можетъ быть предметъ, не сознающій *(лугъ*, *волъ*, и пр.) (*); поэтому *Ся*, сознаніе какъ объектъ, само на себя обращенное, и не имѣетъ Именительнаго падежа, а имѣетъ только падежъ Винительный и другіе косвенные.

И такъ, есть точно третье лицо, само полагающее себя какъ предметъ, есть сознаніе, на себя обращенное, выразившееся и въ имени, но это лицо—*Ся*, не имѣющее Именительнаго падежа. Весь же объективный міръ былъ обозначенъ особымъ наименованіемъ, не отъ этого сознательнаго слова происходящимъ,—прила-

(*) Не сдѣлаютъ-ли возраженія, что сознательныя существа тоже являются въ Им. падежѣ, напр: *человѣкъ*?—Но тогда они являются все же, какъ предметъ *не сознающій*, одаренный способностью сознанія, но не представляющій самый актъ сознанія, который является только въ Именахъ личныхъ: *Я* и *Ты*.—*Человѣкъ* есть объектъ. Субъектъ только—*Я* и *Ты*.

гательнымъ (мѣстоименіемъ): *тъ*. Глаголъ, отдѣльно понятой, остался при своей отвлеченной темѣ: *ес* (вѣроятно опредѣлившейся въ *есе*), къ которой уже, присоединилось: *тъ*, и образовало: *естъ*, *есть*, *est*; во множественномъ, составилось *су-ть*; черезъ носовый звукъ по церковно-славянскому языку: *сѫть*, т. е. *сон-тъ*, *sunt*. Вѣроятно прежде было: *есу-ть*, *есо-н-тъ*, ибо всѣ другія формы того же глагола доказываютъ присутствіе *е*, или вообще передовой гласной. Очевидно, что окончаніе множественнаго на *тъ* или *ть*, сократилось изъ *ты* или *ти*. Въ третьемъ лицѣ, въ двойственномъ, образовалось: *еста*. Образованіе третьяго лица глагола *есмь* очевидно принадлежитъ къ послѣдующему мгновенію мысли, по логическому ея ходу и по времени; по этому, хотя и не запамятно-древняго, но все позднѣйшаго состава. Здѣсь очевидно придаваемое прилагательное: *тъ—ть*, единственнаго, *ти—ты*, множественнаго, *та*, двойственнаго. Впрочемъ, смягченіе *ъ* или *ь* встрѣчается очень часто въ одномъ и томъ же словѣ, поэтому могло быть *тъ* и *ть*, *ты* и *ти*. Отсюда образовалось это различіе глагольныхъ окончаній третьяго лица: *иде-тъ*, *иде-ть*; *иду-тъ* (*ты*), *иду-ть* (*ти*). Какъ указаніе на то, что первоначально третье лицо было отвлеченная тема глагола, можетъ служить, кажется, употребленіе древнее, доселѣ на югѣ Россіи удержавшееся, рядомъ съ другимъ, а именно: *пише*, *ходи*; и во множественномъ, въ другихъ славянскихъ языкахъ: *пишу*. Въ Остромировомъ Евангеліи встрѣчаются примѣры двойнаго употребленія безъ *тъ* и съ *тъ*, напримѣръ: *прострѣ* (стр. 128 а) и *прострѣтъ* (стр. 94 б), и пр. Также позднѣе встрѣчается прошедшее церковно-славянское: *бяху* и *бяхуть*.

Вотъ, что видимъ мы въ нашемъ языкѣ; теперь обратимъ вниманіе на другіе Индо-Европейскіе языки, которые должны пополнить наше созерцаніе, должны явить новыя стороны *Я* и *Есмь*.— Въ языкѣ Санскритскомъ *Я—Aham*, въ Зендскомъ: *Azem*. Въ какой мѣрѣ придыханіе заглушило въ Санскритскомъ букву *с* (*s*), которая кажется намъ основною, въ Индо-Европейскихъ языкахъ,— какъ произносилось: *Aham*, въ самомъ древнемъ Санскритскомъ? — мы это оставляемъ въ сторонѣ. Можемъ сказать только, что изъ придыхательнаго: *Aham*, образовалось: Εγω Греческое, *Ego* Латинское и *Ik* Готское, *Ich* Нѣмецкое. Изъ Зендскаго: *Azem*, образовалось: *Азъ* Славянское, *Asz* Литовское. Дальнѣйшее изслѣдованіе пока-

зываетъ, что *с*, *з*,—болѣе основные звуки. Въ Санскритскомъ языкѣ, *Есмь (Есми)* читается *Asmi*, гдѣ слышится вновь *s*. Близость съ нашимъ языкомъ (*Asmi*, *Есми*)—очевидна, и еще больше соотвѣтствуетъ нашему, предполагаемому несомнѣнно, личному Имени: *Аз-мь*. Въ Зендскомъ на оборотъ выступаетъ здѣсь *h*: *Ahmi*, но близость несомнѣнна и тутъ. Во множественномъ числѣ языкъ Санскритскій уклонился отъ *Аземъ* или *Агамъ*. Множественное: *Мы*,—по Санскритски: *Vayam*, по Зендски: *Vaêm*. Но въ примѣръ, какъ можетъ изкажаться языкъ, и въ доказательство тождества личныхъ Именъ и Глагола бытія, мы встрѣчаемъ въ древнѣйшемъ видѣ Санскритскаго языка, въ языкѣ Ведъ: *Asmê*, (*мы*), столько сходное съ нашимъ: *Есмы*; вотъ форма, которая у насъ удержалась въ глаголѣ, а въ Ведахъ—въ личномъ Имени. Санскритское множественное отъ *есмь*, хотя и сходно, но дальше отъ первообраза, чѣмъ Славянская форма,—именно: *Smas*.—Второе лицо по Санскритски: *Tvam*, форма древнѣйшая Славянской, если не предполагать придыханія въ *ы* вообще, которое весьма возможно, ибо *ъ* по своему значенію и мѣсту, занимаемому въ звукѣ, можетъ выражать и придыханіе, особенно въ *ы*, дающемъ ему положительность.—Второе лицо является намъ однако безъ *С*, этой основной буквы Глагола и Имени; но въ Греческомъ языкѣ *С* выходитъ наружу; *ты*—*συ* по Гречески. Это *συ* (*) какъ будто объясняетъ второе лицо глагола бытія: наше *Еси*, *Asi* по Санскритски, Εσ-σι по Гречески, по Зендски опять *A-hi*. Мы смѣемъ сдѣлать предположеніе, что подобно тому, какъ *Мы* есть остатокъ, окончаніе *Ес-мы* (которое есть первоначальная форма слова: *мы*, сохранившаяся въ Ведахъ: *Asmê*; Греческое Αμμες), такъ *συ* Греческое, *Tva* Санскритское, *Ты* Русское,—есть только одно окончаніе полной формы Εσ-συ, *Es-tva* или *As-tva*, *Ес-ты* или *Ес-твы*. Не будемъ спорить о томъ, которая изъ этихъ формъ болѣе приближается къ первоначальной. *Т* легко могло перейдти, особенно съ придыханіемъ (*tv*, *th*), въ *S*, и въ этомъ видѣ остается въ глаголѣ въ позднѣйшемъ образованіи: *Ес-си*. Это придыханіе слышно въ Зендскомъ: *Ahi*. Въ словахъ же *Ты*, *Tva*, удержалась форма ближай-

(*) По дорійскому нарѣчію *τυ*; при этомъ видно, какъ удобно переходила буква *т* въ *с*.

шая къ первообразной (*). Во множественномъ числѣ, *Вы*, — въ Санскритскомъ: *Yûyam*; но въ Ведахъ опять слышно *s*: *Yusme*, а въ Греческомъ Ὑμμες, въ Зендскомъ *Youschêm*. Глаголъ бытія во второмъ лицѣ, въ множественномъ, отдаленъ отъ личнаго Имени и почти вездѣ одинаковъ: Славянское *Есте*, Греческое Ἐσ-τε, Санскритское *Sta'*, Зендское *S-tha*. Но мы слышимъ однако въ Санскритскомъ и Зендскомъ придыханіе, которое могло образовать множественную форму: *Tve*, перешедшую у насъ въ *Вы*, и если мы присоединимъ утраченное *Ес*, а этому примѣровъ у насъ довольно, то можемъ возстановить древнюю форму, вѣроятно: *Estve*, *Es'tva*, *Ествы*, или т. п., очень близкую къ формѣ единственнаго числа. Намъ кажется, что и въ этихъ, очевидно въ развалинахъ существующихъ, формахъ, можно узнать, единство личнаго Имени и Глагола бытія; но признаемся: здѣсь, во 2-мъ лицѣ множественнаго, съ трудомъ проводится эта параллель. Въ двойственномъ числѣ перваго лица, сходство снова выступаетъ. Въ Славянскомъ оно очень ощутительно и просто: *Вѣ* —*Есвѣ*; очевидно, что *Ес* откинуто въ позднѣйшее время. — Это *С (s)* не сохранилось ни въ Греческомъ, ни въ Санскритскомъ языкѣ: *Avam*, Νῶι. Въ Литовскомъ: *Мидди*, очевидно сложное: *ми-дди*. — Въ Санскритскомъ языкѣ, въ глаголѣ, въ 1-мъ лицѣ двойственнаго, видимъ: *Svas*. — Въ Санскритскомъ языкѣ Имя личное во второмъ лицѣ двойственнаго: *Yuvam*. Глаголъ: *St'as*. Придыханіе даетъ возможность предположить *в*, слѣдовательно образовать форму: *Ствa*, *Ества*; тогда сходство открывается, и вмѣстѣ съ этимъ возможность тождества формъ. По Гречески: σφῶι; быть можетъ является здѣсь σ вмѣсто τ, но во всякомъ случаѣ близко къ основной формѣ; глаголъ же — ἐστόν. Осмѣливаюсь здѣсь сдѣлать одно предположеніе. Вѣроятно двойственное перваго лица, происходя отъ *Аземъ* должно было имѣть: *Асма* или *Асмѣ*, *Есма* или *Есмѣ*; раздѣлившись потомъ въ употребленіи и устранивъ начальныя буквы, оно должно было имѣть: *Ма* или *Мѣ*, въ личномъ Имени; въ Глаголѣ бытія могло

(*) Мы должны прибавить однако, что возможно, даже вѣроятно, что σ въ σν Греческомъ есть τ, перешедшее въ σ, и что *с (s)*, оставшееся, могла быть превозмогшая, коренная буква слова: *с (s)*, поглотившая *т (t)*; такъ что въ Глаголѣ осталось: *es*, εις, *еси*, а въ Имени личномъ второмъ: *tu*, σν—τν; *ты (твы)*.

остаться *Есмъ*; въ Ц. Слав. это могло потомъ измѣниться въ *Вѣ*, *есвѣ*. Предположеніе наше отчасти подтверждается Греческою формою: Υω; *Н*, какъ извѣстно, замѣняетъ *М*; напр. *мы—насъ*, и т. п. Это подтверждается и тѣмъ, что Церковно-славянское: *Вѣ*, имѣетъ въ родительномъ: *Наю*. Второе лицо должно было быть: *Ва* или *Вѣ*, *Тва* или *Твѣ*, но, вѣроятно, не *Вы*, которое есть, просто-напросто, форма множественнаго. Буква *В* слышна, впрочемъ, во всѣхъ языкахъ; въ Греческомъ видимъ даже *С* (σ), можетъ быть измѣненное *Т* (τ).—Въ языкѣ Славянскомъ аспирація въ глаголѣ, слышная въ Санскритскомъ, думаемъ мы утрачена, равно какъ и въ Греческомъ. Такимъ образомъ Славянское двойственное перваго лица есть двойственное втораго, перенесенное на лицо первое (могло впрочемъ быть не *Вѣ*, а *Ва*). Двойственное же втораго, какъ бы въ доказательство, что оно утрачено, приняло очевидно форму множественнаго: *Вы*. Глаголъ же втораго лица двойственнаго: *Еста*, удержалъ двойственную форму. Вообще *М* считаемъ мы принадлежностью перваго лица, а *В (V)*, какъ аспирацію при *Т*, — втораго. Во всякомъ случаѣ и здѣсь, во второмъ лицѣ, кажется, достовѣрно можно утверждать, что формы личнаго Имени и Глагола бытія, первоначально *тождественны* (*).

И такъ думаемъ, что сознаніе, въ первое мгновеніе свое, явившись цѣльнымъ, и слѣдовательно въ цѣльномъ словѣ,—тутъ же раздѣлилось въ понятіи, на лицо (предметъ въ общемъ значеніи) и на бытіе (дѣйствіе): на *Имя и Глаголъ*. Раздѣлившись въ понятіи, слово раздѣлилось и въ употребленіи; такъ, что на одной сторонѣ осталась одна часть, а на другой, другая часть слова,—части, которыя обдѣладись и сформировались въ особыя слова. Древніе языки представляютъ намъ развалины этого употребленія; въ нихъ древнія формы сохранились порознь, такъ, что иногда какой нибудь древней формѣ личнаго Глагола: *есмь*, въ одномъ языкѣ,—соотвѣтствуетъ древняя форма личнаго Имени: *я*, уцѣлѣвшая въ языкѣ

(*) Личныхъ именъ *я*, *ты*, *ся*, съ ихъ склоненіемъ, личнаго глагола *есмь* съ его спряженіемъ, мы не разсматриваемъ здѣсь въ полнотѣ и подробности, ни собственно въ русскомъ языкѣ, ни сравнительно съ другими. Мы говоримъ здѣсь объ этомъ столько, сколько намъ нужно. Подробное же разсмотрѣніе надѣемся сдѣлать ниже, въ своемъ мѣстѣ.

другомъ. Напримѣръ: *Есмы* славянское (личный Глаголъ) и *Asme (мы)* древне-Санскритское (личное Имя). Спѣшимъ прибавить, что мы не беремъ на себя рѣшить древность окончательной буквы, какъ напримѣръ здѣсь: *ы* или *е*. Но во первыхъ, мы дѣлаемъ общее положеніе о первоначальномъ—не сходствѣ—но *тождествѣ*,—хотя бы на первое мгновеніе,—личнаго Имени и Глагола бытія; во вторыхъ, не можемъ не признать приблизительнаго тождества и въ самомъ словѣ, между, напримѣръ: *Есмы* и *Asme*,—и слѣдовательно относительной первоначальности подобныхъ формъ.

Примѣчаніе 1-е. На мысль нашу, что первое слово сознанія есть *Я*, слѣдовательно сознаніе себя, могутъ возразить, что обыкновенный путь человѣческаго развитія есть признаніе предмета и потомъ сознаніе себя. Но сознаніе предмета не можетъ совершиться безъ сознанія себя; сознаніе себя постоянно тутъ, и когда человѣкъ, само по себѣ, доходитъ до своего *Я*,—это уже сознаніе своего сознанія, удвоенное сознаніе, или лучше самосознаніе (выражаемое въ языкѣ уже словомъ *Ся*). Въ словѣ же возникаетъ не отвлеченное, но живое сознаніе, прямо въ своемъ выраженіи, прямо воплощающееся въ опредѣленное явленіе слова; это первое простое сознаніе,—первый вырвавшійся знакъ жизни разумной, жизни *человѣка*, не могло быть умолчено въ словѣ.—Если ребенокъ никогда не начнетъ говорить съ слова *я*, то вспомнимъ, что онъ медленно мужаетъ и руководится уже готовою рѣчью, научаясь ей отъ другихъ. Но человѣкъ, во всемъ своемъ совершенствѣ, ставшій внезапно среди природы, еще не оглашенной словомъ человѣка, мгновенно проникнутый закипѣвшимъ и вспыхнувшимъ въ немъ сознаніемъ, конечно выразилъ прежде всего сознаніе, и первое слово было—слово сознанія, то есть: *Я*. Какое бы слово ни вылетѣло изъ устъ человѣка, оно уже было словомъ сознанія, ибо надо было дать исходъ тому божественному огню, который въ немъ вспыхнулъ, который онъ ощутилъ въ себѣ. Первый человѣкъ сказалъ: *Асмь* или *Асми*, или тому подобное, сколько можемъ мы угадывать по остаткамъ, теперь разноязычнаго, разновременнаго слова.—И такъ, первое мгновеніе сознанія, безъ котораго не можетъ быть признанія предметовъ, въ

первое проявленіе свое на землѣ, было, конечно, свѣтло, было ощущено и высказано. Вмѣстѣ съ этимъ первымъ мгновеніемъ сознанія, высказалось сознаніе и *предмета*,—всего сущаго міра *(не-Я)*. Что же касается до втораго мгновенія сознанія, до самосознанія, то высказалось и оно, когда человѣкъ произнесъ *Ся*, гдѣ обратился онъ самъ на себя, гдѣ, отвлеченно даже отъ личности, понялъ онъ сознаніе, такъ что оно и стало равно доступно всѣмъ лицамъ. Слово *Ся*, сказать между прочимъ, не существуетъ въ столько древнемъ языкѣ Санскритскомъ.

Примѣчаніе 2-е. Мы употребляли не разъ выраженія: *корень* слова. Онъ безспорно существуетъ, но надо прибавить, что самъ корень подверженъ совершенно измѣненіямъ, такъ что на мѣсто однихъ буквъ становятся другія. Тѣмъ не менѣе корень слова тутъ, ибо это — *его* измѣненіе. Разница корня отъ одежды, отъ наружности слова та, что наружность совершенно устраняется, придается, откидывается и замѣняется, а корень, хотя можетъ измѣняться, но постоянно присутствуетъ. Въ Имени-Глаголѣ, въ словѣ *Есмь*, *Азмь*, и т. д. мы находимъ одну коренную букву: это *С* (*S*),—измѣняющуюся въ *Г* (*H*, *G*), но постоянно присутствующую. Во второмъ лицѣ, мы видимъ ее же, или съ прибавленіемъ буквы *Т* сзади, или быть можетъ перешедшею въ нее чрезъ придыханіе; впрочемъ мы думаемъ первое. Какъ также тематическую букву, хотя не въ такой степени признаемъ мы *А*, переходящее въ *Е*, *Еї*, и утратившееся позднѣе.

Примѣчаніе 3-е. Мы знаемъ, что существуетъ мнѣніе о сложности глагола вообще, и слѣдовательно непремѣнно отсюда и о сложности Глагола *есмь*, съ Именами личными, изъ чего, думаютъ, и образуется спряженіе; но мы не можемъ съ этимъ согласиться, основываясь на тождествѣ слова: личнаго Имени и Глагола бытія, что̀ мы старались показать; подобной сложности нѣтъ мѣста здѣсь, да и просто на самомъ дѣлѣ трудно отыскать сложность, напримѣръ: въ *Есмь*, *Asmi*, съ первымъ личнымъ Именемъ; гдѣ же тутъ сложилось съ *Asmi*, напримѣръ, *Aham* или *Azem*? Напротивъ: очевидно выдается здѣсь тождество имени и глагола. Если же въ *есмь* нѣтъ этой сложности, то какъ

же признать ее для другихъ глаголовъ.—Присоединеніе къ всякому глаголу личныхъ именъ, образуетъ, по вышесказанному мнѣнію спряженіе; но почему же это неприсоединеніе Глагола *есми*, который такъ тождественъ съ личнымъ Именемъ? На эту бы вторую мысль скорѣе должно навести сходство спряженія съ этимъ глаголомъ; но и это несправедливо. Сложности здѣсь никакой нѣтъ, но конечно духъ глагола, выразившись въ извѣстной формѣ въ Глаголѣ бытія, одинаковъ для всѣхъ глаголовъ, и стало быть долженъ при всѣхъ глаголахъ повторить эту форму, которая возводится до своего общаго отвлеченнаго значенія и присоединяется, *какъ чистая форма*, къ глаголу, а не какъ особый глаголъ, приносящій съ собою свое значеніе. Вообще такого рода предполагаемая сложность если является, то въ гораздо позднѣйшую эпоху языка.

Примѣчаніе 4-е. Въ нашемъ языкѣ: *Я*, *Ты*; *Мы*, *Вы*; *Есмь*, *Еси*; *Есмы*, *Есте*,—хотя не сходны между собою, между тѣмъ употребленіе обнаруживаетъ ихъ сходство. *Есмь*, *Еси*, встрѣчаясь въ Русскихъ граматахъ, при отглагольныхъ прилагательныхъ, при другихъ прилагательныхъ, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ бы ни случилось, совершенно соотвѣтствуетъ *Я* и *Ты*, имѣетъ даже его значеніе и замѣняетъ его, такъ что когда встрѣчается *Есмь* и *Еси*, то не ставится *Я* и *Ты*; наоборотъ, какъ скоро встрѣчается *Я* и *Ты*, не ставится *Есмь* и *Еси*; иногда встрѣчаются вмѣстѣ и личное Имя и Глаголъ, но тогда это получаетъ особенный характеръ усиленія, удвоенія, можно сказать (*). *Есмь* вообще употребляется рѣдко, но на это уже особая причина, о которой надѣемся сказать въ своемъ мѣстѣ; впрочемъ можно сказать и то, что въ третьемъ лицѣ всегда почти находится или предметъ или мѣстоименіе: *онъ*. Какъ важное доказательство нашего мнѣнія, вспомнимъ выраженіе народное: *Гой еси добрый молодецъ!* гдѣ *еси* совершенно соотвѣтствуетъ *ты*: *Гой ты добрый молодецъ*. Тоже значеніе сохраняется, какъ удвоеніе въ выраженіи: *Ахъ ты гой еси*.

Что касается до третьяго лица, то, какъ мы уже сказали, мы считаемъ оное темою глагола, свободнаго даже отъ той опре-

(*) См. мое разсужденіе о Ломоносовѣ.

дѣленности, выражающейся и въ словѣ, которая дается даже личными именами. Это уже послѣдующее мгновеніе сознанія. Въ мірѣ объективномъ, сознанномъ, нѣтъ той цѣльности, единства, какое есть въ сознаніи, въ лицѣ сознающемъ; слѣдовательно онъ не могъ быть высказанъ единымъ живымъ и дѣйствительнымъ словомъ, какъ первое и второе лицо (*Я*, *Ты*); онъ долженъ былъ быть понятъ отвлеченно, чтобы получить свое общее наименованіе и чтобъ изъ этой отвлеченности могъ разсыпаться на безчисленныя явленія. Прежде всего Имя-Глаголъ бытія въ 3 лицѣ понимается отвлеченно и въ словѣ является одною темою. Эта общая тема Имени-Глагола—*ЕС* (*е*, какъ мы уже видѣли, часто отсутствуетъ въ формахъ, до насъ дошедшихъ); но такъ какъ, съ одной стороны, онъ носитъ на себѣ актъ личнаго сознанія, являющегося отвлеченнымъ, то тема его получаетъ значеніе чистаго сознанія, себя разумѣющаго, и образуетъ третье, общее личное Имя: *Ся*. Съ другой стороны, какъ отвлеченная тема, онъ употребляется какъ обозначеніе всего сущаго, всего объективнаго міра, бытія вообще, и образуетъ тогда третье лицо Глагола *есмь*, причемъ къ темѣ его, обыкновенно, придается общій образъ, типъ предмета, выражающійся словомъ (такъ наз. мѣстоименіемъ): *Тъ* (или *Ть*). Такимъ образомъ третье лицо есть точно *сложное* изъ *ЕС* и *Тъ*; тогда какъ первое и второе лицо суть цѣльныя въ понятіи и словѣ, но раздѣлившіяся (каждое), послѣ перваго мгновенія и въ понятіи и въ словѣ. Но какъ замѣтили мы, глаголъ въ томъ же значеніи употребляется и въ одной тематической формѣ (хотя не въ самомъ глаголѣ *есмь*, гдѣ *ЕС* какъ бы нуждается болѣе въ опорѣ *Тъ*, а въ другихъ; напримѣръ: *иде—идетъ*); это, по нашему мнѣнію, съ своей стороны доказываетъ, что при окончаніи: *Тъ*, глаголъ (и также глаголъ *есмь*: *ЕС-Тъ*,-*ЕС-Ть*, *(Е) СУ-Тъ*, взятъ какъ тема, къ которой *Тъ* присоединено. Въ тематической формѣ глаголъ оканчивается, кажется, на *Е* или *И* въ единственномъ и *У* или *Я* во множественномъ. Впрочемъ объ этомъ надѣемся подробнѣе сказать въ своемъ мѣстѣ.

Окончаніе третьяго лица въ языкахъ иностранныхъ совершенно одинаково; это: *Тъ*, придающееся къ темѣ глагола, которая на всѣхъ языкахъ имѣетъ общее значеніе. (*) Санскритское: *As-ti*,

(*) См. Bonna Vergleichende Grammatik.

Зенд. *Asti*, Греч. Ἐστί, Слав. *Ес-ть*, Лат. *Es-t*. Тематическая форма третьяго лица глагола *есмь*, вѣроятно, какъ мы предполагаемъ, *есть*: *есе*; быть можетъ она и была нѣкогда передъ *ть (есетъ, есеть)*, но поглотилась *(есть)*. Во множественномъ тоже самое: *тъ*, или лучше, *ти*, придается къ темѣ глагола. Замѣчательно, что основная гласная, переходящая изъ *а* въ *е* и *і (іт*, Готское *есмь)*, въ третьемъ лицѣ множ. чис. отсутствуетъ совершенно, но конечно она была нѣкогда. Третье лицо множ. числа по Санскритски: *santi*, по Зендски: *hen-ti* по Гречески (σ) ἐντι, по Славянски *сж-ть*, по Латынѣ *sun-t*. Если мы обратимъ вниманіе, то увидимъ, что къ темѣ придано окончаніе множественное: *ти*, при чемъ сама тема въ глаголѣ имѣетъ окончаніе множественное и носовой звукъ, что между прочимъ доказываетъ, что здѣсь тему надо разумѣть отдѣльно и что полная форма съ окончаніемъ: *ти*, есть форма сложная. Точно также, какъ и въ единст. числѣ,—тематическая форма, одна, во множ. числѣ въ глаголѣ *есмь*, не употребляется; но въ другихъ глаголахъ она встрѣчается безъ *ти*, напр.: *мужи пашу*, *жены рубы строя*. Въ Польскомъ и доселѣ точно также: *vidzią*, и пр. Это опять доказываетъ сложность формы. Въ другихъ Слав. языкахъ тоже. Въ Латинскомъ встрѣчается подобное тому: *fecere* вмѣсто *fecerunt*. Изъ отвлеченной темы: *es, ec*, образовалось, уже позднѣе, думаемъ мы, Славянское: *сій*, *сей*, (соотвѣтственно съ *сый*), и можетъ быть Латинское *hi-c*.

И такъ мы видимъ, что сознаніе и слово не началось ни той, ни другой своей стороною. Изъ устъ человѣка вдругъ вылетѣло разумное сознательное слово, одно и цѣльное. Мгновенно раздѣлившись въ понятіи, оно раздѣлилось и въ употребленіи и въ образованіи своемъ, какъ Имя и Глаголъ. Давать преимущество и хронологическое первенство тому или другому—было бы очевидно ложно.—Но самый этотъ дальнѣйшій логическій ходъ мысли, раздѣлившій цѣльность сознанія и слова, указываетъ на *логическое* первенство той, либо другой стороны; и на этомъ-то основаніи мысли, выраженной словомъ, раздѣляется Грамматика. Такимъ образомъ ходъ самой мысли въ словѣ, раздѣляетъ науку слова.—Обратимся же къ этому раздѣленію.

Раздѣленіе.

Въ началѣ все сущее является мысли, какъ бытіе въ покоѣ. Все сущее заключено въ самомъ себѣ, весь міръ является сомкнутымъ въ себѣ, и видъ его въ такое мгновеніе есть *образъ*. Это покой міра и всѣхъ силъ бытія. При первомъ взглядѣ, все окружающее, какъ бы стоитъ около человѣка, безъ движенія, и по этому видна одна *наружная сторона* всего. Здѣсь является *бытіе*, *міръ въ самомъ себѣ*, *міръ въ мірѣ*. Это первое мгновеніе, первая степень сознанія. Міръ здѣсь, на этой первой степени,—*предметъ*.

Міръ, какъ образъ, какъ предметъ, выразился въ словѣ особою формою, и особымъ разрядомъ словъ или частью рѣчи: *Именемъ*.

Далѣе. Міръ являющійся носитъ въ себѣ причины своего бытія и явленія; въ немъ лежатъ внутреннія силы. Въ *явленіи* лежитъ *значеніе*. Значеніе выступаетъ. При второмъ взглядѣ, видно, что все окружающее, весь этотъ міръ, продолжается, *существуетъ*; и тогда является другая сторона, *сторона внутренняя*, замкнутая доселѣ. Міръ, какъ бы выступаетъ изъ себя, и обнаруживаетъ сокровенное. Выраженіе его въ такое мгновеніе, есть *сила*. Здѣсь является *бытіе*, *міръ—выходящимъ изъ самого себя*, или: *міръ изъ міра*. Это второе мгновеніе, вторая степень сознанія. Весь міръ является дѣйствующимъ безпрерывно на этой второй степени, міръ есть *дѣйствіе* въ общемъ своемъ объемѣ, отъ бытія до движенія.

Міръ, какъ сила, какъ дѣйствіе, выразился въ словѣ, особою, формою, особымъ разрядомъ или частью рѣчи: *Глаголомъ*.

Примѣчаніе. Если бы вообразить, что дѣйствіе должно предшествовать, то странно было бы вообразить дѣйствіе безъ предмета (тогда какъ предметъ безъ дѣйствія, безъ движенія—вообразить можно). Взглянувъ прежде со стороны дѣйствія, человѣкъ, такъ сказать, не разсмотрѣлъ бы міра, подобно тому, какъ въ обыкновенномъ ежедневномъ созерцаніи (на которое мы теперь ссылаемся) не разсмотришь предметы въ дѣйствіи, въ движеніи, какъ скоро преимущественно и предварительно на дѣйствіе, на движеніе устремишь вниманіе. Надо помнить, что объ эти стороны нераздѣльно связаны, и безъ нихъ

сознанія быть не можетъ; но мы отдѣляемъ ихъ здѣсь послѣдовательно на основаніи разумнаго ихъ отношенія и преемства. Человѣкъ, обращая вниманіе на свое сознаніе, встрѣчаетъ, согласно логическому ходу, прежде всего предметъ (гдѣ содержится и дѣйствіе, но подчиненно), и потомъ дѣйствіе (гдѣ содержится и предметъ, но опять подчиненно). Особенность этого подчиненнаго отношенія (дѣйствія къ предмету, предмета къ дѣйствію) должна выразиться въ самой Грамматикѣ. И такъ мы считаемъ справедливымъ наше послѣдовательное (въ логическомъ смыслѣ) раздѣленіе слова: міръ въ себѣ, предметъ—*Имя*; міръ изъ себя, дѣйствіе—*Глаголъ*.

Но обѣ эти стороны составляютъ цѣлое—только въ соединеніи, и только одна при другой имѣютъ значеніе. Сознаніе раздѣлило первоначальную цѣлость бытія и слова, различило обѣ стороны, и оправдавъ каждую сторону и давъ ей выраженіе въ словѣ, вновь, тоже сознаніе, логическимъ путемъ своимъ, соединило ихъ въ цѣлость, но уже ясную и сознанную, въ которой обѣ стороны признаны и оправданы.—Предметъ и дѣйствіе неразрывно соединены, безъ чего невозможно пониманіе. Самое соединеніе предмета и дѣйствія, не имѣетъ, это очень понятно, особаго вида, ибо это есть только *соединеніе* того, что уже выразилось. Это соединеніе—есть *жизнь*, всеобъемлющая. Бытіе, взятое отвлеченно одною стороною, есть или предметъ или дѣйствіе; но вмѣстѣ въ сочетаніи того и другаго, оно—жизнь, гдѣ предмета нельзя разлучить отъ дѣйствія. Здѣсь *бытіе, міръ въ себѣ*, и *бытіе, міръ изъ себя*, являются *соединенно*. Это третья полная степень сознанія, на которой соединяются въ духѣ жизни, обѣ различенныя, ради уразумѣнія, стороны,—степень, которая въ бытіи, относительно времени, современна предыдущимъ; но раздѣленіе наше сдѣлали мы не на основаніи времени, но на логическомъ основаніи мысли. Здѣсь, на этой третьей, высшей, заключительной степени, бытіе, міръ, является, какъ *жизнь*.—Эта гармонія предмета и дѣйствія, выразилась въ словѣ, какъ гармоническое соединеніе Имени и Глагола. Здѣсь не возникло особой новой формы слова: ей болѣе нѣтъ мѣста, ибо здѣсь только *соединеніе* того, что уже выразилось. Сознающій духъ переходитъ вновь во внутреннюю область жизни, дѣйствуетъ уже чисто психическою, чисто личною силою,

приводитъ въ гармоническое движеніе, какъ одно цѣлое, словесныя формы предмета и дѣйствія—Имя и Глаголъ, образованныя имъ на пути сознанія въ словѣ.—Міръ, какъ гармоническое сочетаніе предмета и дѣйствія, есть *жизнь*. Слово, какъ гармоническое сочетаніе Имени и Глагола, есть *рѣчь*.

И такъ передъ нами являются три части грамматики, согласно тремъ степенямъ сознанія, выразившагося въ словѣ, нами сейчасъ объясненнымъ.

I. Имя	—	—	Предметъ.
II. Глаголъ	—	—	Дѣйствіе.
III. Рѣчь	—	—	Жизнь.

Обѣ первыя части составляютъ одну, въ томъ отношеніи, что въ нихъ, и въ той и въ другой, сознаніе является раздѣленнымъ, и образуются видимыя, опредѣленныя формы слова; по нѣмецки носятъ онѣ прилично названіе: *Formenlehre*.

Третья часть, гдѣ является жизнь слова, гдѣ сознаніе въ словѣ является цѣльнымъ и соотвѣтствуетъ цѣльности жизни, носитъ особое названіе *синтаксиса*, которое мы намѣрены удержать. Но мы не удерживаемъ названія, общаго для двухъ первыхъ частей, принимаемыхъ почти всегда безъ различія за одну: названія *этимологіи*; ибо оно противорѣчитъ нашему взгляду и можетъ сбивать, принятымъ уже своимъ значеніемъ. Мы рѣшаемся назвать первыя двѣ части. *Грамматикою объективною* или *аналитикою*, а третью: *грамматикою субъективною* или *синтаксисомъ*.

ЧАСТЬ I.

Имя.

Я есть первое Имя; но въ немъ выразилось личное недѣлимое сознаніе. *Ты* есть также личное сознаніе, признанное въ другомъ, и также недѣлимое. Первоначально, личныя Имена тождественны съ Глаголомъ *Есмь*, *Еси*.—*Я* и *Ты*—два первыя лица: это сторона *сознающая*. Третье лицо, міръ *сознанный*, есть весь міръ, вся безконечная область предмета. Глаголъ бытія принимается здѣсь въ отвлеченномъ смыслѣ, и предметъ отъ него отдѣляется. Третье лицо глагола образуется чрезъ присоединеніе къ темѣ общаго окончанія, обозначающаго предметъ: *тъ*. Но сознаніе, отвлекаясь отъ личнаго значенія, и въ третьемъ объективномъ лицѣ становя себя предметомъ,—образуетъ изъ темы Имени-Глагола: *ЕС—Ся*, въ которомъ выражается обращеніе сознанія на само себя. *Ся*, какъ сознаніе обращенное само на себя, или *сознаніе сознанное*,—относится къ разряду *Я* и *Ты*, и является также недѣлимымъ.

Такимъ образомъ прежде всего передъ нами Имя личное, хотя выражающее *бытіе въ себѣ*, и потому, хотя *Имя*,—но насквозь проникнутое недѣлимымъ духомъ сознанія, обличающее одинъ общій источникъ и сродство свое съ Глаголомъ, и потому ищущее съ нимъ сомкнуться, какъ въ первыхъ двухъ своихъ видахъ, гдѣ сознаніе является личнымъ и субъективнымъ, такъ и въ третьемъ, гдѣ сознаніе отвлекается отъ личности и само становится объектомъ. Эти имена: *Я*, *Ты*, *Ся*.

Въ имени сознательномъ мы слѣдовательно не видимъ предмета; ибо хотя здѣсь и есть форма имени, но сквозь нее свѣтитъ недѣлимый дѣятельный, внутренній духъ сознанія.—Здѣсь нѣтъ образа. Слѣдовательно настоящаго опредѣленія предмета и соединеннаго съ нимъ разнообразія—здѣсь нѣтъ, и быть не можетъ. Предметъ является собственно только уже на степени третьяго лица, какъ всякой предметъ, или какъ: *онъ*, *она*, *оно*, которымъ именуется отвлеченно весь безконечный рядъ образовъ или предметовъ міра внѣшняго. И слѣдовательно, здѣсь собственно является *Имя* во всемъ своемъ разнообразіи и во всей полнотѣ своихъ видоизмѣненій. Говоря объ Имени, мы говоримъ собственно о третьемъ лицѣ. И такъ приступаемъ къ Имени.

Имя—есть покоящійся міръ.—Предметъ (объектъ), во всемъ объемѣ, со всѣми своими сторонами, находитъ себѣ выраженіе въ этой части рѣчи.

Область предмета есть цѣлый міръ, ибо предметъ или *образъ* (форма)—есть существенная, необходимая сторона всякаго явленія. Міръ является намъ, какъ природа и человѣкъ, т. е. сознаваемое и сознающее.

Сознаніе не есть предметъ; напротивъ всякое явленіе есть предметъ для сознанія.—Но сознаніе явилось на землѣ въ конечномъ вещественномъ *природномъ* существѣ—въ человѣкѣ. Человѣкъ, какъ часть природы, есть самъ предметъ. Съ другой стороны, сознаніе, познающее міръ внѣшній, познаетъ и міръ внутренній духовный, который, опредѣляясь, становится предметомъ сознанія, и потому—*предметомъ*.—Въ конечномъ представленіи человѣка, міръ внутренній, высказываясь въ словѣ, носитъ отпечатокъ міра внѣшняго.

Примѣчаніе. Сознаніе въ области мышленія можетъ быть и само предметомъ для сознанія, тогда оно тоже—*предметъ*; но сила, *дѣятельно сознающая*, сама, предметомъ не становится,—но становитъ предметомъ все, на что обращается,—даже самое сознаніе.

Природа, которой принадлежитъ и человѣкъ, какъ одно изъ существъ природы, природа имѣетъ степени, болѣе или менѣе возвышенныя, по которымъ восходитъ она до человѣка.

Предметъ на низшей степени природы является цѣлостью массы, подлежащей случайнымъ дѣленіямъ и наружному различію, но не дѣлящейся изъ себя и безразличной въ себѣ; вещество, какое бы то ни было—вотъ общее опредѣленіе низшей степени природы, міра неорганическаго. Далѣе, едва примѣтно въ царствѣ растеній, примѣтнѣе, но еще слабо, въ царствѣ рыбъ, и наконецъ уже явственно въ царствѣ животныхъ (птицъ и звѣрей)—всякое явленіе *развивается*, различаясь и раздѣляясь само изъ себя, живущею въ немъ жизнію. Ни одинъ предметъ не представляетъ здѣсь полноты; онъ раздѣленъ на двѣ половины и существуетъ въ двоякомъ видѣ.—Цѣлое отвлеченно; оно есть обѣ половины, понятыя вмѣстѣ.—Исканіе цѣлости дѣйствительной, *реальной*, есть продолженіе физической жизни. Это—исканіе цѣлости, для нея невозможной.—Каждая изъ половинъ живаго предмета имѣетъ въ тоже время свое собственное значеніе. Здѣсь является понятіе *пола* или *рода*.—Это видимъ мы ясно въ области даже растеній и рыбъ, далѣе въ области птицъ, звѣрей, гдѣ всякое существо: самецъ и самка,—и наконецъ въ области человѣка. Но въ области человѣка, полъ проникается духовнымъ значеніемъ. Человѣкъ существуетъ, какъ *мужъ* и *жена*.

Родъ.

На низшей своей степени природа *безродна*; на высшихъ степеняхъ она имѣетъ *родъ мужеской* и *женской*. Эти именованія, собственно человѣческія, распространяются употребленіемъ и на всю остальную природу, имѣющую родъ или полъ.

Такое опредѣленіе и вмѣстѣ раздѣленіе предметовъ выражается въ Имени различною формою. Мы имѣемъ такимъ образомъ на основаніи этого, три разряда именъ: 1) имена, означающія предметы, не имѣющіе рода. Для нихъ принято также названіе рода, именно *рода средняго*, т. е. не принадлежащаго ни къ тому, ни къ другому.—Названіе это, объяснивъ его такъ, мы удержимъ. 2) Имена, означающія предметы *рода мужескаго*, и 3) имена, означающія предметы *рода женскаго*.

Таковъ естественный возходящій порядокъ, т. е. родъ *средній*, *мужеской* и *женской*: но въ грамматикахъ принимается порядокъ обратный, т. е. родъ *мужеской*, *женской*, *средній*. Начинаютъ съ высшаго и доходятъ до низшаго разряда природы. Такъ какъ въ сущности это не измѣняетъ дѣла и къ этому порядку болѣе привыкли, то мы его и удерживаемъ.

Имя сознательное: *Я*, *Ты*, *Ся*, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого рода. Сознаніе, дѣйствіе вообще личное, безразлично, безродно. Средній родъ здѣсь, конечно также невозможенъ; ибо хотя неорганическая природа также безразлична, но ея безразличіе иное: она вещество, выразившійся предметъ, объектъ, и сознаніе составляетъ ей прямую противоположность. Здѣсь, т. е. въ сознаніи—*источникъ опредѣленія*, но *опредѣленнаго*—здѣсь нѣтъ; здѣсь безразличіе духа, откуда вытекаетъ всякое различеніе. Въ Имени сознательномъ высказывается первое, *личное*, *дѣятельное* явленіе сознанія; по этому, самое понятіе о родѣ здѣсь не имѣетъ мѣста.

Примѣчаніе. Духъ безроденъ; но безродность духа: это высшая степень Безродность природы—низшая степень. Между ними—родъ, полъ.

Понятія нравственныя и умственныя, вообще міръ духовный—тоже міръ предметовъ, только духовныхъ—не имѣетъ пола, и слѣдовательно имена, его выражающія, не должны имѣть ни мужескаго, ни женскаго рода. Будучи однако же *опредѣленными*, *сознанными* явленіями, представляя *нравственную природу*, предметы міра духовнаго, должны бы имѣть родъ средній; но большая часть ихъ бываютъ мужескаго или женскаго рода. Къ этому надобно прибавить, что даже изъ міра вещественнаго, многіе предметы так-

же бываютъ котораго нибудь изъ этихъ двухъ родовъ.—Въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Это зависитъ отъ того, какъ взглянулъ сознающій и опредѣляющій умъ даже и на безродные предметы, какою стороною выступили они въ его созерцаніи, съ мужскимъ или женскимъ характеромъ, и что захотѣлъ онъ выразить. Во всякомъ случаѣ, имена средняго рода, въ языкѣ представляютъ неодушевленную природу, выражаютъ безразличную, низшую, степень жизни и составляютъ цѣлый отдѣлъ въ словѣ, имѣющій свое значеніе безличнаго объекта. Слѣдовательно, *сама мысль* о безродной области природы—въ словѣ соблюдается. Имена мужескаго рода высказываютъ, въ свою очередь, мужескій характеръ, даже своею формою (см. ниже); точно также высказывается въ именахъ женскихъ, характеръ женскій.

И такъ имена бываютъ трехъ родовъ: *Мужескаго*, *Женскаго* и *Средняго*.

Окончаніе есть по преимуществу та часть слова, по которой, выражая извѣстный разрядъ явленій, становится каждое слово въ извѣстный разрядъ словъ,—та часть, которою слово живетъ, движется и измѣняется,—при постоянно пребывающемъ въ немъ корнѣ, хранителѣ его постояннаго значенія.

Имена мужескаго рода оканчиваются на букву: Ъ, букву, какъ мы говорили выше, отрицательно соединяющую въ себѣ обѣ стороны звука, букву безгласную. Въ ней слышится какъ бы отвлеченность звука, что-то неоконченное, стремящееся проявиться.—Ъ, на концѣ, слышится только послѣ согласныхъ буквъ; по этому всякая согласная съ ъ на концѣ, составляетъ окончаніе мужескаго рода.—Иные, ошибочно желая вовсе изгнать ъ изъ азбуки, писали: *волкъ*, *левъ* и т. д.—Возможность такой ошибки, къ которой подалъ имъ поводъ отвлеченный, почти такъ сказать, идеальный, звукъ буквы ъ,—ясно показываетъ не высказавшійся, какъ будто неоконченный, звукъ этой буквы.—Буква ь, какъ имѣющая тотъ же смыслъ, или какъ смягченный ъ, и буква й, какъ тоже соотвѣтствующая буквѣ ъ (если взглянуть на й, какъ на букву и, являющуюся согласною стороною, — то она предполагаетъ послѣ себя ъ, который при гласной природѣ самаго и, не нуженъ для изображенія), служитъ, разумѣется, также окончаніемъ для именъ мужескаго рода.—Вообще говоря: Имена мужескаго рода оканчиваютъ-

ся на букву, такъ называемую *безгласную* въ разныхъ ея видахъ (*). Буквы ъ, ь, й, носятъ на себѣ одинъ общій характеръ, чего-то недовершеннаго и ищущаго довершиться и проявиться, чего-то стремящагося.—Имена мужескаго рода, не даромъ оканчиваясь на эти буквы, выражаютъ тотъ же характеръ, столько согласный съ нравственнымъ значеніемъ мужескаго лица.

Имена женскаго рода оканчиваются на букву гласную: *А*, самую полную, гармоническую и оконченную гласную, такъ согласующуюся своимъ характеромъ съ значеніемъ женскаго лица. Буква *я*, которая есть только видоизмѣненіе буквы *а*, или *а* смягченное, служитъ, само собою разумѣется, тоже окончаніемъ именъ женскаго рода, кромѣ буквы *а*. — Имена женскаго рода оканчиваются также на букву: *И*, столь многозначительную, соотвѣтствующую, но уже въ положительномъ значеніи, буквѣ ѣ, слѣдовательно тоже на гласную букву, полную и опредѣленную, и слѣдовательно тоже соотвѣтственную характеру женскаго лица.

Имена средняго рода оканчиваются на букву гласную: *О*, букву неопредѣленную, неясную въ произношеніи, среднюю, какъ мы объ ней выразились; её можно назвать круглою и въ смыслѣ звука. Звукъ этой буквы, точно круглый и по самому начертанію, употребляется часто въ нашемъ языкѣ для выраженія круга. *О*, *Объ*, *Око*, *Около*, и т. д. Буква эта, по значенію своему, совпадаетъ совершенно съ неопредѣленнымъ безроднымъ значеніемъ предметовъ неодушевленной природы, чистаго объекта, или другими словами (такъ какъ мы уже приняли выраженіе) съ значеніемъ предметовъ средняго рода.—Буква *Ё* (i͡o), которая есть таже буква *О*, только смягченная, и которая, какъ скоро не на ней удареніе, переходитъ, послѣ согласной, произношенія ради, въ

(*) Еслибъ кто нибудь и вздумалъ сомнѣваться въ буквѣ: ѣ, и откидывать её, то уже сомнѣваться въ буквахъ: ь, й, и откидывать ихъ — нѣтъ никакой возможности: а въ сущности это одна и таже буква. Буквы: ь, й, съ своей стороны подтверждаютъ, объясняютъ и оправдываютъ: ѣ. Впрочемъ значеніе ѣ, этой необходимой буквы, было нами объяснено выше.— Скажемъ между прочимъ: если бы былъ откинутъ ѣ, то вмѣсто твердаго единства,—на какую бы букву не стали оканчиваться имена Муж. рода? Какъ бы они разбрелись и разѣхались въ разныя стороны!

букву *Е*,—служитъ, само собою разумѣется, тоже окончаніемъ именъ средняго рода.

Изъ сказаннаго нами видимъ, что всѣ три рода именъ имѣютъ, каждый, собственно по одному окончанію; остальныя окончанія—только видоизмѣненія главнаго.—Мужеской родъ оканчивается на *ъ*, видоизмѣненія котораго: *ь*, *й*; женской—на *а*, съ видоизмѣненіемъ: *я*; средній—на *о*, съ видоизмѣненіемъ: *ё*, *е*.—Но женской родъ оканчивается сверхъ того на *и*, и слѣдовательно онъ одинъ имѣетъ два окончанія. Такое обозначеніе родовъ возводитъ слово до возможной простоты и, смѣемъ думать, до разумной первоначальной ясности,—быть можетъ и въ хронологическомъ отношеніи.

Намъ слѣдовало бы теперь сказать объ окончаніи родовъ въ другихъ древнихъ языкахъ, и въ языкахъ единородныхъ, но мы намѣрены упомянуть объ этомъ, говоря о склоненіяхъ.

Такимъ образомъ, передъ нами формы или окончанія именъ мужескаго, женскаго и средняго рода.

Имена мужескаго рода. Женскаго. Средняго.

ъ	*а*	*о*
ь	*я*	*ё*
й		*е*
	и	

Теперь слѣдуетъ дать объясненіе на сказанное нами вообще и потомъ на разные случаи, которые могутъ показаться исключеніемъ.

Примѣчаніе 1-е. И, въ именахъ женскаго рода является въ сокращенномъ произношеніи, какъ *ь*. Здѣсь надобно замѣтить разницу, которая находится между *ь* именъ мужескаго рода, и *ь* именъ женскаго рода. Первый *ь*, есть буква сама по себѣ, соотвѣтствующая *ъ*, и въ тоже время—особое окончаніе именъ. Второй *ь* есть *и*, только *чрезъ произношеніе* сокращенное. Иными словами: первый *ь* есть смягченный *ъ* (съ помощію *и*, какъ элемента); другой *ь*—сокращенное *и*. При гибкости и измѣняемости буквы *и*, такой оттѣнокъ можетъ показаться незамѣтнымъ; но онъ точно есть, хотя и очень тонокъ.—Обративъ вниманіе на самыя имена, мы увидимъ, что положеніе наше не произвольно. Въ большей части именъ женскаго рода на *ь*, мы можемъ легко открыть и возстановить *и*. Такъ имена: *мать*, *дочь*—въ языкѣ церковно-славянскомъ и въ рус-

скомъ древнемъ: *мати, дщи* (*). Въ томъ же церковно-славянскомъ языкѣ многія имена женскаго рода оканчиваются на *ы*, въ которомъ на концѣ слышится *и*; такъ: *любы, церкы*, и пр. Позднѣе, это окончаніе на *ы*, въ Именительномъ же падежѣ, переходитъ въ *и* съ предшествующею *в* (буква, въ которую часто переходятъ умолкающія гласныя,—какъ здѣсь *в* изъ *ъ*,—но съ которой никогда не соединяются въ двойную); напримѣръ: *церкви неисповѣдимое веселіе пріемлетъ* (**). Потомъ, первоначальное *и* сократилось: въ *ь*; такъ образовалось: *любовь* (***), *церковь*, и пр.—Кромѣ этихъ примѣровъ, въ которыхъ видимъ мы первоначальное *и*, сократившееся въ *ь*, мы можемъ привести цѣлый разрядъ именъ, гдѣ такое сокращеніе очевидно: всѣ тѣ неопредѣленныя наклоненія глагола, которыя, въ великомъ множествѣ, перешли въ имена, первоначально имѣли *и*, сократившееся потомъ въ *ь*, какъ при переходѣ въ разрядъ Имени, такъ и въ самихъ глаголахъ (впрочемъ, въ глаголахъ, нѣкоторыя изъ нихъ удержали *и*, напр.: *идти, нести, расти, ползти*, и пр.). Вотъ примѣры такихъ именъ: *честь, печь, пасть, власть, сѣчь, лесть, мощь, знать, рѣчь, течь, стать*, и пр. и пр. Всѣ такія имена—непремѣнно женскаго рода, а первоначальное ихъ *и*, въ окончаніи ихъ, несомнѣнно. Это довольно доказываетъ, что *и* имѣетъ значеніе женскаго рода. Тоже доказывается женскимъ родомъ причастія; напримѣръ: *идя*, мужескаго рода; *идущи*—женскаго. Въ тѣхъ именахъ женскаго рода на *ь*, которыя не подходятъ подъ эти объясненія, мы предполагаемъ также первоначально *и*, сокращенное послѣ въ *ь*; такъ напр. *дверь*,—вѣроятно нѣкогда *двери*. Можно, пожалуй, видѣть это окончаніе на *и*, выступающимъ въ томъ же словѣ, въ Нѣмецкомъ языкѣ: Die Thüre; здѣсь *и* облечено въ *е*.—Впрочемъ для объясненія и подтвержденія мысли достаточно и тѣхъ несомнѣнныхъ свидѣ-

(*) Народъ доселѣ употребляетъ въ пѣсняхъ этѣ формы: *меня мати хочетъ бити*.

(**) Пам. Рос. Слов. XII в. стр. 11. Это уже, кажется, вліяніе Русскаго языка.

(***) Кромѣ того, есть и форма: *любь*.

тельствъ, которыя мы привели.—И такъ, вотъ важное различіе—между *ь* женскаго рода, который есть не что иное, какъ *и*, сокращенное въ выговорѣ, и *ь* мужескаго рода, который самостоятеленъ (хотя образуется въ своемъ происхожденіи изъ *и* (*)) и соотвѣтствуетъ *ъ*, какъ тотъ же *ъ*, только смягченный съ помощію *и*, какъ элемента. Склоненіе, впослѣдствіи, это доказываетъ.

Примѣчаніе 2-е.—Многія имена, оканчивающіяся на *а*, *я*, употребляются въ мужескомъ родѣ. Но стоитъ только обратить вниманіе, и увидимъ, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго исключенія, и не возникаетъ никакого, такъ называемаго, общаго рода. Эти имена суть рода женскаго, но только *употребляются* въ родѣ мужескомъ. Мы должны помнить, что въ словѣ (по нашему мнѣнію) указаніемъ для опредѣленій служитъ само слово и его формы. Какъ же потомъ будетъ съ нимъ обращаться употребленіе, какъ взглянетъ на него дальнѣйшее умозаключеніе человѣка,—это все не измѣняетъ ни грамматической формы, ни значенія слова, даннаго твердо и опредѣленно языкомъ.—Надобно отдѣлить употребленіе и понять его отношеніе къ слову; употребленіе не измѣняетъ дѣла.—Обратимъ же теперь наше вниманіе на имена съ женскою формою, принадлежащія такъ называемому общему роду, или даже просто мужескому; сюда относятся, напр.: *пьяница*, *судья*, и пр.—Взятыя сами по себѣ, имена этѣ—рода женскаго; въ нихъ выразилось пониманіе дѣла въ женской формѣ слова. Послѣ, пониманіе это (такъ какъ въ такихъ именахъ выражается: или, болѣе или менѣе отвлеченное пониманіе, а не названіе предмета, или же предметъ, взятый въ метафорическомъ смыслѣ) перенесено было въ дѣйствительности на лица, мужескаго пола, въ иныхъ словахъ употребляясь и въ женскомъ смыслѣ вмѣстѣ, для лицъ женскаго пола, а въ иныхъ—уже только въ мужескомъ *(судья)* (**).

(*) См. Введеніе.

(**) Въ народномъ стихѣ, однако, употребляется въ женскомъ родѣ: *судія наша праведная*,—употребленіе, подтверждающее и объясняющее нашу мысль.

Вообще употребленіе, какъ и должно быть, здѣсь невѣрно и шатко, ибо здѣсь оно основано на отвлеченномъ пониманіи, или на примѣненіи. Справедливость словъ нашихъ увидать не трудно. Имена напримѣръ: *пьяница*, *умница*, и т. п., говорятся и объ мужчинахъ и объ женщинахъ съ перемѣною рода: *какой умница*, *какая умница*. Иногда тоже слово берется въ своемъ самостоятельномъ женскомъ значеніи и, какъ объ женщинахъ, такъ и объ мужчинахъ, говорится съ соблюденіемъ женскаго рода; *онъ такая умница*, *такая пьяница*, *какихъ мало*; а ужъ объ женщинахъ никакъ не скажутъ: *такой умница*.—Нѣтъ сомнѣнія, что такія слова—женскаго рода, и что отвлеченное пониманіе самаго дѣла, иногда въ отвлеченномъ образѣ лица, даетъ имъ возможность употребляться и въ родѣ мужескомъ.—Въ большее доказательство тому приводимъ имена, при которыхъ подобный же переходъ значенія, или болѣе ярко обозначается, или совершается, такъ сказать, на глазахъ нашихъ; напримѣръ: *служба*. Никто надѣюсь не усомнится, чтобы это слово не было рода женскаго, а между тѣмъ въ употребленіи, при извѣстныхъ случаяхъ, оно является, какъ Имя рода мужескаго, и отъ пониманія самаго дѣла переходитъ въ названіе лица. Мы говоримъ солдату: *служба*! и скажемъ напримѣръ: позови-ка сюда вонъ *этаго службу*; или :*такой добрый служба*!—Наконецъ есть имена женскаго рода, которыя употребляются въ мужескомъ родѣ вслѣдствіе чистой метафоры. Напр: *Голова*, имя рода женскаго, чисто метафорически употребляется въ мужескомъ родѣ и служитъ наименованіемъ степени общественной власти: напр: *умный голова*. Въ этихъ метафорическихъ именахъ родъ женской уже не употребляется.—И такъ всѣ подобныя слова, оканчивающіяся на *а* или *я*, суть имена рода женскаго, и только могутъ *употребляться* въ мужескомъ родѣ. Это нисколько не измѣняетъ ихъ основной природы, и онѣ принадлежатъ къ именамъ женскаго рода.

Примѣчаніе 3-е. Есть имена, которыя оканчиваются на *я*, и однако же рода средняго; таковы: *теля*, *гуся*, *утя*, *порося* и прочія. Но во 1-хъ) это слова, вышедшія изъ употребленія, и вмѣсто нихъ говорится: *теленокъ*, *утенокъ* и проч.—Во

2-хъ) это слова уменьшительныя; въ такомъ случаѣ является возможность чрезъ приданіе уменьшительнаго характера придать характеръ средній; тогда сюда можетъ идти отчасти объясненіе, сказанное выше о словахъ: *служба*, *голова*, и т. д.—Наконецъ въ 3-хъ) это окончаніе именъ средняго рода едва-ли есть окончаніе твердое: *я*; оно, во первыхъ,—*я* носовое въ Ц. славянскомъ языкѣ; потомъ оно, во многихъ другихъ славянскихъ языкахъ, является въ формѣ *о*, *е*. (Подробнѣе смотри въ «склоненіяхъ»). Къ этому же разряду относится имя: *дитя*, отличающееся отъ остальныхъ подобныхъ.

Примѣчаніе 4-е.—Есть еще слова, принадлежащія къ среднему роду; это: *имя*, *племя*, и прочія.—Но по моему мнѣнію, *я* пишется здѣсь неправильно. Слова эти имѣютъ въ Польскомъ языкѣ и въ древнемъ Церковно-Славянскомъ, носовой звукъ и пишутся въ Церковно-Славянскомъ, чрезъ ѧ: что́ совсѣмъ не одно съ ꙗ. Этотъ носовой звукъ, можно подумать, проявился здѣсь—именно тѣмъ, что эти слова въ косвенныхъ подежахъ имѣютъ *н (име-н-и)*; а иныя изъ нихъ имѣютъ даже другую, особую, отсюда образовавшуюся форму; напр. *пламя* и *пламень*. Но мы объясняемъ это иначе (см. ниже.) Носовой звукъ произносился здѣсь почти какъ *ен*; поэтому, какъ скоро языкъ нашъ, которому противно гнушеніе, выговорилъ ясно слово, то носовой звукъ—если и предполагать оный—не могъ удержаться, и точно также не могла остаться буква *я* (ꙗ), которая, въ этомъ только видѣ своемъ у насъ существуетъ, буква, не соотвѣтствующая, тутъ находящейся, носовой ѧ, и имѣющая такой ясный, чистый и опредѣленный звукъ. Носовой звукъ долженъ былъ быть откинутъ, и слово явилось въ своемъ тематическомъ видѣ; напр.: *име*, *племе*.—Впрочемъ, носоваго звука, по нашему мнѣнію, въ этихъ именахъ въ Русскомъ языкѣ—просто нѣтъ (объ этихъ именахъ подробнѣе см. ниже).—Букву: *я*, предполагаютъ при тематической формѣ, напр. *имя*, *сѣмя*, потому что окончательная буква этихъ словъ, не имѣя надъ собою ударенія, произносится неопредѣленно.—При второй, суффиксной формѣ, букву: *я*, даже и не пишутъ; напр: *пламень*.—Въ первомъ образованіи (*име*, *племе*), слова относятся къ именамъ

средняго рода; во второмъ *(пламень)*—къ именамъ мужескаго рода (*).

Намъ могли бы сдѣлать возраженіе, сказавши, что имена на *ме*, иногда ясно даютъ чувствовать букву *я*, напр.: *на племя́, племя́нный*; но это уже относится къ переходу буквъ изъ одной въ другую, на основаніи котораго, *о* часто замѣняется буквою *а*, напр. говорится: *растъ* (ростъ). Такой переходъ обыкновенно означаетъ особенное употребленіе, отличающееся отъ обыкновеннаго: терминъ или нарѣчіе. Впрочемъ, пожалуй, можно предположить, что здѣсь слово: *племя*, быть можетъ и множественное первой тематической формы отъ *пламе*, ибо въ томъ же смыслѣ употребляется множественное чиѣло, въ подобномъ выраженіи: *на тьмена и сьмена*.

Вотъ затрудненія, могущія встрѣтиться, которыя такимъ образомъ, устраняются и означенныя выше окончанія, остаются незыблемыми, для рода мужескаго, женскаго и средняго.

Всякой предметъ, отдѣльно взятый, соединяетъ въ одно и то же время въ себѣ и общее понятіе и частное явленіе. При взглядѣ напр. на какой нибудь стулъ, мы, видя извѣстный стулъ, находящійся передъ нами, имѣемъ въ то же время понятіе и о стулѣ вообще, понятіе, по которому мы во всякомъ стулѣ узнаемъ стулъ, понятіе, по которому мы и предметъ, стоящій передъ нами, называемъ стуломъ. Имѣя общее понятіе о стулѣ, въ тоже время мы видимъ *этотъ* стулъ, какъ частное явленіе, какъ *такой-то* стулъ: красный, зеленый, большой, малой, цѣлый, сломаный, и т. д. Отношеніе, такое или другое, *всего* частнаго явленія, цѣликомъ, къ своему общему понятію, въ немъ лежащему, составляетъ первоначальную опредѣленность предметовъ, опредѣленность розную, которую назовемъ мы здѣсь словомъ, болѣе кажется удобнымъ, именно: *Объемомъ*. Здѣсь нѣтъ понятія качества; здѣсь всякой предметъ разсматривается толь-

(*) Это суффиксъ: *и*; но въ то же время онъ можетъ быть въ соединеніи съ носовымъ звукомъ.

ко въ отношеніи къ нему самому, только въ предѣлахъ самаго себя. Но тѣмъ не менѣе предметъ, опредѣляя себя *только собою (общимъ* понятіемъ, съ одной стороны, *частными* своими явленіями съ другой), и оставаясь въ области однородныхъ — уже намекаетъ на качество.

Объемъ.

Всякой предметъ имѣетъ въ себѣ сторону общаго понятія и слѣдовательно въ этомъ смыслѣ можетъ приниматься и употребляться; но это общее понятіе, относительно частныхъ явленій, предстаетъ, какъ совокупность ихъ. Общее понятіе, напр. о стулѣ, съ одной стороны, само въ себѣ, есть *единое* отвлеченное понятіе; съ другой стороны, относительно частныхъ своихъ явленій, т. е. отдѣльно взятыхъ стульевъ,—есть понятіе собирательное, и вмѣщаетъ въ себѣ всѣ стулья, какія только есть, ибо они подходятъ подъ общее понятіе.— Такимъ образомъ всякой предметъ можетъ выступать *своею частною стороною*, какъ явленіе, и *своею общею*, какъ *понятіе себя же самаго, какъ цѣлаго*,—понятіе, которое будучи обращено къ частнымъ своимъ явленіямъ, принимаетъ видъ *совокупности*.

Мы говоримъ здѣсь о *всякомъ* предметѣ.—Въ грамматикахъ у насъ говорится объ именахъ собирательныхъ, какъ объ особенныхъ. Имена собирательныя выражаютъ предметы, которые даже, какъ явленія частныя, состоятъ изъ отдѣльныхъ однородныхъ и однообразныхъ предметовъ; предметы эти имѣютъ, каждый, взятый самъ по себѣ, свое отдѣльное особое значеніе, напр: *лѣсъ (деревья)*, *войско (воины)*, *толпа (люди)*, и пр.—Но никакая внѣшняя, никакая *словесная* форма не отличаетъ ихъ отъ другихъ именъ; здѣсь является, не въ наружности слова выразившееся, а уже внутреннее значеніе слова. Чтоже касается до этого внутренняго значенія слова, то если брать его въ основаніе, можно постановить и болѣе раздѣленій, можно наконецъ перейдти въ изслѣдованіе мысли, безотносительно къ выраженію ея въ словѣ, и потерять изъ виду Грамматику.—Мы уже сказали наши основанія при грамматическомъ опредѣленіи и раздѣленіи, мы сказали: то только можетъ быть разсматриваемо грамматически въ словѣ, что

нашло себѣ свое внѣшнее выраженіе, свою форму въ словѣ. Напоминать эти основанія вновь и болѣе повторять ихъ мы не намѣрены, надѣясь на память читающаго.—Если даже и принимать здѣсь это раздѣленіе на основаніи внутренняго смысла словъ (на имена собирательныя, нарицательныя, и пр.), то въ сущности оно нисколько дѣла не измѣняетъ, ибо все таки предметъ, какъ бы ни былъ онъ составленъ, собирательный онъ, или нѣтъ, является самъ по себѣ цѣлымъ (*лѣсъ*, *толпа*), и къ нему идутъ наши вышесказанныя слова.

И такъ, все, что мы сказали выше о *частномъ*, *общемъ* и *совокупномъ* значеніи предмета, какъ о необходимой его принадлежности, относится ко всякому предмету и вмѣстѣ ко всякому Имени. Русской языкъ замѣтилъ эти стороны предмета, и всякой предметъ можетъ быть употребленъ у насъ не только въ частномъ и общемъ значеніи, какъ и въ другихъ языкахъ (это понятіе общаго значенія еще не ощутительно въ употребленіи, по чистой противоположной соотвѣтственности *единства понятія* и *частнаго явленія*); но и въ значеніи совокупномъ.—Похожее на это второе употребленіе есть отчасти и въ другихъ языкахъ; вездѣ, напримѣръ, какъ и въ нашемъ языкѣ, говорится: *много воды*, *снѣгу*, *льду*. Здѣсь впрочемъ вода, снѣгъ и ледъ поняты не въ совокупномъ значеніи всѣхъ водъ, льдовъ и снѣговъ, а какъ неопредѣленное вещество, такъ что здѣсь значенія собирательнаго собственно нѣтъ. Это имена т. н. *сплошныя*. Но мы кромѣ того говоримъ—и это свойство собственно нашего мудраго языка—мы говоримъ: *много птицы*, *много зайца*, *много Нѣмца*, и т. д.— Сколько разъ случается, въ этомъ же смыслѣ, слышать: *какой слѣпень*, *какой комаръ*! или: *какъ много слѣпня* (слѣпней)! *какъ много комара* (комаровъ)!—Здѣсь значеніе собирательное прямо является какъ выводное изъ общаго отвлеченнаго, родоваго такъ сказать, значенія (*).

Слѣдовательно, сперва видимъ, что одинъ и тотъ же предметъ, одно и тоже Имя принимается и въ общемъ и въ частномъ значеніи. Но частное явленіе, имѣя на себѣ всю силу случайности, мѣста, времени и особыхъ условій, по этому отличается отъ еди-

(*) Здѣсь можемъ мы указать на лѣтопись Нестора: *идутъ Русь*, *безъ числа корабль*, если только выраженіе: *корабль*, — здѣсь Именительный, а не Родительный множественнаго.

нагó общаго понятія и выдѣляется изъ совокупности, какъ явленіе единичное. Въ жизни, частное явленіе не рѣдко выступаетъ своею случайною, частною стороною. Тогда для выраженія его въ этомъ значеніи, языкъ образуетъ новую форму. — Имя получаетъ окончаніе: *инъ* или *ина*; этимъ окончаніемъ обозначается именно частность, единичность явленія. Окончаніе это принимаютъ ошибочно за увеличительное. Часто, точно, придается ему это значеніе, но совершенно свободно и случайно; придается смыслъ увеличительный, думаемъ мы, потому что предметъ, для того чтобы отдѣлиться отъ другихъ подобныхъ, долженъ быть замѣтенъ, и по этому — какъ самое естественное и обыкновенное въ этомъ случаѣ обстоятельство — великъ; но это уже есть дальнѣйшій выводъ, умозаключеніе. Собственное же значеніе окончанія: *инъ*, или *ина*, есть: частность, единичность предмета, то есть: всякой въ отдѣльности, какой нибудь, такой-то, *одинъ*. Это всего лучше доказывается самимъ значеніемъ: *инъ*. *Инъ* значило у насъ, *одинъ*, соотвѣтствуя Греческому: εἷς, ἑνός, Латинскому: *unus*. — (*) Это значеніе и теперь удерживаетъ народъ; оно слышно въ словѣ: *иноходь*, *иноходецъ*, то есть: одною стороною идущій. — И такъ, понятно значеніе *инъ* послѣ этого объясненія; *инъ* или *ина* значитъ частное, какое нибудь явленіе, выдѣляющееся изъ общей совокупности. — Въ такомъ смыслѣ говорятъ: *рыбина*, *купчина*, *песчина*, *тесина*, *пчелина*, *Нѣмчина* и *Нѣмчинъ*. — Разумѣется употребленіе нерѣдко измѣняетъ смыслъ того или другаго слова, но не измѣняетъ причины, не измѣняетъ основанія и общаго правила. Такъ напр.: *дубина* (дубъ), *плотина* (плотъ), получили особое значеніе, но тѣмъ не менѣе о *дубѣ* и о *плотѣ* можете вы сказать, съ увеличительнымъ оттѣнкомъ: *экой дубина! экой плотина!*

Въ доказательство справедливости словъ нашихъ, мы можемъ указать на наши грамоты; напр.: въ грамотѣ Великаго Новгорода: *бороните купчину Сергіева монастыря* (**); то есть: каждаго, отдѣльно, купца Сергіева монастыря.

(*) У насъ встрѣчается въ древнихъ сочиненіяхъ: *иночаадый*: (единочадый); также въ грамотахъ: *инорогъ* (единорогъ). У Кирши Данилова: «а *иной* дуракъ зашолъ съ носка, его по уху оплелъ»; то есть: одинъ, какой-то.

(**) Акты Археограф. т 1. стр. 32.

Замѣчательно, что здѣсь употребляется преимущественно женская форма: *ина*, а не: *инъ*, который встрѣчается гораздо рѣже и не принимаетъ значенія увеличительнаго, напр.: *бояринъ*, *господинъ*. Имена мужескаго рода на *ина*, объясняются также, какъ подобныя имена женской формы, *употребляющіяся* въ мужескомъ родѣ. Почему же здѣсь предпочитается форма женская—это кажется можетъ быть объяснено тѣмъ, что имя, переходя въ новый, болѣе выразительный видъ, измѣняетъ и форму, и опредѣляясь болѣе частно, предпочитаетъ форму женскую, какъ опредѣленную и дѣйствительную, въ которую переходитъ изъ мужеской, неопредѣленной.—Весьма замѣчательно, и въ тоже время понятно, что Имена средняго рода не имѣютъ формы: *инъ* и *ина*. Природа, объектъ, поглощаетъ значеніе частное и представляется общими родами и видами предметовъ. Но, скажутъ намъ, *дубъ*, *плотъ* и др., тоже принадлежатъ къ природѣ неодушевленной. Но имена эти—*мужескаго рода*: этого довольно. Почему бы то ни было, можетъ быть метафорически—языкъ придалъ именамъ этимъ мужеской, слѣдовательно какъ бы одушевленный, личный характеръ, и поэтому къ нимъ придаются, въ словѣ, всѣ отношенія, какія имѣетъ этотъ разрядъ явленій (мужеской родъ).—Языкъ, сохраняя значеніе предмета, обнаруживая оное часто въ употребленіи и поэтому нисколько не насилуя предметъ, въ тоже время самъ имѣетъ свой взглядъ, самъ мыслитъ и заключаетъ, и выражаетъ это въ особомъ характерѣ, который придаетъ онъ формою, тому или другому слову; но въ частныхъ примѣненіяхъ дѣйствуя по своему усмотрѣнію, давая ходъ иногда метафорѣ,—слово остается вѣрнымъ общимъ началамъ мысли. Предметы, сохраняя свое значеніе въ словѣ, обнаруживая оное часто въ употребленіи,—занимаютъ однакоже, въ языкѣ, мѣсто не на основаніи только своего значенія, а на основаніи слова и вслѣдствіе точки зрѣнія языка. Неодушевленная природа выразилась отдѣломъ Именъ средняго рода, и по этому эти Имена средняго рода, являющія тотъ міръ, гдѣ частность поглощена, слѣдовательно уже имѣющія сообразное съ тѣмъ значеніе,—не могутъ имѣть окончанія: *инъ* или *ина*, которымъ высказывается—частность, единичность предмета. Но, скажутъ, развѣ *дерево* напр. не можетъ быть одно? Конечно можетъ, но здѣсь рѣчь идетъ не о числительной единицѣ. Надъ деревомъ по-

стоянно носится видовой его образъ, поглощающій оное какъ явленіе частное. Такой міръ выражается въ словѣ Именами средняго рода, не смотря на смыслъ самаго слова, по которому оно можетъ быть и одушевленно, напримѣръ: *животное*, *существо*.

Мы сказали, что частное явленіе, выступая отдѣльно, имѣетъ на себѣ всю силу случайности. Отдѣльность, единичность явленія, когда собственно она выражается — обозначается окончаніемъ *инъ* или *ина*.—Но кромѣ этой единичности, какая же другая особенность можетъ быть у предмета, особенность, сопровождающая и даже еще болѣе опредѣляющая его единичность? — Если мы обратимъ вниманіе на добротность, на цвѣтъ, цѣлость и т. п., то это будутъ уже качества, измѣняющія самый предметъ. — Но вопросъ о качествѣ сюда не относится; *объемъ* есть намекъ, но только намекъ на качество; для качества, какъ для особаго понятія, существуетъ особый разрядъ слова. Одна особенность, нисколько не измѣняющая предмета, въ которой въ то же время есть сила выразить его *отдѣльность*, *единичность*, — особенность, вполнѣ сберегающая предметъ, это *размѣръ* или *Объемъ* (какъ мы выразились): *величина* и *малость* предмета. Здѣсь нѣтъ вопроса о качествѣ предмета; здѣсь онъ цѣликомъ, безъ разбора, весь, какъ есть, — только въ большемъ или меньшемъ видѣ. По этому особенность эта, — *размѣръ*, составляетъ не особый разрядъ слова, а только новое, и притомъ подвижное, измѣненіе Имени въ его формѣ, собственно въ окончаніи.

Мы сказали, что окончаніе *ина* (но не *инъ*) употребляется иногда какъ увеличительное; но не надо забывать, что здѣсь основное значеніе — отдѣльность или личность явленія, а увеличительный оттѣнокъ *только придается* совершенно свободно, и есть уже умозаключеніе, служитъ какъ бы дальнѣйшимъ опредѣленіемъ отдѣльности предмета, и принадлежитъ къ предмету, какъ къ явленію, выдающемуся и вполнѣ *замѣтному*. — Кромѣ того, *инъ* не имѣетъ значенія увеличительнаго, а *ина* имѣетъ его въ тѣхъ случаяхъ, когда эта женская форма замѣняетъ другую, образуетъ новое слово и придаетъ ему тогда опредѣленность, т. е. только тогда, когда окончаніе *ина* придается къ именамъ мужескаго рода.— Слѣдовательно, здѣсь увеличительность есть понятіе *случайное*, производное, являющееся только иногда при извѣстныхъ условіяхъ; а отдѣльность, личность предмета есть понятіе основное. По этой-

то причинѣ имена средняго рода не имѣютъ увеличительной формы съ этимъ окончаніемъ: *инъ*, *ина*.

Кромѣ понятія единичности, — понятіе особенности, странности, замѣтности явленія можетъ выдвигаться впередъ, заслоняя понятіе единичности. Эта особенность самаго явленія высказывается въ нашемъ языкѣ окончаніемъ: *ище*. Этимъ окончаніемъ высказывается неопредѣленная странность, *что-то чудное*, необыкновенное, при чемъ предметъ принимаетъ какой-то неестественный образъ. Эта неопредѣленность вызываетъ окончаніе средняго рода. Въ этомъ смыслѣ: шестая жена Іоаннова называется: *женище*; этотъ же смыслъ въ словѣ: *чудище*. — Изъ страннаго и неестественнаго вытекло понятіе юродливости; вслѣдствіе чего наши духовныя лица, въ знакъ смиренія, называютъ себя именами съ окончаніемъ: *ище*: *Кирилище*, *Иванище*, и проч. Такъ какъ предметъ принимаетъ тоже необыкновенный видъ, когда размѣры его превышаютъ извѣстныя границы, то сюда тоже присоединяется и понятіе увеличительности. Здѣсь понятіе увеличительности, вытекаетъ само собою изъ понятія особенности предмета, которое здѣсь на первомъ планѣ. *Ручище*, *плечище*, показываютъ не одну величину, но и какую-то необыкновенность. — Основаніе особенности, замѣчательности явленія, поглощающее значеніе личности, — даетъ возможность именамъ всѣхъ трехъ родовъ принимать это окончаніе, которое и само есть средняя форма, согласно съ своимъ значеніемъ. — Разница перваго *ина* и втораго *ище*, какъ увеличительнаго, — понятна; первое: *ина*, отправляясь отъ понятія единичности, личности (которая не допускаетъ средняго рода), выдѣляющейся изъ множества, не обращаетъ вниманія на особенность, необыкновенность предмета, а только на величину, которая естественно выдвигаетъ предметъ изъ множества, и приходитъ тутъ на мысль. Второе: *ище*, какъ увеличительное, отправляясь отъ особенности предмета, дѣлающей предметъ замѣтнымъ, вытекаетъ, какъ одно изъ явленій этой особенности, и присоединяетъ понятіе величины къ основному понятію необыкновенности, чудности какой-то.

Не надобно смѣшивать съ этимъ *ище*, другое *ище*, которое есть одна изъ образовательныхъ, словопроизводныхъ, этимологическихъ формъ языка. Напримѣръ: *Гульба—гульбище* (мѣсто или обычай гулянья); *топоръ*, *топорище* (древко топора). Эти же са-

мыя слова могутъ быть употреблены въ значеніи чего-то чуднаго и увеличеннаго, но тогда это будетъ уже значеніе грамматическое, измѣненіе самаго слова. — Точно такъ *ина* можетъ быть образовательною формою, напр. *корзина*, *перина*. Впрочемъ, какъ при *ина*, такъ и при *ище*, мы готовы думать, что окончанія эти первоначально сохраняли свое значеніе грамматическое, которое слилось вмѣстѣ съ словомъ и перешло въ особое утвержденное этимологическое значеніе, это видимъ мы въ словахъ: *долина—долъ*, *жилище—жило*; *игрище—игра*, *зрѣлище—(зрѣло)*.

Окончаніе *ище* средняго рода; но употребленіе сохраняетъ родъ самаго слова (въ его естественномъ видѣ). Подобное мы уже видѣли при извѣстныхъ именахъ женскаго рода (*пьяница*, *судья*, и проч.) Мы говоримъ: *экой утесище! экое плечище!* — Но въ именахъ женскаго рода, слишкомъ дѣйствительныхъ, такое отвлеченное употребленіе не могло устоять, и мы не говоримъ: *экая ручище*; слѣдовательно не могло устоять и окончаніе *ище*; оно измѣнилось, приняло женское окончаніе и образовало: *ища*; какъ: *ручища*; при чемъ слова и слѣдуютъ склоненію именъ женскаго рода.— Кстати сказать здѣсь, что мужескій родъ, отвлеченный и идеальный, можетъ быть употребленъ съ именами женскаго и средняго рода (т. е. по окончанію, разумѣется), напримѣръ: *экой пьяница*, *экой молодчина*, *экой дружище*; но женскій родъ, дѣйствительный и положительный, употребляется только съ именами женскаго рода. Родъ средній, само собою разумѣется, по причинѣ противоположной,—преобладанія объективности, употребляется только при именахъ средняго рода.—Онъ можетъ быть употребленъ, если угодно, даже и съ цѣлымъ предложеніемъ, наприм. *это*: *не хочу знать*,— *очень скучно*; но такое употребленіе уже не относится сюда; оно принадлежитъ къ Синтаксису, и тамъ должно быть разсмотрѣно.

И такъ у насъ двѣ формы Имени, которыя имѣютъ въ себѣ значеніе увеличительное, но не какъ основное; эти формы: *инъ*, *ина*; *ище*, *ища*. Въ первой, увеличительное является какъ выводъ изъ основнаго понятія *личности* предмета. — Во второй, увеличительное есть одна изъ сторонъ замѣчательности и необыкновенности предмета, его *общей особенности*, которая и есть здѣсь основное понятіе. Въ первой формѣ, совершенно разумно, употреб-

ляются имена мужескаго, женскаго, но не средняго рода; а во второй—мужескаго, женскаго и средняго рода.

Но предметъ можетъ быть замѣтенъ размѣромъ своимъ и съ другой стороны: именно своею малостью. — Въ этомъ случаѣ уже непремѣнно замѣтно *это состояніе* предмета. Увеличительное есть: или выводъ, или особенность; но *уменьшительное есть здѣсь главная точка зрѣнія*. Предметъ должно было замѣтить, разглядѣть, найти, въ его маломъ видѣ, ибо другіе обыкновенные виды того же предмета его подавляютъ; слѣдовательно здѣсь необходимо замѣчается его малость; его миніатюрность, какъ скоро предметъ замѣченъ, кидается въ глаза.

Примѣчаніе. Окончанія на *га*, *та*, *ха*, не суть уменьшительныя, какъ это можно было бы заключить при поверхностномъ взглядѣ; онѣ даже вовсе не принадлежатъ къ разряду окончаній, означающихъ *мѣру* предмета; это не что иное, какъ образовательныя окончанія, второстепенныя, придающія слову особый оттѣнокъ смысла. Образованіе слова по степенямъ образовательныхъ окончаній, очень занятно и важно, но не относится сюда, а къ наукѣ, разсматривающей весь составъ языка со всѣми его развѣтвленіями, переходами, сродствами; тутъ корень переходитъ сквозь тысячи видовъ, тутъ соприкасаются вѣтви не только родственныхъ, но и вообще всѣхъ языковъ. — Это предметъ уже собственно *Словопроизведенія*, Этимологіи, науки дѣйствительно существующей, но возможной, во всей полнотѣ своей, только при всѣхъ языкахъ міра. — Считая означенныя выше, окончанія — образовательными второй степени, укажемъ здѣсь на ихъ употребленіе, ибо въ немъ есть особенность, могущая заставить думать, что они относятся къ разряду окончаній уменьшительныхъ. Невозможность для окончанія свободно примыкать и отдѣляться, есть — скажемъ здѣсь кстати — принадлежность окончаній этимологическихъ или словопроизводныхъ. Окончанія же грамматическія живы и переходятъ отъ слова къ слову, въ иныхъ словахъ кристализируясь и теряя свое значеніе. — Вышесказанныя окончанія не составляютъ такихъ свободныхъ переходныхъ окончаній; это очевидно образователь-

ныя формы, но не утратившія еще своего значенія, какъ формы, и не сросшіяся съ иными словами, при которыхъ встрѣчаются; такъ что память первоначальнаго смысла образовательной формы въ нихъ не утрачена, и они звучатъ какъ бы отдѣльно, при извѣстныхъ словахъ, придавая имъ особенный оттѣнокъ. По этому самому есть *кажущаяся* возможность употреблять эти окончанія отдѣльно, приставляя къ словамъ, но при ближайшемъ и пристальномъ взглядѣ, возможность эта изчезаетъ, и ясно, что окончанія эти—очевидно образовательныя, лишь сохранившія свою первоначальную свѣжесть при извѣстныхъ словахъ и только нѣкоторую ограниченную подвижность.—*Га* встрѣчается въ словѣ *парнюга*, отъ *парень*; *мальчуга*, если производить это слово отъ *малецъ*; *соню-га* отъ *соня*, и еще развѣ въ нѣкоторыхъ; ибо словъ, обыкновенно оканчивающихся на *га*, сюда относить не слѣдуетъ, какъ: *книга*, *брага*, и проч. *Парнюга* есть также дальнѣйшее образованіе слова,—какъ *ковр-га*, начало котораго вѣроятно *коверъ*,—но въ немъ слышна отчасти первоначальная свѣжесть образованія. *Га* не есть свободно переходное окончаніе. Напр. мы не можемъ сказать: *ручуга*, *головуга*, какъ говоримъ *руч-ка*, *голов-ка* и т. д.—И такъ окончаніе *га* есть въ нашихъ глазахъ, окончаніе словопроизводное, а не грамматическое. Къ такимъ же окончаніямъ принадлежатъ: *та*, *ха*. Въ своемъ приставномъ смыслѣ употребляются онѣ при Именахъ собственныхъ, но не могутъ находиться, т. е. въ этомъ приставномъ смыслѣ, при другихъ словахъ; это показываетъ, что они не суть живыя переходныя окончанія.—Мы говоримъ: *Анюта*, *Гришута*; *Ванюха*, *Матюха*; но тѣмъ не менѣе не можемъ такъ измѣнить словъ: *братъ*, *рука*, и пр. Впрочемъ къ нѣкоторымъ именамъ окончаніе *ха*, можетъ быть придано, какъ мы видѣли это при окончаніи *га*; напримѣръ: *сеструха*; но однако окончаніе *ха*, еще рѣже и труднѣе здѣсь, чѣмъ *га*. *Та*, *ха*, опять таки,—образовательныя окончанія второй степени, которыя и встрѣчаются въ именахъ: *краса—красота*, *тяга—тягота*; *греча—гречиха* или *гречуха*; *руба—рубаха*; и для означенія женскаго рода: *купецъ—купчиха*, и проч. Сверхъ того всѣ эти окончанія очень охотно переводятъ

Прилагательныя въ Имена; окончаніе на *та* переводитъ въ Имена отвлеченнаго значенія, а на *ха* въ Имена значенія живаго, личнаго; напр. *добръ—доброта*; *простъ—простота*; *добръ—добруха*; *простъ—простуха*. Но тѣмъ не менѣе, это формы, подобныя формамъ на *ца*, *ба*, и прочимъ образовательнымъ, окончаніямъ, послѣдовательно не относятся къ окончаніямъ грамматическимъ, которыя мы теперь разсматриваемъ.—Между тѣмъ, мы не можемъ не признать, и особенности значенія этихъ формъ, и живости ихъ употребленія при Именахъ собственныхъ. Это, по нашему мнѣнію, объясняется довольно удовлетворительно.—Собственное Имя, хотя бы оно и имѣло какое нибудь опредѣленное, понятное значеніе,—уже не въ этомъ значеніи употребляется; напр. *Надежда*, какъ собственное Имя, вовсе не значитъ надежду (spes).—Собственное Имя перестаетъ имѣть значеніе и становится только *означеніемъ* предмета. Эта отвлеченность собственнаго Имени предаетъ слово въ полное распоряженіе и произволъ говорящаго; и точно ни одно слово не подвергается такимъ измѣненіямъ неожиданнымъ, негаданнымъ, какимъ подвергается Имя собственное, лишь бы могла вынести фонетика и благозвучіе буквъ; примѣры считаю не нужными (*). Эта измѣнчивость собственнаго Имени, даетъ возможность придавать къ нимъ, по произволу, образовательныя окончанія, давно уже уставившіяся въ другихъ словахъ на извѣстныхъ мѣстахъ своихъ. При отсутствіи значенія самого собственнаго Имени, при отсутствіи значенія въ самомъ корнѣ,—смыслъ окончаній выступаетъ, такъ что Имя собственное черезъ окончанія получаетъ характеръ, смыслъ,—окончаніями живетъ такъ сказать. Придаваемыя къ корню собственнаго Имени, образовательныя окончанія (что̀ дѣлается доступнымъ при совершенной здѣсь подвластности слова произволу говорящаго) возвращаютъ свою свѣжесть въ словообразованіи, и—при отсутствіи значенія въ корнѣ, къ которому придаются—выступая

(*) Впрочемъ, вотъ нѣкоторыя: *Марья*, *Маша*, *Маня*. *Матвѣй*, *Матюха*, *Мотя*, *Мотикъ*. *Ксенія*, *Аксинья*, *Аксюта*. *Пелагея*, *Палашка*, *Поля*. *Авдотья*, *Дуня*. *Яковъ*, *Яша*, *Якунъ*, *Якуша*, *Яха*.

въ своемъ значеніи, пріобрѣтаютъ опять тотъ оттѣнокъ, который выражался, быть можетъ, и первоначально, который можемъ мы открыть и въ образованныхъ словахъ, но едва слышно, ибо при нихъ съ незапамятныхъ временъ находятся и срослись эти окончанія. — Надобно прибавить, что при отсутствіи значенія въ корнѣ, образовательныя окончанія при Именахъ собственныхъ слишкомъ опредѣлились, окрѣпли въ своемъ, такъ сказать обособленномъ, значеніи, и по этому удалились, съ другой стороны, отъ своего духовнаго образовательнаго значенія, при которомъ, нѣкогда, переходя въ выраженіе и дѣйствительность, стремясь воплотиться, становились они въ одно цѣлое съ корнемъ или темой, образуя новое слово. — Можно опредѣлить иныя окончанія Именъ собственныхъ. Напримѣръ, изъ приведенныхъ нами такихъ окончаній (такъ называемыхъ уменьшительныхъ, хотя названіе это и нельзя найдти вѣрнымъ), окончаніе на *ха*: *Ванюха, Матюха, Мишуха*,—имѣетъ въ себѣ что то грубовато-доброе и простодушное; а окончаніе на *та*: *Мишута*,—что-то ласковое и дружелюбное.

Сказавъ это нужное объясненіе объ окончаніяхъ: *га*, *ха*, *та*, причисляемыхъ нами ради ихъ нѣкоторой подвижности и особаго оттѣнка все же къ категоріи уменьшительныхъ—переходимъ теперь къ формамъ уменьшительнымъ слова.

Уменьшительныя окончанія бываютъ нѣсколькихъ слоевъ, и потому мы такъ ихъ и раздѣлимъ. — Къ окончанію имени придается уменьшительное окончаніе, при чемъ отнимается, или измѣняется послѣдняя буква окончанія; сверхъ того, при такомъ образованіи новаго слова, соблюдаются законы благозвучія. Для выраженія новой степени и новаго оттѣнка уменьшенія,—къ уменьшительной, уже присоединенной, формѣ, которая въ этомъ случаѣ принимается за образовательную,—придается новая уменьшительная форма и образуетъ второй слой. Наконецъ такимъ же способомъ образуется слой третій.

Уменьшительныя окончанія 1-го слоя.

Самая простая, первая, уменьшительная форма,—это окончаніе *къ*, придаваемое къ окончанію имени. *Къ* измѣняется по родамъ: *къ* придается къ именамъ мужескаго рода, *ка*—къ именамъ женскаго, *ко*—къ именамъ средняго рода.—*Къ*, въ именахъ мужескаго рода, слѣдуя за *ъ*, *ь*, *й*, напр: *лѣсъ*, *стулъ*, *конь*, *змѣй*,—образуетъ трудный выговоръ: *лѣсъ-къ*, *стулъ-къ*, *конь-къ*, *змѣй-къ*. Въ такихъ случаяхъ самъ языкъ помогаетъ выговору и образуетъ посредствующія гласныя: о или *ё*, когда удареніе на послѣднемъ слогѣ, и: *и*, когда удареніе не на послѣднемъ. Мы предполагаемъ, что, на сей разъ, здѣсь *ъ* не переходитъ въ посредствующую, а просто дѣлается незамѣтнымъ, какъ въ срединѣ слова, присутствуя здѣсь на столько, на сколько при всякой буквѣ,—и посредствующая буква является только для благозвучія. Это доказывается тѣмъ, что въ именахъ женскихъ и среднихъ окончательная буква, при образованіи уменьшительныхъ откидывается. И такъ, у насъ образуются уменьшительныя, въ именахъ мужескаго рода, такимъ образомъ: напр. *Лѣсокъ*, *стуликъ*, *конекъ*, *змѣёкъ*. Иногда встрѣчаются въ одномъ словѣ окончанія *окъ* и *икъ*; это зависитъ отъ ударенія: *соколокъ*, *сокоцикъ*; *листокъ*, *листикъ*, и т. д. Въ именахъ мужескаго рода на *ь*, видно смягченіе при уменьшительной формѣ; если уже должна быть вставлена буква, то смягченіе окончанія берется въ разсчетъ.—Въ именахъ женскаго рода на *а* и также на *ь*, окончанія *а* и *ь* просто откидываются и присоединяется окончаніе: *ка*; напр. *сила—силка*; *дверь—дверка*, *кадь—кадка*, *шерсть—шерстка*. Самое то, что окончательный *ь* не смягчаетъ произношенія, доказываетъ, что онъ—сокращенное *и*, цѣлая окончательная буква, которая начисто откидывается. Въ именахъ же женскаго рода, оканчивающихся на *я*, гдѣ окончательная буква есть *а*, только смягченная подчиненнымъ уже ему, въ качествѣ согласной, *и*,—*а* откидывается, смягченіе же удерживается, принимая видъ *ь*; напр.: *тюря—тюрь-ка*, *зоря—зорь-ка*, *земля—зем(е)ль-ка*, *доля—доль-ка*. Въ именахъ женскаго рода, оканчивающихся на *я* послѣ гласныхъ, окончательная буква, *а* также откидывается, но смягченіе удерживается, и буква *и* выступаетъ

въ своемъ настоящемъ согласномъ видѣ, какъ *и*, что допускается произношеніемъ. Напримѣръ: *статуя—статуйка*, *соя—сойка*. Имена женскія, оканчивающіяся на *я* послѣ *ь*, откидываютъ *а* передъ *ка*, и изъ двухъ смягченій, изъ двухъ *ь* (*ь-й*)—одно получаетъ гласность, какъ это и должно быть: напр.: *гостья — гостей-ка*; *бадья—бадей-ка*, *семья—семей-ка*. —Но иногда произношеніе, съ своимъ требованіемъ благозвучія, измѣняетъ это образованіе; напр: *Марья—Марька*; или даже: *свинья—свин-ка* (впрочемъ *свин-ка* отъ темы *свинъ* или *свина*). —Самое то, что здѣсь вообще образованіе производится правильно и полногласно, показываетъ, что эти отступленія допускаются въ силу требованій слуха.

Въ именахъ средняго рода, окончаніе *о* откидывается, и къ слову присоединяется уменьшительное *ко*, напримѣръ: *озеро—озер-ко*; *ведро—ведр-ко*; для благозвучія: *ведёрко*. Окончанія на *ё* или *е*, кажется не присоединяютъ *ко*; но конечно смягченіе должно удержаться, какъ въ именахъ мужескаго рода: *конекъ*, и пр. —Законы благозвучія, и по этому переходъ буквъ, имѣютъ здѣсь мѣсто; напр: *брюхо* измѣняетъ *х* въ *ш*: *брюш-ко*; *лицо—лич-ко*; *облако—облач-ко*; буквы мягкія замѣняютъ здѣсь смягченіе. Говорится, впрочемъ, и *личико*: при такомъ употребленіи, смягченіе, *ь*, получаетъ гласность и слышится въ произношеніи, какъ *и*. Иныя слова не употребляютъ уменьшительнаго на *ко*; напр: *крыло*, *небо*; но это не значитъ, чтобъ слова эти не имѣли его: оно только не употребляется. Здѣсь, какъ сказали мы, дѣйствуютъ наиболѣе законы благозвучія, какъ и вообще при измѣненіяхъ словъ и при употребленіи въ рѣчи. —Измѣненія для благозвучія производитъ самъ языкъ, и онѣ довольно очевидны, чтобы здѣсь о нихъ не распространяться.

Мы сказали, что уменьшительная форма непремѣнно обращаетъ вниманіе не на единичность предмета, а на самый видъ его, на самую, слѣдовательно, наружность. Въ такомъ случаѣ предметы всѣхъ трехъ родовъ имѣютъ здѣсь свое мѣсто, ибо здѣсь нѣтъ вопроса, ни о единичности, исключающей предметы средняго рода, ни о общемъ измѣненіи вида предмета, о возведеніи его во *что-то странное*, придающемъ тогда слову родъ средній (при чемъ женской родъ, по своей положительности удерживаетъ свое мѣсто). При уменьшительныхъ предметъ является, какъ онъ есть, съ

наружнымъ своимъ опредѣленіемъ, вполнѣ сохраняя себя, весь свой образъ, и по этому уменьшительное допускаетъ всѣ три рода. Сказанное нами, наиболѣе прилагается къ уменьшительному: *къ*, *ка*, *ко*. Это уменьшительное просто показываетъ, что предметъ меньше своего обыкновеннаго вида.—Впрочемъ, здѣсь надобно сказать одно замѣчаніе. Какъ скоро въ языкѣ встрѣчаются два употребленія, повидимому совершенно безразличныя, то одному непремѣнно уже придается особый оттѣнокъ значенія, если въ началѣ и нѣтъ его. Такъ и здѣсь, въ именахъ мужескаго рода уменьшительныя: *окъ* и *икъ*,—совершенно одинаковаго значенія; но тамъ, гдѣ встрѣчаются оба окончанія, есть оттѣнокъ. Тогда окончаніе на *окъ*, очевидно первоначальное, выражаетъ просто уменьшенный видъ предмета, между тѣмъ какъ въ окончаніи на *икъ* слышится уже шутка, и если еще не ласка, то любезность,—обстоятельство, вытекающее изъ уменьшительнаго; видно что уменьшенный, миніатюрный предметъ представляется милымъ. Напримѣръ: *Ротокъ*, *ротикъ*; *листокъ*, *листикъ*; *носокъ*, *носикъ*; *соколокъ*, *соколикъ*. Хотя и здѣсь употребленіе слегка измѣняетъ иногда эти оттѣнки.

Параллельно съ окончаніемъ: *къ*, *ка*, *ко*, идетъ окончаніе: *цъ*, *ца*, *цо*. Но оно, будучи очень употребительно, какъ окончаніе образовательное, напримѣръ: *молодица*, *птица*,—гораздо менѣе употребляется, какъ уменьшительное, да и тутъ слово часто теряетъ свой уменьшительный характеръ и становится уже особымъ самостоятельнымъ словомъ, слѣдовательно уменьшительное окончаніе *(цъ, ца, цо)* тогда получаетъ смыслъ окончанія образовательнаго. Это видимъ мы и при другихъ грамматическихъ формахъ, и при уменьшительномъ на *къ*, напр: *ножикъ*. Но здѣсь это встрѣчается чаще: *вѣнецъ*, *дворецъ*, *косица*, *дѣвица*, *кольцо*, *крыльцо*; въ этомъ случаѣ, само собою разумѣется, уменьшительное: *къ*, придается къ такому слову, какъ уменьшительное 1-го слоя.—Окончаніе: *цъ*, *ца*, *цо*, требуетъ передъ собою мягкой буквы: потому, въ именахъ мужескаго рода, *ъ*, *ь*, *й*, замѣняется здѣсь не *о*, а *е*; въ именахъ женскаго, *а*, *я*, *ь* переходитъ въ *и*, а въ именахъ средняго, *о*, *е*, *ё* переходитъ въ *ь*; напр: *хлѣбъ*, *хлѣб-ецъ*; *ларь*, *лар-ецъ*; *злодѣй*, *злодѣ-ецъ*. *Мука*, *муч-ица*; *семья*, *семь-ица*. *Озеро*, *озер-цо* (здѣсь *ь* выпущенъ для произношенія); *ребро*, *ребр-ецо* и *ребер-цо*

(въ первомъ для произношенія *ъ* оглашается и становится *е*); *поле*, *пол-ьцо*; *зеркало*, *зеркал-ьцо*.

Окончаніе: *цъ*, *ца*, *цо*, не ограничивается однимъ наружнымъ уменьшеніемъ предмета; въ этомъ уменьшительномъ, окончаніе уже высказываетъ тотъ выводъ, то понятіе, которое составляемъ мы отъ уменьшеннаго по размѣру, предмета, о самомъ характерѣ предмета, о выраженіи нравственномъ, которое онъ въ такомъ случаѣ принимаетъ въ нашихъ глазахъ.—Предметъ въ маломъ своемъ видѣ, кажется доступнѣе, беззащитнѣе, и потому какъ бы нуждается въ покровительствѣ; при томъ грубость формъ исчезаетъ, и предметъ становится *милымъ*. И такъ мы видимъ, что кромѣ размѣра внѣшняго, уменьшительное выражаетъ другое, отсюда вытекающее значеніе *милаго*: *малому* свойственно быть *милымъ*. Самая ласка предполагаетъ уменьшительность предмета, и вотъ почему для выраженія милаго, для ласки, употребляется уменьшительное. Окончаніе: *цъ*, *ца*, *цо*, есть такое уменьшительное, которое высказываетъ уже это выводное понятіе, высказываетъ эту нравственную сторону уменьшительной формы, такъ что даже вовсе не берется иногда въ разсчетъ самый наружный размѣръ предмета. Напримѣръ, слова: *братецъ*, *сестрица*; здѣсь уже вовсе нѣтъ мысли, что братъ или сестра *малы* въ самомъ дѣлѣ, но этими формами высказывается, что они *милы*.—Чтобы представить предметы милыми, чтобы высказать ласкающее отношеніе, на нихъ какъ бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшась, являются милыми; въ томъ же духѣ составлены слова: *тафтица*, *бархатецъ*, *водица*, *суконцо*, и пр. и пр.—Оттѣнки отношенія къ предмету уменьшенному многочисленны.—Кромѣ милаго, предметъ принимаетъ характеръ жалкаго, бѣднаго, робкаго, возбуждающаго о себѣ это сознаніе въ говорящемъ. Окончаніе: *цъ*, *ца*, *цо*, преимущественно имѣетъ значеніе милаго, дорогаго, любезнаго; но иногда принимаетъ и другой оттѣнокъ; напримѣръ: *хлѣбецъ*, *мучица*, *ржица*; здѣсь, кромѣ чувства, что этотъ предметъ мнѣ дорогъ, въ говорящемъ высказывается часто и чувство собственнаго смиренія, для чего и предметъ представляетъ онъ въ смиренномъ видѣ. Оттѣнки—очень тонкіе, которые даются употребленіемъ, и которыя изчислить долженъ словарь самого языка. При уменьшительномъ на *къ*, также иногда выступаетъ значеніе нравственное умень-

шительнаго. Это бываетъ тогда, когда предметъ представляетъ неопредѣленную массу (при чемъ уменьшительность неудобна), или когда у него не употребляется уменьшительнаго на *цъ*, напр: *чаекъ*, *медокъ*, *ручка*, *снѣжокъ*.

Мы указываемъ на основныя, существенныя значенія формъ. Живое употребленіе, вслѣдствіе разныхъ уваженій, измѣняетъ ихъ оттѣнки, которыя исчислять здѣсь не у мѣста.—Но употребленіе не измѣняетъ основныхъ опредѣленій.

Есть еще окончаніе уменьшительное перваго слоя, которое почти не употребляется, но слышится въ уменьшительномъ втораго слоя, по этому мы считаемъ нужнымъ здѣсь сказать о немъ. Это окончаніе на *ша*; мы думаемъ, что оно существуетъ въ этомъ видѣ, ибо имъ *(ша)* уже передается не размѣръ самаго предмета, а личное чувство человѣка къ нему, чувство ласковое и доброе. Предметъ же самый принимаетъ иногда добродушный видъ. Такъ какъ здѣсь высказывается личное чувство, и видъ, принимаемый предметомъ, есть уже чисто нравственный, то эта уменьшительная форма уже не является принадлежащею равно всѣмъ тремъ родамъ, образуетъ какъ бы новое слово, или новый особый отдѣлъ его, и принимаетъ въ такомъ случаѣ женскую форму: *ша* (какъ *пьяница*, *судья*, и пр.). Уменьшительное *ша*, слышится въ уменьшительномъ втораго слоя, напр: *братишка*, *парнишка*, *ведрышко*, *сеструшка*; но можно впрочемъ сказать: *братиша*, *парниша*, *сеструша*, хотя это употребляется рѣдко.—Замѣчательно, что эта возможность встрѣчается при именахъ, не только одушевленныхъ, но именно человѣческихъ; можно сказать: *мальчиша*, *сыниша*, *дочуша* и пр., но рѣшительно не говорится: *волчиша*, *топориша*, и пр.—Окончательная буква имени передъ *ша*, переходитъ въ *у* или въ *и*, въ именахъ мужескаго рода; или въ *у*, иногда въ *и*, въ именахъ женскаго рода; или въ *ы*, также *у*, иногда *и*, въ именахъ средняго рода. Мы говоримъ здѣсь объ *ша*, употребляющемся въ уменьшительномъ втораго слоя: *ш-ка*; разумѣется, при этихъ переходахъ соблюдаются обыкновенныя правила измѣненій буквъ и благозвучія. Примѣры: *хлѣбушка, сынишка, рѣчушка, гостюшка* и пр.; возможно: *сестришка, перышко* и *перушко*, *личушко* и *личишко*. То, что *ша* слышно въ уменьшительныхъ втораго слоя, средняго рода, заставляетъ думать, что въ среднемъ родѣ должно бы-

ло быть *шо*, ибо женской родъ, употребляясь вмѣсто мужескаго, не употребляется вмѣсто средняго.—Это допустить можно на томъ основаніи, что предметъ въ этомъ уменьшительномъ получаетъ и неопредѣленное значеніе, *опредѣляющееся только въ женскомъ родѣ*; по этому можетъ имѣть и среднюю форму; но она рѣшительно не употребляется сама по себѣ.—Можно думать, что имена средняго рода, и вообще всѣ, кромѣ одушевленныхъ человѣческихъ, быстро перешли черезъ эту форму: *ша*, выражающую нравственное значеніе предмета и отношеніе къ нему говорящаго, и удержали её въ новомъ видѣ, во второмъ слоѣ, съ помощью другой уменьшительной формы.—Въ уменьшительныхъ и втораго и третьяго слоя намъ предстоитъ встрѣтить форму: *ша*.

Кромѣ того есть окончаніе на *я*: *теля*, *ягня*, *гуся*, *куря*, и пр. Въ этомъ *я*, какъ мы сказали выше, слышится и звукъ носовой церковно-славянской: ѧ. Что *я* здѣсь есть грамматическая форма, придашная къ имени, это доказывается во первыхъ возстановленіемъ, изъ этихъ словъ, слова первоначальнаго; напримѣръ: *куря—курѣ*; *гуся—гусь*, и пр. При иныхъ словахъ этотъ первоначальный видъ слова неупотребителенъ, но онъ несомнѣнно находится въ этой уменьшительной формѣ; напр: *теля—телъ*, оттуда: *телецъ*, *телица*, *телушка*, и т. д. Во вторыхъ, это доказывается возможностью образовать это слово на *я*, изъ какого угодно имени; если оно и не ловко употребляется въ единственномъ, то за то очень ловко во множественномъ. *Французя — Французята*, *Жидя — Жидята*; *сомя — сомята*, и т. д.

Значеніе уменьшительнаго: *я*, есть малость особаго рода. *Я* показываетъ, что предметъ еще не достигъ своего полнаго вида, еще молодъ или лучше малъ, *по возрасту*: придаетъ предмету значеніе дѣтства. Слѣдовательно, это не есть собственно уменьшительное, не есть положительно малое, но есть первоначально малое, которое достигаетъ потомъ настоящаго размѣра; здѣсь является понятіе дѣтства, малолѣтства. Но объяснивъ такимъ образомъ его смыслъ и слѣдовательно оговорившись, мы удержимъ за этою формою названіе уменьшительнаго.

Изъ сказаннаго выходитъ, что это уменьшительное 1) можетъ относиться только къ одушевленнымъ существамъ, или, по крайней мѣрѣ, къ такимъ предметамъ, которые могутъ расти и слѣдовательно

имѣть возрастъ. 2) Относясь къ одушевленнымъ существамъ, это уменьшительное можетъ относиться только къ такимъ именамъ одушевленныхъ существъ, которыя служатъ наименованіемъ рода и могутъ выразить дѣтство, такъ напримѣръ, въ этомъ смыслѣ, можно образовать изъ всякаго фамильнаго имени уменьшительное на *я*; напр: *Солтыкъ*, *Солтычата* (*я* послѣ мягкихъ буквъ переходитъ въ *а*); но нельзя сказать напримѣръ того же о именахъ: *супругъ*, *братъ*, и т. п. Почему—основаніе ясно: развѣ можетъ быть порода *супруговъ*, *братьевъ*, и т. п.?—Какъ означающее дѣтство возраста, или малолѣтство, это уменьшительное, употребительное для именъ человѣческихъ, наиболѣе употребляется о животныхъ, гдѣ наружная сторона возраста кидается сильно въ глаза.

Очень ясно, что для именъ средняго рода,—которыя, *по образованію слова*, высказываютъ міръ неодушевленный, міръ чистаго объекта (что̀ бы ни высказывали они *по значенію слова*),—очень ясно, что для именъ средняго рода не можетъ быть такаго уменьшительнаго.—Съ другой стороны, ясно также, что самое это уменьшительное имя, обозначая возрастъ, гдѣ еще не ярко означается полъ мужеской и женской, гдѣ онъ поглощается общимъ возрастомъ дѣтства или малолѣтства, очень ясно, что само это имя въ первомъ настоящемъ своемъ видѣ,—рода средняго. Наконецъ понятно также, почему, образуя уменьшительное имя отъ имени родоваго, это окончаніе на *я* придается только къ именамъ мужескаго рода, ибо именемъ мужескаго рода, неопредѣленнымъ по своему значенію, обозначается самый родъ *вообще*, (*порода*), все *общее* значеніе имени, и также потому, что самый полъ не выступаетъ ярко, не опредѣляется въ имени мужескомъ. Вся опредѣленность, ограниченность, положительность, а вмѣстѣ и полъ, выступаетъ въ имени женскомъ; понятно, почему, уменьшительное не прилагается къ именамъ женскаго рода, ибо это не есть уменьшительное пола, а цѣлаго породнаго существа. Сверхъ того объясненіемъ можетъ служить и то, что дѣти называются у Индо-Европейскихъ народовъ—у Славянъ и у другихъ—именемъ отца.

Названіе отчества есть форма притяжательная: *овъ*; такая же притяжательная форма, а вмѣстѣ прилагательное, еще болѣе

первообразное, есть: *ь*. Напримѣръ: *Владиміръ—Владиміръ*. Ясно, что отсюда образовалось уменьшительное на *я*, въ которомъ есть отношеніе отчества, образовалось чрезъ смягчающее *ь*. Напримѣръ: *волкъ*, *волчь*, *волчата*; *орелъ*, *орль*, *орлята*; *князь*, *княжь* (здѣсь уже слѣдовательно двойной *ь*), *княжата*; *медвѣдь*, *медвѣжь* (опять двойной *ь*), *медвѣжата*, и проч.

Намъ могутъ сказать, что есть слова: *мышата*, *лисята*, и тому подобныя, происходящія отъ женскаго слова: *мышь*, *лиса*, и такъ далѣе. На это отвѣчаемъ мы сперва, что имена на *ь* часто перемѣняютъ родъ.—Что же касается до именъ, какъ *лиса*, *сова*, и проч. то здѣсь этою формою называется и самецъ, слѣдовательно здѣсь предполагается и мужеской родъ; а нравственное требованіе уменьшительнаго на *я*, есть дѣтской видъ породы самой. Наконецъ здѣсь надобно предположить утраченную форму мужескаго рода: *лисъ*, *совъ*, какъ: *кура*, *куръ* (впрочемъ *куръ* употребляется рѣдко). Доказательствомъ можетъ служить также слово: *утка*, общее родовое имя. Самая эта форма: *ут-ка*, показываетъ, что оно не первоначально; сверхъ того и уменьшительное возникаетъ не отъ этой формы; а именно: *ут-я* (утенокъ); и такъ должна быть другая форма, конечно: *утъ*.—*Тел-ка*, *тел-я*, доказываетъ тоже самое.—Это уже особое созерцаніе, по которому цѣлой породѣ животныхъ придается или форма женская или мужеская, какъ общая; *лиса*, напримѣръ,—общая женская форма; *гусь*—общая мужеская (*гусыня* употребляется рѣдко, съ очевиднымъ намѣреніемъ обозначить именно полъ). Форма женская, возобладавшая исключительно, и даже исключительность формы мужеской—есть явленіе конечно позднѣйшее.—Но при переходахъ слова, оставленная форма (мужеская) часто возникаетъ, чтобы дать образованіе изъ себя другой формѣ, въ которой эта первая и удерживается. Во всякомъ случаѣ, употребительная или нѣтъ,—форма мужеская, при названіяхъ породъ, необходима. Ею собственно обозначается *родъ*; она образуетъ *отчество*. Эта форма возникаетъ въ уменьшительныхъ, несомнѣнно доказывая тѣмъ свое существованіе.

Замѣчательно, что уменьшительное, человѣческое, происходитъ не отъ названья: человѣкъ, оно слишкомъ духовно; а отъ особаго понятія: ибо въ человѣкѣ, уже другой, высшій путь духа и развитія, а не возрастъ, не порода на первомъ планѣ. Уменьшитель-

ное это именно: *робя, дитя*. Слово: *дитя*, имѣетъ даже особый, уже не уменьшительный характеръ, а просто какъ бы самостоятельное опредѣленіе цѣлаго возраста, и слѣдуетъ особымъ измѣненіямъ (см. о склоненіяхъ) (*).

Теперь вопросъ: отъ чего же это уменьшительное средняго рода приняло женскую форму *я*? Какъ объяснить это окончаніе *я*?

Прежде всего уменьшительное *я* не есть чистое опредѣленное *я*; въ немъ заключается, въ другихъ языкахъ, носовой звукъ, который въ Русскомъ хотя и не существуетъ, но наше опредѣленное *я* соотвѣтствовать ѧ носовому, ѧ другихъ языковъ,—не можетъ. По этому *я*, замѣняющее у насъ мѣсто ѧ другихъ Славянскихъ нарѣчій,—признаемъ мы не твердымъ, опредѣленнымъ *я*, а возникшимъ не прямо, и въ основаніи шаткимъ (хотя можетъ быть и твердымъ въ выговорѣ). Слѣдовательно мы не можемъ сказать, чтобъ уменьшительное оканчивалось здѣсь на *я*. Это окончаніе сходно съ окончаніемъ: *время*, *племя* и т. д. Отъ чего же, можно спросить, такъ слышно здѣсь *я*, которое тамъ не слышно? Отъ того, отвѣчаемъ, что тамъ не на *я* ударені̀е; вспомнимъ выраженіе: на *племя́*, *племя́нный*.—Не надо забывать, что это *я*—носовое, которое не имѣетъ своего носоваго звука въ Русскомъ и слѣдовательно подвержено разнымъ измѣненіямъ. Смотря по раз-

---

(*) Намъ могутъ возразить, что *щеня*, *порося*, *жеребя*, *цыпля*, тоже самостоятельны; но они происходятъ отъ названій самихъ породъ, теперь утраченныхъ: *порося—порось*; *щеня—сука*, которое вѣроятно имѣло и мужеское: *сукъ*. Отъ *сукъ* могло образоваться *(сученята)*, *сученя*, *сченята*, съ помощію уменьшительнаго *н*,—форма, весьма встрѣчающаяся въ Русскомъ языкѣ; напримѣръ: *волченя*, *волченята*. Была ли форма *сучата*, какъ *волчата*? Это вопросъ. Вмѣсто *у* могъ быть первоначально ѣ, такъ что форма мужеская могла быть не *сукъ*, а *сѣкъ*,—на какое предположеніе можетъ навести *щеня*; въ такомъ случаѣ форма прямая *(сѣчя)* могла быть неудобна, а потому и могла возобладать форма: *сченя (щеня)*. *Цыпля—цыпка*; цыпкою называется курица, при чемъ легко объясняется и мужеское: *цыпъ*. *Жеребя* пока объяснить не умѣю.—Всякое уменьшительное на *я*, необходимо произошло отъ имени неуменьшительнаго. Слово *дитя* имѣетъ особый складъ и смыслъ; оно, какъ сказали мы, является самостоятельнымъ наименованіемъ возраста дѣтскаго, и въ этомъ случаѣ—неуменьшительнымъ.

нымъ причинамъ, *я* становится то той, то другой стороною своего выговора, то какъ *е*, то какъ *я* безъ носоваго звука. — Здѣсь (*гуся*, *утя*, и пр.), принявъ на себя удареніе, оно удерживаетъ по этому звукъ *я*. — Впрочемъ мы готовы предпочесть другое простое объясненіе; именно, что *а* переходитъ часто въ *о* и на оборотъ; точно также *я* переходитъ въ *е* и на оборотъ, смотря по ударенію и по особому значенію, придаваемому, въ этомъ случаѣ, слову (*пáсынокъ*, а не *по-сынокъ*; *растъ*, а не *ростъ*; *племя́*, а не *племе*, и пр.). Точно такіе же переходы можно видѣть и здѣсь. — Сверхъ того должны мы сказать, что уменьшительное на *я* употребляется только въ Именительномъ и Винительномъ падежахъ единственнаго числа, и что вообще оно очень мало употребительно; Русскому человѣку дико, и въ этихъ двухъ падежахъ, говорить, напримѣръ: *это порося*, *это теля*, и онъ обходитъ эту форму, говоря: *поросенокъ*, *теленокъ*,—слова, которыя имѣютъ уже свое склоненіе. Въ другихъ же падежахъ, вмѣсто *теля*, *порося* и пр., употребляется другая форма, на *ь* мужескаго рода, форма производная, суффиксная (съ суффиксомъ *т*), а не тематическая, именно: *теляти*, *телятемъ*; *поросяти*, *поросятемъ*, и проч., — склоняющаяся, какъ: *пути*, *путемъ*, и т. д. Подробнѣе же объ этомъ см. въ «склоненіяхъ».

Слово *дѣтя* или *дитя*, получившее самостоятельный смыслъ, приняло женской родъ и женское склоненіе въ тематической формѣ, но имѣетъ и производную форму, съ суффиксомъ *т*; въ которой склоняется какъ: *теля*, *теляти*, именно: *дитяти*, и пр. Впрочемъ эту форму мы считаемъ неправильною, образованною по ошибочной аналогіи, по внѣшнему сходству, по сосѣдству, такъ сказать, съ уменьшительными на *я*.—*Дитя*: это не уменьшительное, и нисколько не уменьшительное родовое; а самостоятельное названіе первоначальнаго возраста.

Вотъ наши объясненія буквы *я* и ея разныхъ состояній въ окончаніи уменьшительномъ, сколько мы нашли здѣсь это нужнымъ; подробнѣйшее объясненіе этого *я* и вмѣстѣ уменьшительнаго значенія, здѣсь съ нимъ соединеннаго, см. въ «склоненіяхъ».

Надобно прибавить, что для растительнаго царства эта форма почти не употребляется. Понятія потомства, родоваго происхожденія, и дѣтства,—здѣсь еще нѣтъ; а слѣдовательно и смыслъ этого уменьшительнаго въ царствѣ растительномъ, еще не выступаетъ.

Есть еще окончаніе, которое мы относимъ къ уменьшительнымъ, хотя въ немъ собственно ничего нѣтъ уменьшительнаго: Оно по смыслу и по употребленію относится къ разряду окончаній: *га*, *ха*, *та*, или вѣрнѣе, къ *ша*. Оно неупотребительно; но слышится въ уменьшительныхъ втораго слоя.—Названіе уменьшительныхъ, какъ мы уже видѣли, не всегда можетъ быть точно; какъ напримѣръ здѣсь. Форма, о которой теперь хотимъ сказать, относится къ числу тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, хотя въ другомъ примѣненіи,— именно къ числу тѣхъ формъ, которыя возникаютъ мгновенно, не имѣя собственнаго употребленія; но даютъ изъ себя новую форму. На этой степени, на которой стоятъ онѣ, имѣютъ онѣ скорѣе значеніе формъ переходно-образовательныхъ. Впрочемъ отвергать возможности ихъ употребленія, хотя неловкаго—нельзя. Это форма: *ёна*, слышная только въ уменьшительномъ втораго слоя: *ёнка*. Но сказать возможно, напримѣръ: *сестрёна*. Здѣсь уже никакъ не носовой звукъ.—Значеніе не имѣетъ почти ничего сходнаго съ уменьшительнымъ. Оно выражаетъ ласку, но безъ особой нѣжности.

Окончанія *га*, *ха*, *та*, причислили мы къ этимологическимъ, образовательнымъ окончаніямъ, еще не утратившимъ, при иныхъ словахъ, своего отдѣльнаго вида и смысла, и еще придающимся къ инымъ словамъ и теперь; сюда можно причислить и *ра*. Доселѣ еще эти окончанія образовательныя употребляются (хотя рѣдко), какъ произвольныя, полныя извѣстнаго значенія, измѣненія имени. Жизнь нашего языка дѣлаетъ это возможнымъ. Имя здѣсь, измѣняясь, получаетъ особое значеніе, особое отношеніе къ говорящему: отношеніе ласки, дружбы, удивленія, шутки. Опредѣлять эти измѣненія трудно, ибо они произвольны, и имѣютъ въ тоже время характеръ образовательныхъ окончаній, не кристаллизировавшихся въ языкѣ; возможность такого измѣненія слова безспорно доказываетъ жизнь языка. Особаго разряда—окончанія эти не составляютъ, слѣдовательно и Грамматика не занимается ими, какъ особымъ разрядомъ. Онѣ относятся, какъ уже сказано, собственно къ Этимологіи, гдѣ должны занять мѣсто подъ именемъ подвижныхъ образовательныхъ окончаній. Но мы должны были упомянуть о нихъ, сколько считаемъ достаточнымъ.—Они важны для насъ, ибо отъ нихъ происходятъ, на нихъ опираются Грамматическія формы; они становятся между ними и словомъ. Мы

причислили, ради нѣкоторой подвижности, окончанія эти къ уменьшительнымъ, именно 1-го слоя. Укажемъ на возможныя измѣненія съ этими окончаніями, напр.: *Дочь—дочуга, дочуха, дочута, дочура.* Отсюда происходитъ: *дочурка, дочутка.* Или еще: *Сынъ—сынюга, сынюха, сынюра, сынюта. Сынюра, сынюта*, едва-ли скажется; впрочемъ вспомнимъ: *бычура, Малюта.*—Надобно замѣтить, что подобныя окончанія, вообще мало употребительныя, но однако возможныя, преимущественно придаются именамъ человѣческимъ, ибо въ мірѣ человѣка существуетъ разнообразность ощущеній и вмѣстѣ отношеній. Наиболѣе, какъ уже сказали мы относятся они къ именамъ собственнымъ, какъ потому, что это имена человѣческія, такъ и по другимъ причинамъ вышесказаннымъ.—Окончанія *ена* и *ша* отдѣлили мы отъ *га, ха, та* и *ра*, ибо видимъ въ нихъ уже не случайное, а постоянно возможное, ко всѣмъ именамъ, присоединеніе ихъ, какъ грамматическихъ формъ, напримѣръ какъ уменьшительное: *къ.*—Правда, присоединеніе это *(ена, ша)* не самостоятельно, оно опирается на уменьшительную форму: *къ, ка, ко*, и съ ея помощію является во второмъ слоѣ уменьшительнаго; но при этомъ, по крайней мѣрѣ вполнѣ оправдано его грамматическое значеніе. Взятыя же отдѣльно: *ена, ша*, являются такими же подвижными образовательными окончаніями, какъ *га, ха, та* и *ра*. Изъ *теля, куря*, и пр. (первообразное очевидно: *телъ, куръ*) образуется, съ помощію суффикиса *т*: *телять* и *телято, курять* и *курято*, и пр.—*Телято, курято,* и пр. употребляется собственно во множественномъ: *телята, курята. Телять, курять*, и пр., употребляется только въ единственномъ, въ извѣстныхъ падежахъ.—Мы говоримъ объ этой формѣ на *то*, отъ словъ уменьшительныхъ на *я*, здѣсь потому, что она не употребляется въ единственномъ, а только во множественномъ; но она принимаетъ къ своей суффиксной формѣ уменьшительное: *къ, ко*; напр.: *телятко* (малоупотребительное); множественное же, съ уменьшительнымъ *къ*—напримѣръ: *телятки* (употребительное)—вѣроятно образовано изъ мужеской формы суффиксной, единственнаго: *телять—телятокъ* или *телятекъ*. (Впрочемъ, *телятки* могло возникуть неправильно вм. *телятка*, какъ *ведерки* вм. *ведерка).*—Если форму на *я*, напр. *теля*, примемъ мы за уменьшительное, то дальнѣйшая форма съ *къ*, напр.: *телятки*,—будетъ уже уменьшительнымъ 2-го слоя.

Уменьшительныя втораго слоя.

Форма уменьшительныхъ втораго слоя, есть тоже простая форма перваго слоя: *къ*, *ка*, *ко*, но прибавляемая къ окончаніямъ уменьшительнымъ перваго слоя. Вслѣдствіе такого прибавленія, по законамъ благозвучія, происходитъ измѣненіе и перестановка буквъ. Само собою разумѣется, что буквы гласныя на концѣ первыхъ уменьшительныхъ, тогда откидываются. Вотъ примѣры: *домъ* — *домо-къ*, *дверь*—*двер-ка*. *Домокъ*, *домоче-къ*. *Дверка*, *двероч-ка*. Очевидно, что *домоккъ*, или *домококъ* нельзя сказать; также *дверк-ка*, и смягченіе необходимо при уменьшительныхъ 2-го слоя, а также и возникновеніе гласныхъ, гдѣ нужно. Это уже извѣстные законы благозвучія.—Такъ, напримѣръ, тоже: *тафтица*, *тафтич-ка*; *ц* передъ *к*, не допускаетъ нашъ языкъ.—Объ этихъ измѣненіяхъ считаемъ не нужнымъ распространяться болѣе, ибо они—не вопросъ Грамматики, а Словопроизведенія и собственно Словообразованія.

Къ, *ка*, *ко* придаются ко всѣмъ окончаніямъ, разсмотрѣннымъ въ статьѣ объ уменьшительныхъ перваго слоя; неупотребленіе иногда вовсе втораго уменьшительнаго опредѣляется неудобствомъ образованія его.

Къ уменьшительнымъ второго слоя принадлежатъ по формѣ *теленокъ*, *поросенокъ* и другія подобныя, выражающія дѣтство. Но по значенію, какъ замѣна неупотребительнаго *теля*, *порося* и т. п., они принадлежатъ къ уменьшительнымъ перваго слоя. Они, согласно съ значеніемъ своимъ, означая родъ вообще, суть мужескаго рода. Мы думаемъ, что эти уменьшительныя одного образованія съ другими уменьшительными отъ *ёна* (или даже можетъ быть *енъ*), напр.: *мужиченокъ* (*мужикъ* здѣсь принимается не какъ уменьшительное; напримѣръ: *ножикъ*), вмѣсто котораго съ особымъ смысломъ, придаваемымъ женскою формой, употребляется и *мужиченка*, также и средняя форма: *мужиченко* (*).

(*) Слово *мужепекъ*, въ которомъ *ен* кажется чистое вставное, хотя не для одного благозвучія, должно, думаемъ мы, отнести къ разряду уменьшительныхъ перваго слоя. Такого же рода вставочное, но не для

Уменьшительное втораго слоя показываетъ еще большую уменьшительность, но преимущественно показываетъ личное впечатлѣніе, производимое надъ человѣкомъ такими малыми размѣрами предмета. Здѣсь болѣе видно собственное желаніе человѣка выразить, какъ малъ предметъ.—Такъ какъ здѣсь передается болѣе личное впечатлѣніе, то отсюда эти уменьшительные носятъ разные и многоразличные оттѣнки.—Вмѣстѣ съ этимъ, тамъ гдѣ понятіе отдаляется отъ самого, дѣйствительнаго предмета (гдѣ является форма мужеская при именахъ мужескаго рода), и по этому предметъ становится неопредѣленнымъ,—выступаетъ средняя форма; какъ же скоро предметъ опредѣляется въ этомъ новомъ, болѣе общемъ своемъ понятіи или видѣ—выступаетъ форма женская. Такъ что одно и тоже слово можетъ имѣть всѣ три формы: мужескую, среднюю и женскую; напр.: *мужиченокъ*, *мужиченко*, *мужиченка*. Само собою разумѣется, что слово это *употребляется* всегда въ мужескомъ родѣ. Здѣсь необходимо прибавить, что уменьшительныя второго слоя, отъ первыхъ двухъ формъ: *къ* и *цъ*, соблюдаютъ каждый родъ и родовую форму: *къ*, *ка*, *ко*,—напр.: *звѣрочекъ*, *сестричка*, *ведерочко*.—Но остальныя, не столь опредѣленнаго значенія, въ именахъ мужескаго рода, вообще наименѣе опредѣленныхъ и отъ того наиболѣе опредѣляющихся, наиболѣе дѣятельныхъ и подлежащихъ отсюда измѣненіямъ,—рѣдко употребляются съ мужеской формой, удобно употребляются съ средней, и всего удобнѣе и охотнѣе съ формою женской, что́ впрочемъ такъ и должно быть, ибо предметъ самый уже отдаляется: выходитъ напередъ его характеристика и личное впечатлѣніе говорящаго, что́, или даетъ предмету неопредѣленный видъ, какъ бы свойства,—тогда является форма средняя—или чаще опредѣляетъ его въ новый нравственный образъ,—тогда является форма женская: *солдатишко* и *солдатишка*. Но имена женскаго и средняго рода удерживаютъ свои родовыя формы: *сестричка*, *стеклышко*.

благозвучія, а придающее особый смыслъ,—видимъ мы въ словахъ, напр.: *волченята*; это относится уже не къ грамматическимъ флексіямъ, а къ словообразованію, къ Этимологіи; такъ, напримѣръ, при: *толкнулъ*, форма: *толконулъ*, получаетъ особый оттѣнокъ смысла, именно вслѣдствіе возникновенія буквы *о* въ серединѣ слова.

Уменьшительное втораго слоя имѣетъ, какъ сказали мы, разныя оттѣнки; оно выражаетъ миловидность самого предмета, а въ говорящемъ ощущеніе нѣжности, шутки и ласковаго пренебреженія. Ощущеніе ласковаго пренебреженія высказывается, собственно, въ уменьшительномъ втораго слоя, послѣ *ша*, то есть въ: *ш-ка*; напр.: *ручшика*, *парнишка*,—и отчасти, но рѣже, въ уменьшительномъ втораго слоя послѣ *ена*: *ен-ка*; напр.: *сестренка*, и т. д.—Тотъ же смыслъ былъ первоначально и въ именахъ Собственныхъ на *ика* и *енка*; но вслѣдствіи времени, вѣроятно съ Петра, ему приданъ не только просто пренебрежительный, но и презрительный характеръ: *Дашка*, *Тришка*, *Петренка*, и пр.—Удареніе играетъ здѣсь роль и измѣняетъ оттѣнокъ, такъ: *ру́ченька* и *руче́нка*. Въ первомъ словѣ—чисто ласковый характеръ, во второмъ — ласковый, шутливый и ласково-пренебрежительный. Также: *Ва́нюшка*—ласковый, *Ваню́шка*—пренебрежительный, и нынѣ презрительный. Также: *Та́нюшка*, *Таню́шка*.—Вотъ примѣръ образованія уменьшительныхъ 2-го слоя: *ручка — ручечка*; *(ручена)—рученька*, *ручёнка*; *(ручуша, ручиша) — ручушка*, *ручишка*; *(ручища) — ручичка*. — Уменьшительныя другихъ словъ, еще полнѣе.

И здѣсь, во второмъ слоѣ уменьшительныхъ, произволъ употребленія образовательныхъ окончаній (о чемъ уже говорили мы въ статьѣ объ уменьшительныхъ перваго слоя) выступаетъ; но собственно окончаній: *ша*, и отчасти: *ена*, которыя сами по себѣ (безъ помощи другой уменьшительной формы) употребляются и здѣсь не совсѣмъ удобно; *ша* и *ена* слышатся опять, собственно какъ уменьшительныя грамматическія формы, уже въ уменьшительныхъ третьяго слоя. Такъ напр: *дочура* (мы причисляемъ эту форму, какъ извѣстно, къ категоріи уменьшительныхъ 1-го слоя); отсюда 2-й слой: *дочурка*; но можно сказать и: *дочуруша*. Также напр: *рученка*; отсюда 2-й слой: *рученька* и *рученка*; но можно сказать и: *рученуша*.—Это употребленіе находитъ себѣ оправданіе и мѣсто въ уменьшительныхъ 3-го слоя. Очевидно, что употребленіе такое весьма можетъ быть рѣдко, и есть уже произвольное дѣйствіе въ языкѣ, дающемъ такую возможность въ силу своей жизни. Окончаніе на *ёна* еще затруднительнѣе въ употребленіи; напр: *братиша*, *ручена* (отсюда уменьшительное 2-го слоя: *братишка*, *рученка*), весьма затруднительно, но возможно сказать: *рученёна*,

братишена. Можно бы сказать, что такія формы рѣшительно не говорятся, но онѣ однако слышатся въ возможномъ уменьшительномъ третьяго слоя. — Упомянуть объ этихъ формахъ намъ было должно.

Изслѣдовать разнообразныя значенія уменьшительныхъ формъ, въ особенности этого втораго слоя, — мы не считаемъ нашею обязанностью. Употребленіе придало, и придаетъ имъ разнообразные оттѣнки, такъ что одно и тоже уменьшительное, прилагаясь къ разнымъ словамъ, разнится въ оттѣнкахъ своего значенія. Это дѣло уже Этимологіи и словаря; собственно къ Грамматикѣ, думаемъ мы, оно не относится.

Въ томъ случаѣ, когда уменьшительное перваго слоя потеряло значеніе уменьшительнаго и перешло въ извѣстный *соразмѣрный* видъ, напр: *платокъ*, — тогда уменьшительное втораго слоя занимаетъ мѣсто уменьшительнаго перваго слоя: *платочекъ*.

Уменьшительныя третьяго слоя.

Форма этихъ уменьшительныхъ опять: *къ*, *ка*, *ко*. Можно сказать, что здѣсь это уже форма исключительная. Окончанія: *къ*, *ка*, *ко*, придаются къ окончаніямъ уменьшительныхъ втораго слоя; измѣненіе буквъ совершается здѣсь разумѣется на тѣхъ же основаніяхъ.

Большей противъ предыдущихъ, уменьшительности предмета, уменьшительныя третьяго слоя не показываютъ. Выражая конечно миніатюрность предмета, но болѣе въ ощущеніи, они выражаютъ постоянно ласковое чувство, прошедшее сквозь опредѣленіе предыдущаго уменьшительнаго.

Вотъ примѣры: *Брати-ш-ка — брати-ш-еч-ка*; *(брати-ш-ена) — брати-ш-ен-ка*; *руч-ен-ка — руч-ен-оч-ка*; *(руч-ен-ена) — руч-е-н-ен-ка*.

Произволъ образованія составляетъ даже и четвертый слой уменьшительныхъ, но объ нихъ особенно мы не считаемъ нужнымъ говорить, ибо основаніемъ здѣсь служитъ, сохранившійся вообще въ Русскомъ языкѣ, этотъ свободный произволъ образованія.

Въ примѣръ однако употребительныхъ уменьшительныхъ четвертаго слоя можемъ привести: *ручененочка*, *ручененушка*.

Изъ втораго слова *(ручененушка)* видно, что уменьшительное третьяго слоя должно быть: *ручененуша*; оно вообще неупотребительно, но въ силу того же свободнаго произвола въ Русскомъ языкѣ, возможно употребить и это слово.

Число.

Предметъ оставляетъ въ умѣ нашемъ понятіе о себѣ. Это понятіе одно; предметъ же можетъ повториться, можетъ явиться другой образецъ его.—Новаго понятія здѣсь не является; понятіе все одно, а между тѣмъ явился новый такой же предметъ. Соединяя силою понятія предметы, мы видимъ, что предметъ уже *не одинъ*. Отсюда является *число*. Только единство понятія даетъ намъ возможность видѣть *число* предметовъ; только оно одно совокупляетъ, *считаетъ* (сочетаетъ) ихъ; ибо мы *узнаемъ* здѣсь одинъ предметъ въ нѣсколькихъ явленіяхъ. Мы говоримъ напримѣръ: *это стулъ и это стулъ, слѣдовательно*: *два стула*.

Первое число, нарушающее *единицу* предмета, совпадавшую съ единицей понятія, есть: *два*, или *двойственное*; характеръ этого числа есть отрицательный. Оно показываетъ только, что предметъ *не одинъ*, и образуетъ понятіе *другаго*. Вотъ значеніе этого числа; дальнѣйшаго хода оно не выражаетъ. Но здѣсь уже образуется понятіе числа, и именно понятіе *два*, при которомъ выдается значеніе предмета, какъ *единицы*. Такъ что понятіе *единицы* возникаетъ лишь при понятіи: *два*, при отрицаніи *единицы*,—ибо видится, что предметъ *не одинъ*. Понятіе на этомъ не останавливается; разъ отправившись отъ *единицы* и прошедши черезъ опредѣленіе *два*, признавъ такимъ образомъ число, оно уже прямо переходитъ въ міръ безконечнаго *множества*, и не видитъ ему предѣла. Это третій шагъ (моментъ) понятія. Здѣсь очевидно, нѣтъ уже отрицательнаго характера предыдущей степени. Множество здѣсь уже одно общее опредѣленіе; разсматриваемое подробно, оно разнится въ самомъ себѣ только *счетомъ* (см. ниже), оставаясь множественнымъ вообще: ибо счету нѣтъ предѣловъ.—Такимъ путемъ образуется три степени, въ которыхъ выражается ко-

личественное отношеніе предмета къ своему понятію или идеалу: *одинъ*,—*не одинъ*, или *два*,—и *много*. Отсюда являются: *число единственное*, *число двойственное*, *число множественное*.

И такъ число есть *количественное* отношеніе предмета, какъ явленія частнаго,—къ своему понятію или идеалу, какъ къ общему.

Число выражается въ именахъ перемѣною окончаній. Богатые языки древніе, въ томъ числѣ и нашъ, замѣтили значеніе двойственнаго числа, и выразили оное, отмѣтя особою формою окончаній. Въ настоящее время, въ нашемъ языкѣ, остались только одни слѣды этого числа. Двойственное число, выражая путь мысли, доходящей до понятія множества,—есть число въ этомъ смыслѣ историческое; по этому самому оно, почти во всѣхъ языкахъ, не удержалось, было утрачено съ теченіемъ времени, и значеніе его поглотилось общимъ понятіемъ множественнаго.

Падежъ.

Предметъ, кромѣ качественнаго и количественнаго отношенія своего, какъ явленія частнаго, къ себѣ самому, какъ къ понятію общему, какъ къ собственному своему отвлеченному идеалу: при чемъ является и отношеніе его къ другимъ *такимъ же* предметамъ, однороднымъ съ нимъ частнымъ явленіямъ,—имѣетъ значеніе самъ по себѣ, какъ живое, дѣйствительное выраженіе этого общаго понятія въ частномъ явленіи,—и вслѣдствіе этого становится въ разнообразныя отношенія, какъ къ самому себѣ, внутри себя, такъ и къ другимъ, какимъ бы то ни было предметамъ. Здѣсь уже нѣтъ отношенія непремѣнно къ предметамъ себѣ однороднымъ, какъ въ предыдущихъ случаяхъ. Ибо тамъ предметъ разсматривался въ созерцаніи мысли отвлеченно, порознь: какъ частное явленіе, и какъ общее понятіе, къ которому оно относится. Всѣ отношенія, при подобномъ отвлеченномъ созерцаніи, находились въ кругу частнаго явленія и общаго понятія, въ кругу предметовъ однородныхъ. — Здѣсь же предметъ, являясь, не отвлеченнымъ, а дѣйствительнымъ явленіемъ, въ частности своей *выражающимъ* общій идеалъ, и слѣдовательно какъ бы получая

самостоятельность,—становится въ отношеніе къ своему понятію и къ себѣ, внутри себя такъ сказать, и потомъ въ отношеніи уже всякихъ предметовъ,—какъ цѣльный дѣйствительный предметъ. Въ словѣ, такія отношенія выражаются измѣненіемъ окончаній; (въ языкахъ обѣднѣвшихъ—черезъ предлоги). Такія отношенія, выраженныя въ именахъ измѣненіями окончаній, называются *Падежами*,—названіе, которое мы удержимъ. Падежъ, намекая на отношеніе предмета, какъ цѣльнаго дѣйствительнаго явленія, къ самому себѣ и другимъ предметамъ, намекаетъ уже на отношеніе *дѣятельное*; но опять, это только намекъ.

Естественное, спокойное и вмѣстѣ непосредственное, свободное отъ всякихъ соприкосновеній, состояніе предмета, другими словами: предметъ *самъ по себѣ*, выражается въ Имени естественнымъ его, прямымъ окончаніемъ. Это падежъ *Именительный*, который можетъ быть названъ: *Непосредственный*.

Всякой предметъ, какъ сказали мы выше, заключаетъ въ себѣ, какъ въ частномъ явленіи, и *общее* понятіе, которое часто понимается, какъ родовое. Когда эта сторона общаго понятія преобладаетъ въ предметѣ, и онъ выступаетъ этою общею стороною, удаляясь отъ своего опредѣленнаго значенія,—онъ получаетъ значеніе отвлеченное, неопредѣленное; такое состояніе предмета выражается въ Имени (какъ и при всѣхъ падежахъ, кромѣ Именительнаго един. чис.)—измѣненіемъ окончанія. Это падежъ *Родительный* или *Отвлеченный*.

Предметъ изъ естественнаго независимаго и самостоятельнаго состоянія переходитъ въ состояніе противоположное, *объективируется, сознается*, говоря вообще, и въ этомъ смыслѣ опредѣляется. Здѣсь предметъ приходитъ въ соприкосновеніе прямое съ другимъ предметомъ, сознающимъ, объективирующимъ его, хотя бы это мѣсто другаго предмета занималъ онъ самъ, и самъ сознавалъ себя. Это падежъ *Винительный* или *Предметный (Объективный)*. Это сознаніе можетъ выражаться не только мыслительнымъ актомъ самаго сознанія, но и вообще всякимъ дѣйствіемъ.

Предметъ переходитъ въ состояніе не прямаго объективированія; это состояніе *прикосновеннаго присутствія* предмета, *участія* его въ дѣлѣ. Здѣсь также опредѣляется предметъ, но косвенно.—Это падежъ *Дательный* или *Присутственный*.

Кромѣ того предметъ самъ является сознающимъ, переносящимъ постороннее явленіе въ свое существованіе, въ себя; вмѣсто того, чтобъ быть предметомъ дѣйствія, онъ становится причиною, цѣлью его и имѣетъ въ себѣ дѣятельное начало. Это падежъ *Творительный*; иначе: *Дѣятельный* или *Производительный*.

Мѣсто есть необходимое опредѣленіе предмета, неотъемлемая общая его категорія.—Предметъ выражаетъ въ себѣ это существенное свое опредѣленіе и является, какъ *мѣсто*, въ обширномъ смыслѣ этого слова: какъ во внѣшнемъ, положительномъ, такъ и во внутреннемъ, отвлеченномъ. Это падежъ *Предложный* или *Мѣстный*.

Наконецъ предметъ освобождается изъ состоянія предмета, изъ состоянія третьяго лица, какъ скоро къ нему обращена рѣчь, какъ къ одушевленному и личному существу, рѣчь, которая возводитъ его въ лице второе, которая произноситъ: *ты!* Предметъ получаетъ тогда характеръ одушевленный, личный. Это падежъ *Звательный* или *Личный*.

> *Примѣчаніе.* Разумѣется эта рѣчь можетъ быть обращена *дѣйствительно* только къ предметамъ одушевленнымъ, къ такимъ, которые могутъ дать отвѣтъ на *зовъ*, къ именамъ мужескаго и женскаго рода; по этому только имена мужескаго и женскаго рода имѣютъ Звательный падежъ, а имена средняго рода—Звательнаго падежа не имѣютъ. Въ рѣчи *употребляется* вмѣсто него Именительный. Во множественномъ числѣ вообще, личность поглощена множествомъ, и потому въ множественномъ числѣ—Звательнаго тоже нѣтъ, и *употребляется* вмѣсто него Именительный.

Вотъ всѣ виды, принимаемые Предметомъ въ жизни и Именемъ въ словѣ, собственно въ словѣ Русскомъ;—вотъ всѣ падежи. Именно:

Падежъ Именительный — Непосредственный.
——— Родительный — Отвлеченный.

——— Винительный — Предметный или объективный.
——— Дательный — — Присутственный
——— Творительный — Дѣятельный или Производительный.
——— Предложный — Мѣстный
——— Звательный — — Личный.

Примѣчаніе. Здѣсь надобно замѣтить, что до сей поры падежи разсматривались по употребленію ихъ въ самой рѣчи, подъ управленіемъ предлоговъ или глаголовъ, гдѣ они являются въ различныхъ случайностяхъ. Вслѣдствіе такихъ-то случайныхъ употребленій давались падежамъ опредѣленія и названія; напр.: *я далъ человѣку книгу*—падежъ Дательный, и такъ и другіе, болѣе или менѣе.—Удивительно, какъ до сихъ поръ не сбивало г-дъ Грамматиковъ то, что опредѣленія ихъ безпрестанно оказывались недостаточными, и поэтому приходилось придумывать новыя объясненія или даже исключенія. Подобныя опредѣленія рѣшительно не могли быть удовлетворительны, ибо почерпались изъ случаевъ. Напримѣръ: *тебѣ идти впередъ*, здѣсь падежъ не подходитъ подъ опредѣленіе падежа Дательнаго; или еще: *ты мнѣ съ мѣста не сходи.*— Самое полное опредѣленіевъ нашихъ грамматикахъ есть то, которое наиболѣе изчисляетъ общихъ случаевъ употребленія; очевидно, что это пониманіе весьма условное, внѣшнее и недостаточное. Намъ кажется, что такое воззрѣніе должно сбивать съ толку, ибо всякое случайное опредѣленіе (если мы вздумаемъ принять оное за общее опредѣленіе) закрываетъ передъ нами законъ, являющійся въ немъ лишь какою нибудь одною стороною своею. Полное изчисленіе случаевъ невозможно. Наиболѣе полное изчисленіе все также сбиваетъ, ибо это все частные случаи употребленія, не только скрывающіе общій законъ, но часто противорѣчащіе другъ другу, какъ скоро не понятъ этотъ общій законъ, въ которомъ находятъ они свое единство и объясненіе. Употребленіе намекаетъ, наводитъ насъ на законъ, но не опредѣляетъ его. Мы должны углубиться въ существо самаго дѣла, не накладывать извнѣ взятаго опредѣленія, но въ немъ самомъ открыть объясняющій его законъ.

Доселѣ падежи разсматривались вмѣстѣ съ глаголомъ или предлогомъ, какъ какое-то дополненіе, и исчезалъ ихъ собственный, общій разумный смыслъ. Не догадывались, что этотъ смыслъ падежей *соотвѣтствуетъ* только, является только *приличнымъ* такому или такому употребленію съ предлогомъ или глаголомъ, и обнаруживается при этомъ одною лишь стороною своею, которую слишкомъ опредѣленно схватывали Грамматики, какъ правило. Между тѣмъ, если вникнемъ въ сущность дѣла, то легко увидимъ, что падежи имѣютъ свой самостоятельный смыслъ, обнаруживающійся при всякомъ случаѣ разными своими сторонами, а иногда и въ самостоятельномъ употребленіи. Такъ напримѣръ: Родительный въ видѣ Звательнаго: *о славы громкія!* или народное: *молодца!* Такъ Дательный, употребляемый какъ самостоятельный: *ему идущему, все падаетъ ницъ*, или въ сжатомъ видѣ: *ты мнѣ учись хорошенько*.—Падежи имѣютъ, повторяемъ, свой самостоятельный, независимый, разумный смыслъ, и потому могутъ и должны разсматриваться сами въ себѣ, а не только въ употребленіи; слѣдовательно, должны быть поняты съ этой точки зрѣнія, даже и внѣ Синтаксиса, въ которомъ конечно, какъ въ живой рѣчи, полнѣе выступаетъ смыслъ и падежей и всѣхъ грамматическихъ измѣненій: поэтому-то подробнѣйшее и отчетливѣйшее объясненіе падежей и относимъ мы къ Синтаксису.—Ограничиваемся здѣсь общимъ сдѣланнымъ выше опредѣленіемъ самостоятельнаго значенія падежей. Отсюда уже, изъ духа и существа ихъ, можетъ объясниться всякая случайность ихъ употребленія. Въ опредѣленіи падежей, нами установленномъ, старались мы достигнуть этого.

Числа и падежи выражаются въ Имени чрезъ подвижное измѣненіе его формъ.

Измѣненіе именъ по числамъ и падежамъ называется *склоненіемъ*.

Склоненіе.

Мы знаемъ, что принадлежа къ тремъ *родамъ*, Имена раздѣляются на три разряда особыми окончаніями: отсюда естественно вытекаютъ три склоненія для именъ:

Мужескаго, *Женскаго* и *Средняго* родовъ,

съ разными конечно оттѣнками и видоизмѣненіями.

Имена мужескаго рода.

Склоненіе I.

Имена мужескаго рода въ естественномъ и простомъ состояніи предмета, т. е. въ падежѣ Именительномъ, оканчиваются, какъ мы уже знаемъ, на буквы: *ъ*. *ь*, *й*. И такъ.

Число Единственное.

Падежъ Именительный (*) — *ъ*, *ь*, *й*.—Слон-*ъ*, звѣр-*ь*, змѣ-*й*.
——— Родительный — *а*, *я*, *я*.—Слон-*а*, звѣр-*я*, змѣ-*я*.
——— Винительный — Падежа Винительнаго нѣтъ, въ смыслѣ Винительнаго употребляется Именительный, для предметовъ неодушевленныхъ, и Родительный для одушевленныхъ.
——— Дательный — — *у*, ю, *ю*.—Слон-*у*, звѣр-*ю*, змѣ-*ю*.
——— Творительный — *о-мъ*, *е-мъ*, *е-мъ* (*ёмъ*).—Слон-*о-мъ*, звѣр-*е-мъ*, змѣ-*е-мъ* (богатыр-*ё-мъ*, па-*ё-мъ*).

(*) Мы оставляемъ прежнія названія падежей, ибо къ нимъ болѣе привыкли, хотя названія, нами принятыя, находимъ болѣе соотвѣтствующими смыслу падежей. Названіе *Мѣстный*, уже принято, и потому мы его употребляемъ. Не только здѣсь, но и вездѣ, гдѣ только возможно, оставляемъ мы старыя названія.

——— Мѣстный — — *ѣ, ѣ, ѣ.*—Слон-*ѣ*, звѣр-*ѣ*, змѣ-*ѣ*,
——— Звательный — — *е—у, ю, ю.* (Слон-*е*—слон-*у*, звѣр-*ю*, змѣ-*ю*).

Число Двойственное (*).

Падежъ Именительный
——— Винительный } — *а, я, я.* Слон-*а*, звѣр-*я*, змѣ-*я*.
——— Звательный
Падежъ Родительный
——— Мѣстный — } — *у, ю, ю,* Слон-*у*, звѣр-*ю*, змѣ-*ю*.
Падежъ Дательный — } — *о-ма, е-ма.* Слон-*о-ма*, звѣр-*е-ма*,
——— Творительный } змѣ-*е-ма*.

Число Множественное.

Падежъ Именительный— *и.*—Слон-*и*, звѣр-*и*, змѣ-*и*.
Падежъ Родительный — *ъ—овъ, ь—ій (евъ), й—евъ.*—Слон-*ъ*—слон-*овъ*, звѣр-*ій*—звѣр-*ей* (звѣревъ), змѣ-*й*—змѣ-*евъ*.
——— Винительный — *ы, и.*—Слон-*ы*, звѣр-*и*, змѣ-*и*.
——— Дательный— — *о-мъ, е-мъ, е-мъ.*—Слон-*о-мъ*, звѣр-*е-мъ*, змѣ-*е-мъ*.
——— Творительный— *ы—ми, (и)—ми, и—ми.*—Слон-*ы*—слонъ-*ми*, звѣр-*и*—звѣрь-*ми*, змѣ-*и*—змѣй-*ми*.

(*) Мы уже сказали, что беремъ Русской языкъ не въ наличной только его цѣлости, а въ цѣлости полной исторической со всѣми формами, встрѣчающимися въ немъ въ древности, но конечно только тѣми, которыя принадлежатъ ему самостоятельно, а не тѣми, которыя заимствованы изъ языка Церковно-Славянскаго. Число двойственное, напримѣръ, исчезло изъ живаго употребленія Русскаго языка, но оно составляетъ его самостоятельную собственность, и мы приводимъ здѣсь оное. Объясненіе: почему именно такія изъ древнихъ формъ Русскаго языка самостоятельны, а другія заимствованы, здѣсь мѣста не имѣютъ; они основаны на изслѣдованіяхъ и соображеніяхъ, которымъ мѣсто въ Русской *Исторической* Грамматикѣ,—а она, при нашемъ теперешнемъ трудѣ, входитъ лишь частію, какъ элементъ.

——— Мѣстный ——— о-*хъ*, *е-хъ*, *е-хъ*. Слон-о-*хъ*, звѣр-*е-хъ*, змѣ-*е-хъ*.
——— Звательнаго — нѣтъ: вмѣсто него Именительный.

Имена женскаго рода.

Имена женскаго рода оканчиваются на *а* и *я*.

Склоненіе II (*).

Падежъ Именительный— *а*, *я*.—Женщин-*а*, земл-*я*, свинь-*я*.
——— Родительный — *ы*, *и*.—Женщин-*ы*, земл-*и*, свинь-*и*.
——— Винительный — *у*, *ю*.—Женщин-*у*, землю, свинь-*ю*.
——— Дательный — *ѣ*, *ѣ(и)*.—Женщин-*ѣ*, земл-*ѣ*, свинь-*ѣ*.
——— Творительный— *о-ю*, *ё-ю*.—Женщин-*ою*, земл-*ёю*, свинь-*ею*.
——— Мѣстный ——— *ѣ*, *ѣ*.—Женщин-*ѣ*, земл-*ѣ*, свинь-*ѣ*.
——— Звательный — *о*, *е*.—Женщин-*о*, земл-*е*, свинь-*е*.

Число Двойственное.

Падежъ Именительный— *ѣ*, *и*.—Женщин-*ѣ*, земл-*ѣ*, свинь-*ѣ* (свинь-*и*).
——— Родительный — *у*, *ю*.—Женщин-*у*, земл-*ю*, свинь-*ю*.
——— Винительный — Какъ Именительный, вѣроятно могъ употребляться и Родительный въ извѣстныхъ случаяхъ.
——— Дательный——— *ма*, *ма*.—Женщина-*ма*, земля-*ма*, свинья-*ма*.
——— Творительный— *ма*, *ма*.—Женщина-*ма*, земля-*ма*, свинья-*ма*.
——— Мѣстный ——— *у*, *ю*.—Женщин-*у*, земл-*ю*, свинь-*ю*.
——— Звательный — какъ Именительный.

(*) Склоненіе именъ женскаго рода на *и*, составляющее нѣчто совершенно особое, мы отдѣляемъ отъ прочихъ склоненій и говоримъ о немъ, какъ объ особомъ склоненіи. См. ниже.

Число Множественное.

——— Именительный— *ы*, *и*.—Женщин-*ы*, земл-*и*, свинь-*и*.
——— Родительный — *ъ*, *ь*—*й*(послѣ гласной).—Женщин-*ъ*, зем(е)л-*ь*, свинь-*й*, (свин-*і*-*й*, свин-*е*-*й*).
——— Винительный — Именительный, для неодушевленныхъ Родительный, для одушевленныхъ.
——— Дательный— — *мъ*, *мъ*.—Женщина-*мъ* земля-*мъ*, свинья-*мъ*.
——— Творительный— *ми*, *ми*.—Женщина-*ми*, земля-*ми*, свинья-*ми*.
——— Мѣстный — — *хъ*, *хъ*.—Женщина-*хъ*, земля-*хъ*, свинья-*хъ*.
——— Звательный — какъ Именительный.

Имена средняго рода.

Склоненіе III.

Имена средняго рода оканчиваются, какъ извѣстно на *о* и *ё*, *е*.

Число Единственное.

Падежъ Именительный— *о*, (*ё*) *е*.—Стекл-*о*, пол-(*ё*)*е*, желані-*е* (иногда произносится, какъ *ё*: быті-*ё*).
——— Родительный — *а*, *я*.—Стекл-*а*, пол-*я*, желані-*я*.
——— Винительный — тоже, что Именительный.
——— Дательный— — *у*, *ю*.—Стекл-*у*, пол-*ю*, желані-*ю*.
——— Творительный— *мъ*, *мъ*.—Стекло-*мъ*, поле-*мъ*, желаніе-*мъ* (бытіе-*мъ*).
——— Мѣстный — — *ѣ* (*и*).—Стекл-*ѣ*, пол-*ѣ*, желані-*и*.
——— Звательнаго — нѣтъ: вмѣсто него Именительный.

Число Двойственное.

Падежъ Именительный— *ѣ* (*и*).—Стекл-*ѣ*, пол-*ѣ* (*и*), желані-*и*.
——— Родительный — *у*, *ю*.—Стекл-*у*, пол-*ю*, желані-*ю*.
——— Винительный, какъ Именительный,
——— Дательный— — *ма*, *ма*.—Стекло-*ма*, поле-*ма*, желаніе-*ма*.

——— Творительный— *ма*, *ма*.—Стекло-*ма*, поле-*ма*, желаніе-*ма*.
——— Мѣстный ——— *у*, *ю*.—Стекл-*у*, пол-*ю*, желані-*ю*.
——— Звательный — какъ Именительный.

Число Множественное.

Падежъ Именительный— *а*, *я*.—Стекл-*а*, пол-*я*, желані-*я*.
——— Родительный — *ъ*, *ь*.—Стек(о)л-*ъ*, пол-*ь*, желані-*й*.
——— Винительный — тоже, что Именительный.
——— Дательный ——— *мъ*, *мъ*.—Стекло-*мъ*, поле-*мъ*, желаніе-*мъ*.
——— Творительный— *ы*—*ъ-ми*, *и*—*ь-ми*, *й-ми*.—Стекл-*ы* (стекл-*ъ-ми*), пол-*и* (пол-*ь-ми*), желані-*и*, желані-*й-ми* (желань-*ми*).
——— Мѣстный ——— *хъ*, *хъ*.—Стекло-*хъ*, поле-*хъ*, желаніе-*хъ*.
——— Звательный— — не имѣется: вмѣсто него Именительный.

Примѣчаніе. Подробности склоненія, разнообразіе и различіе его отличительныхъ формъ разсматриваются далѣе, при сравнительномъ обозрѣніи единородныхъ Славянскихъ и сроднихъ Индо-Европейскихъ языковъ.

Объясненія и дополненія.

Число Единственное.

Имена мужескаго рода.

Очевидно, что окончаніе падежей именъ мужескаго рода безъ различія—одно, и измѣняется только смягченіемъ чрезъ тайное присутствіе *и* въ окончаніяхъ: *ь*, *й*, и въ соотвѣтственныхъ окончаніяхъ другихъ падежей.

Намъ слѣдуетъ дать нѣкоторыя объясненія на падежи. Представляя склоненіе Русскаго языка въ возможной полнотѣ, мы должны по необходимости обращаться къ языку Церковно-Славянскому, какъ къ ровеснику нашего языка по древности и, въ силу того, какъ къ ближайшему намъ языку.

Прежде всего надобно замѣтить, что измѣненіе окончаній въ первомъ склоненіи не есть *переходъ* окончательной буквы въ другую или даже *замѣна* ея другою, а *прибавленіе* окончательныхъ буквъ падежей, къ окончаніямъ Именительнаго падежа, къ буквамъ: *ъ*, *ь*, *й*, которыя по существу своему, содержа въ себѣ отвлеченно оба элемента, *сливаются* съ окончательными буквами падежей; напримѣръ: *человѣкъ*, *человѣкъ-а*, *человѣка*.

Примѣчаніе. Мы говоримъ про *организацію* падежа; *сложности* здѣсь не только съ предлогами,—но и никакой нѣтъ. Окончательныя буквы падежей являются не съ опредѣленнымъ значеніемъ, но съ тѣмъ только значеніемъ, которое лежитъ въ нихъ отвлеченно, идеально, въ общей ихъ характеристикѣ. Онѣ вызываются, сочувственно именемъ, къ его окончанію, когда имя становится въ тотъ или другой падежъ,—и только. Здѣсь зиждется и образуется грамматическое измѣненіе съ помощію сочетанія *буквъ*, какъ *буквъ*,—не болѣе, не имѣющихъ иного опредѣленнаго значенія.

1. *Винительный падежъ* въ Именахъ мужескаго рода не существуетъ. Имена мужескаго рода носятъ на себѣ ярко характеръ духа сознающаго, характеръ личный. Вслѣдствіе этого преобладанія субъективнаго духа, они не могутъ имѣть, и не имѣютъ, собственно Винительнаго, объективнаго падежа, выражающаго не сознающій, а сознанный предметъ. И такъ, отношеніе Винительнаго падежа, отношеніе общее для всѣхъ именъ, должно было выразиться особеннымъ образомъ при Именахъ мужескаго рода. Здѣсь является уже умозаключеніе въ языкѣ, вслѣдствіе котораго съ незапамятныхъ временъ, разумно устанавливается употребленіе. Вмѣсто Винительнаго падежа, употребляется въ Именахъ мужескаго рода падежъ родительный.—Родительный падежъ даетъ предмету отвлеченный характеръ, и только ставши отвлеченнымъ, предметъ мужескаго рода можетъ быть употребленъ въ объективномъ отношеніи. Тутъ сознаніе падаетъ, какъ бы не прямо на самый предметъ, ибо онъ уже получилъ общій характеръ,—а какъ бы на часть этого предмета, понимаемаго вообще, напримѣръ, я видѣлъ *человѣка*. Въ это отвлеченное отношеніе могутъ стано-

виться и имена женскаго рода, имѣющія опредѣленный Винительный падежъ; въ нихъ видиѣе и понятнѣе значеніе Родительнаго на мѣстѣ Винительнаго, такъ какъ въ нихъ существуютъ обѣ формы. Напримѣръ: *дай воду, дай воды. Я смотрѣлъ невѣсту, я смотрѣлъ себѣ невѣсты.* Эта тонкость соблюдалась строго въ нашемъ древнемъ языкѣ, напримѣръ: *сей грамоты слушалъ, и выслушавъ сю грамоту...* (*) Но имена мужескаго рода, въ отличіе отъ именъ женскаго рода, постоянно находятся въ этомъ отвлеченномъ положеніи—какъ скоро они становятся въ предметное отношеніе, объективируются,—и слѣдовательно постоянно являются тогда въ Родительномъ падежѣ. Какъ очевидное доказательство, что здѣсь уже умозаключеніе въ языкѣ устроиваетъ такое употребленіе, служитъ то, что все сказанное нами объ именахъ мужескаго рода, относится къ предметамъ одушевленнымъ. Предметы же неодушевленные, въ именахъ мужескаго рода, относятся въ этомъ случаѣ къ разряду именъ средняго рода, и, также какъ въ тѣхъ, Именительный ихъ не рàзнится отъ Винительнаго. Напримѣръ: *стулъ стоитъ*; *я взялъ стулъ*. Здѣсь разница Именительнаго и Винительнаго, есть ни что иное, какъ чисто внѣшнее, наружное отношеніе предметовъ неодушевленныхъ,—безъ внутренней причины. И такъ при употребленіи, въ Винительномъ падежѣ, падежей Родительнаго и Именительнаго—внутреннее значеніе, смыслъ самихъ словъ, образуетъ разницу употребленія: и здѣсь является уже умозаключеніе. Если бы нѣкоторые хотѣли доказать, что окончаніе на *а (человѣка)* не есть Родительный падежъ, а особая, сходная съ нимъ, форма Винительнаго падежа, то такому мнѣнію противорѣчитъ именно то, что только имена одушевленныя имѣютъ эту форму, а неодушевленныя не измѣняются въ Винительномъ: иначе эта форма была бы общею для всѣхъ именъ мужескаго рода. Слѣдовательно здѣсь разумная, внутренняя причина, причина очевидная, производящая эту разницу. Само собою разумѣется, что предметъ неодушевленный можетъ быть понятъ неопредѣленно и отвлеченно, и тогда ставится въ Родительномъ падежѣ. Точно тоже относится къ именамъ средняго рода,—вообще уже по роду своему, выразившемуся въ словѣ особымъ оконча-

(*) Акты Археогр. т. 1., стр. 56. Такихъ примѣровъ много.

ніемъ,—принадлежащимъ къ разряду предметовъ природы, неодушевленныхъ. Разница употребленія становится тогда и здѣсь также замѣтна, какъ въ именахъ женскаго рода, напримѣръ: *дай огонь, дай огня; дай пиво, дай пива.*

Надобно прибавить, что въ древнихъ памятникахъ Церковно-Славянскаго и нашего языка встрѣчается, и въ именахъ одушевленныхъ мужескаго рода, Именительный падежъ въ Винительномъ, хотя тутъ же рядомъ, и даже въ томъ же словѣ, встрѣчается въ тѣхъ же древнихъ памятникахъ и другое употребленіе, то есть: Родительный въ Винительномъ. Изъ такого употребленія видно также отсутствіе Винительнаго въ именахъ мужескаго рода; но, первоначально, и въ одушевленныхъ именахъ мужескаго рода употреблялся Именительный за отсутствіемъ Винительнаго падежа, хотя только въ иныхъ случаяхъ, при чемъ ясно слышится вся трудность и неловкость для именъ мужескихъ быть въ положеніи падежа Винительнаго. Впрочемъ такое употребленіе не часто встрѣчается и не долго держится; оно служитъ вѣрнымъ признакомъ древности слога. Употребленіе Именительнаго въ Винительномъ въ именахъ мужескаго рода одушевленныхъ, видимъ мы въ Остромировомъ Евангеліи, видимъ и въ другихъ позднѣйшихъ памятникахъ языка. Первоначально это и должно было быть такъ.— Имена мужескаго рода, въ которыхъ преобладаетъ сторона субъективная, не имѣютъ падежа Винительнаго, а имена средняго рода, въ которыхъ преобладаетъ сторона объективная, не имѣютъ собственно Именительнаго. Отсюда, хотя изъ противоположныхъ причинъ, вытекаетъ первоначальное тождество этихъ падежей въ именахъ мужескаго и средняго родовъ, тождество, сохранившееся въ именахъ средняго рода, но не сохранившееся въ именахъ рода мужескаго. Это понятно: субъективное значеніе именъ мужескаго рода не укладывалось въ отношеніе Винительнаго. Какимъ-то противорѣчіемъ звучало выраженіе: *посла мужъ свой.* Вслѣдствіе этого неудобства, этой несообразности, въ языкѣ произошло, такъ сказать умозаключеніе, на основаніи котораго Родительный падежъ,— возможный и для всѣхъ именъ въ Винительномъ падежѣ, при извѣстныхъ условіяхъ,— сталъ наконецъ постоянно на мѣсто Винительнаго въ именахъ мужескаго рода. Но такъ какъ это было дѣломъ умозаключенія, то умозаключеніе это различило

имена одушевленныя отъ неодушевленныхъ и отнесло вторыя къ категоріи именъ средняго рода. Это обстоятельство нисколько не противорѣчитъ сказанному нами выше. Мы сказали выше, что Грамматика строится не только на значеніи словъ, но непремѣнно на выраженіи этого значенія въ формѣ слова, такъ что только то, что выразилось въ словѣ, занимаетъ свое мѣсто въ Грамматикѣ, и что языкъ выражаетъ мысль *своимъ* образомъ, самъ своею формою придаетъ словамъ извѣстное общее значеніе; всѣ слова мужескаго рода, напримѣръ, имѣютъ въ языкѣ особый характеръ мужеской, личный, сознающій, который опять таки выражается въ области самаго языка извѣстными формами и измѣненіями слова. При употребленіи Винительнаго, въ склоненіи именъ мужескаго рода, видимъ мы другое, видимъ различеніе словъ по значенію ихъ, не высказавшемуся въ словѣ. Но здѣсь случай особенный, исключительный: здѣсь является умозаключеніе, разрѣшающее затрудненіе употребленія и замѣчающее и берущее въ соображеніе уже самое значеніе словъ, умозаключеніе, которое опять таки выражается наружно, *въ словѣ*, въ употребленіи падежей. Затрудненіе требуетъ разрѣшенія, и языкъ разрѣшаетъ затрудненіе *своими* средствами: рѣчью.—И такъ, общее сказанное основаніе Грамматики остается во всей силѣ и неколебимо. Кромѣ того Именительный падежъ, какъ то надѣемся когда нибудь изложить въ историческомъ очеркѣ склоненія, имѣлъ обширнѣйшее значеніе.

Намъ возразятъ можетъ быть на наше объясненіе отсутствія Винительнаго падежа въ именахъ мужескаго рода, одушевленныхъ,— тѣмъ, что сознающій духъ можетъ сознать самого себя; но это уже внутреннее дѣло самаго духа, при дальнѣйшемъ его ходѣ, не имѣющее и не могущее имѣть мѣсто въ области Грамматики объективной. Это высказывается смысломъ словъ и цѣлою рѣчью въ области синтаксиса; а здѣсь, въ области формъ слова, въ Имени, выражается одна только, но однако существенная, сторона,— въ настоящемъ случаѣ, въ Имени мужескаго рода одушевленномъ, сторона презобилующаго сознанія: характеристическая принадлежность мужескаго рода. Дальнѣйшее принадлежитъ Синтаксису, гдѣ объясняются болѣе падежи при употребленіи ихъ. Здѣсь мы удерживаемся предѣлами Грамматики объективной.

2. *Падежъ Родительный.*—Мы сказали прежде о падежѣ Винительномъ, потому что онъ, по настоящему, не существуетъ въ первомъ склоненіи, а замѣняется Родительнымъ и Именительнымъ: мы тутъ собственно только оговорились; теперь же обращаемся къ самому Родительному падежу.—Падежъ Родительный оканчивается на *а* (*я*). Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, кромѣ этихъ окончаній, есть еще окончанія на *и* и *е*, послѣ *ь*; *е* употребляется въ сочетаніи съ буквою *н*: *не*. Первое окончаніе, на *и*, встрѣчается у насъ въ иныхъ словахъ, напримѣръ, *путь*. Въ Остромировомъ Евангеліи окончаніе на *и*, встрѣчается въ двухъ словахъ: *путь* и *Господь*; впрочемъ встрѣчается въ Родительномъ также: *Господа*.—Въ нашемъ языкѣ, Родительный: *путя*, а также и Дательный: *путю*, почти не употребляются, а говорится въ обоихъ падежахъ: *пути*. Такое употребленіе кажется намъ смѣшаннымъ, ибо *путь*, какъ и другія слова, не носятъ на своемъ образованіи и пониманіи рѣшительнаго отпечатка мужескаго рода (говорятъ: *путь-дорога*, а иногда и просто въ женскомъ: *такая путь*). Народъ иногда перемѣняетъ родъ, а можетъ быть возобновляетъ прежній, тамъ, гдѣ это возможно; такъ говорятъ иногда: *конь добрая*.—Слова на *нь* не имѣютъ у насъ окончанія *не*, но за то часто употребляются съ окончаніемъ *и* въ Родительномъ, Дательномъ и Мѣстномъ падежахъ, при чемъ употребляются и окончанія на *я*, *ю*, и *ѣ* этихъ падежей. Напримѣръ: *день*; Родительный: *сего-дня*, *сего-дни*; Дательный; *сему дню*, *сему дни*; Мѣстный: *во днѣ*, *во дни*. Самая эта двойственность употребленія очевидно показываетъ, что окончанія на *и* въ этихъ падежахъ, взяты здѣсь изъ другаго склоненія, изъ склоненія именъ на *ь* женскаго рода, о чемъ смотри ниже. Основаніемъ къ тому лежитъ шаткость, нетвердая обозначенность рода, вслѣдствіе которой, слѣдуя въ тоже время требованіямъ благозвучія, берутся формы изъ другаго склоненія въ тѣхъ падежахъ, которые мало различаются между собою окончаніемъ, имѣютъ разницу въ одной буквѣ и допускаютъ, по этому, легкій переходъ изъ буквы въ букву. Гдѣ родъ самаго окончанія *ь*, твердо опредѣленъ, или гдѣ произношеніе также рѣшительно и свободно обозначается, тамъ употребленіе—не двойственное, но одно какое нибудь. Такъ *звѣрь* всегда склоняется по склоненію мужескаго рода. Также: *камень*, *камня*, *камню*, *камнѣ*; но зато: *пламень*, иначе произносящійся,

въ косвенныхъ падежахъ именно удерживающій промежуточное *е*, и возможный можетъ быть и въ женскомъ родѣ,— употребляется: *пламени*, и т. д. Такія имена мужескаго рода, допускающія въ своемъ склоненіи означенныя женскія окончанія, называемъ мы именами *склоненія смѣшеннаго*. Мы коснулись, говоря о нихъ, и другихъ падежей, кромѣ Родительнаго: но для того, чтобы не разбивать цѣлости объясненія.

Иногда въ родительномъ падежѣ вмѣсто *а*, *я*, употребляется: у насъ *у*, *ю*: *съ берегу*, *съ бою*. Но это уже не Родительный падежъ. Здѣсь видимъ употребленіе падежа Дательнаго. Это употребленіе имѣетъ особое значеніе, которое опредѣлить надѣемся въ своемъ мѣстѣ.

3. *Дательный падежъ* въ Церковно-Славянскомъ языкѣ оканчивается на *у*, *и*: *пути*, *дни* (въ Русскомъ, кромѣ *у*, также возможно окончаніе *и*: *дни*, и т. п.—См. выше о Род.); кромѣ того, на *ови*, *еви*. Надобно замѣтить однако, что иногда употребляются оба окончанія при одномъ словѣ: *сыну*, *сынови*. Это очевидно уже намекаетъ на двойное склоненіе, что подтвердится еще болѣе при другихъ падежахъ (см. ниже.) Окончаніе на *ови*, было и у насъ, а именно: *домови*, *долови*, изъ которыхъ, черезъ *домовь*, *доловь*, образовалось: *долой*, *домой*. Но здѣсь, у насъ, при этой формѣ Дательнаго: *ови*, *еви*, предполагаемъ мы уже особую производную форму имени съ суффиксомъ: *въ*, въ Именительномъ; напримѣръ: *домовь*, *доловь* (см. ниже). Такъ что окончаніе Дательнаго остается просто: *и*, принадлежа здѣсь такимъ образомъ къ склоненію смѣшенному.

4. *Творительный падежъ* не представляетъ ничего особеннаго въ употребленіи и не разнится отъ Церковно-Славянскаго языка.

5. *Мѣстный падежъ* въ языкѣ Церковно-Славянскомъ имѣетъ два окончанія: *ѣ* и *и*; *и* становится вездѣ, гдѣ находится, или, вслѣдствіе законовъ благозвучія и переходовъ буквъ, предполагается *ь*, а не *ъ*. Напримѣръ, *мужѣ*; Мѣстный: *мужи*.—У насъ это окончаніе Мѣстнаго: *и*, встрѣчается въ словѣ: *путь*, иногда въ словѣ: *день*, *пламень*, и др., и принадлежитъ тогда къ склоненію смѣшенному. Объ этомъ мы уже говорили выше. Кромѣ означенныхъ окончаній, есть еще окончаніе на *у* и *ю* въ Церковно-Славянскомъ языкѣ и у насъ. Но это уже не есть Мѣстный падежъ,

а Дательный, употребленный въ значеніи Мѣстнаго. Объ этомъ надѣемся сказать въ своемъ мѣстѣ.

6. *Звательный падежъ* у насъ теперь не существуетъ; но онъ былъ у насъ, и доселѣ слышенъ въ словѣ: *Боже*. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ оканчивается Звательный на *е* и *у*, *ю*, даже на *и* (по примѣру именъ женскаго рода), въ словѣ: *Господи*! — употребляющемся такъ и у насъ. Звательный на *и* въ именахъ мужескаго рода принадлежитъ также къ склоненію смѣшенному. Въ Малороссіи Звательный употребителенъ доселѣ, преимущественно на *у*: *сынку*, *братику*. Также сохранился онъ въ нарѣчіи Бѣлорусскомъ и въ другихъ Славянскихъ языкахъ, напримѣръ, въ Польскомъ, Сербскомъ, и пр. (смотри дальше сравненіе языка Русскаго съ другими Славянскими).

И въ Родительномъ и въ Мѣстномъ падежахъ Именъ мужескаго рода, встрѣчается, кромѣ извѣстныхъ формъ, окончаніе на *у*, ю: что собственно одно и тоже (*у*). Принадлежитъ-ли это окончаніе самимъ падежамъ этимъ, или объясняется иначе.

Прежде всего надобно замѣтить, что окончаніе на *у*, *ю*, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ падежѣ, придаетъ употребленію особое значеніе. Въ падежѣ Родительномъ, оканчивающемся на *а*, предметъ является отвлеченнымъ, но въ своемъ самостоятельномъ видѣ. Окончаніе же на *у*, въ смыслѣ Родительнаго, придаетъ, напротивъ, предмету видъ какого-то дополненія; самостоятельность предмета исчезаетъ, такъ что иногда выраженіе получаетъ, какъ бы характеръ нарѣчія; иногда же предметъ получаетъ иносказательный смыслъ, ибо не въ своемъ самостоятельномъ видѣ уже онъ берется. — Такъ напримѣръ: *стаканъ кваса*; мы сейчасъ понимаемъ, что это мѣра, приложенная къ квасу, какъ къ неопредѣленному цѣлому. *Стаканъ квасу* значитъ: стаканъ, наполненный квасомъ; квасъ тутъ является подчиненно, въ томъ размѣрѣ и видѣ, какой даетъ ему стаканъ,—и понятіе неопредѣленнаго, но самостоятельнаго цѣлаго исчезаетъ; тутъ квасъ приложенъ къ мѣрѣ. Здѣсь выраженію: *стаканъ квасу*, приблизительно соотвѣтствуетъ выраженіе: *стаканъ съ квасомъ*. Но вотъ еще примѣръ, который доставляетъ намъ собственная уже особенность Русской рѣчи. Если, напримѣръ, у человѣка разболится носъ, и онъ отъ этого никуда не выѣзжаетъ, то про него можно сказать: «онъ нигдѣ не смѣетъ *носу* показать, по-

тому что онъ не смѣетъ *носа* показать». Здѣсь въ одной фразѣ, уже достаточно ощутительно выказывается разница употребленія въ Родительномъ: *а* и *у*.—Точно тоже можно сказать о значеніи *у* въ падежѣ Мѣстномъ. При окончаніи на *ъ*, предметъ удерживается въ своемъ самостоятельномъ видѣ, а при *у*, онъ является дополненіемъ, и такъ какъ Мѣстный падежъ употребляется съ предлогами, то возраженіе переходитъ здѣсь ощутительно въ нарѣчіе. Напримѣръ, *на холмѣ*: здѣсь видится *холмъ*, здѣсь онъ рисуется самъ по себѣ передъ воображеніемъ; *на холму*: здѣсь *холмъ*—дополненіе, а главный смыслъ то, что: *на возвышеніи*. Выраженіе: *на верху*, уже имѣетъ ясно смыслъ нарѣчія. У, такимъ образомъ, придаетъ особый оттѣнокъ; употребляется же чаще тогда и при тѣхъ словахъ, которыя даютъ возможность образоваться смыслу нарѣчія. Для большей ясности приведемъ еще примѣры: «Въ *домѣ* надо сдѣлать разныя передѣлки». «Хорошо въ *дому* у тебя». Въ первомъ случаѣ рисуется домъ, строеніе. Во второмъ это значитъ или внутреннюю жизнь дома,—значеніе иносказательное,—или просто: *внутри* (внутри дома). Еще: «Въ *домѣ* тепло», то есть: въ извѣстномъ, опредѣленномъ какомъ нибудь домѣ. «Въ *дому* всегда теплѣе, чѣмъ на дворѣ»; то есть: въ дому, говоря вообще,—внутри дома; здѣсь употребленіе въ духѣ нарѣчія (*).—Къ этому надобно прибавить въ подкрѣпленіе нашей мысли, что *у*, напримѣръ: *дому*, въ смыслѣ Мѣстнаго падежа никогда не употребляется безъ предлога, ибо не имѣетъ самостоятельнаго значенія, а всегда подчиненное, и въ соединеніи съ предлогомъ принимаетъ смыслъ нарѣчія.

Какъ важное указаніе и подтвержденіе для нашего объясненія окончанія *у* въ Родительномъ и Мѣстномъ,—служитъ то, что эти окончанія, встрѣчаясь лишь въ именахъ мужескаго рода, встрѣчаются только въ Именахъ неодушевленныхъ. Это понятно: имена одушевленныя не могутъ стать по значенію своему въ подчиненное, зависимое отношеніе и такимъ образомъ принять видъ

(*) Вообще надобно сказать, что здѣсь нѣтъ внѣшняго принудительнаго *правила*; но руководителемъ здѣсь—*употребленіе*, свободное и живое, основанное на смыслѣ, нами объясненномъ, и слѣдовательно зависящее отъ того, какой оттѣнокъ желаетъ выразить тотъ, кто говоритъ.

нарѣчія. Можно сказать: *изъ дома*, *изъ дому*, но нельзя сказать: *отъ брату*, *отъ человѣку*, *въ брату*, *въ человѣку*, и т. д. Это подтверждаетъ смыслъ *у*, въ Родительномъ и Мѣстномъ, нами объясненный.

Для большей ясности, мы укажемъ здѣсь на перестановку удареній въ словахъ, употребляемыхъ съ предлогами, обозначающую видѣе тоже самое. *На го́ру* значитъ: на извѣстную какую нибудь гору; *на́ гору* значитъ просто: *вверхъ*, или: *вверхъ на́ гору*,—говоря вообще, обозначая видъ стремленія. Характеръ нарѣчія въ послѣднемъ случаѣ очевиденъ. Примѣръ, приведенный нами, передается и на Нѣмецкомъ языкѣ: *auf den Berg* и *Bergauf*. Но въ Нѣмецкомъ это различіе уже кристазовалось, и потому свободнаго употребленія нѣтъ. Оно, кажется, существуетъ только съ двумя предлогами: *auf* и *ab* (*); второй вовсе не употребляется отдѣльно при Именахъ (*Bergab*; но нельзя: *ab den Berg*), и оба употребляются только съ извѣстными словами. Тогда какъ у насъ почти каждый предлогъ, имѣющій гласную букву, и при каждомъ словѣ, можетъ, болѣе или менѣе вольно, употребляться съ этими оттѣнками: *Подъ бе́регъ*—*по́дъ-берегъ*; *за бе́регъ*—*за́-берегъ*, и т. д.

При нѣкоторыхъ только словахъ, употребленіе *у*, въ сказанныхъ падежахъ, утвердилось преимущественно, но нисколько не кристализовалось, и самостоятельныя формы на *а* и *ъ* всегда возможны. Еще менѣе видимъ такой осадки употребленія, если можно такъ выразиться, при перестановкѣ удареній въ словахъ съ предлогами (*на́ гору*, *на го́ру*). Языкъ нашъ еще живо хранитъ и пользуется всѣми этими оттѣнками, хотя небрежность наша и невнимательность употребленія, въ иныхъ случахъ, ихъ теряетъ. Но что сказать о мнѣніи, которое не только не видитъ богатства этого различія, но еще требуетъ замѣнить вездѣ окончанія: *а* и *я*, окончаніями: *у* и *ю*?—Мнѣніе это очевидно смѣшно, да и принадлежитъ не Русскому.

Теперь надобно рѣшить, что же такое это окончаніе: *у* и *ю*. Есть ли это особая форма Родительнаго и Мѣстнаго падежей, или что другое?

(*) Мы не говоримъ о сложныхъ съ мѣстоименными корнями и темами: *damit*, *heraus*, и пр.

Мы сомнѣваемся, чтобы это было особое окончаніе этихъ падежей. Во первыхъ, странно, что оно одинаково въ обоихъ падежахъ. Во вторыхъ: вмѣстѣ съ этимъ и значеніе, соединенное съ *у*, одно и тоже или почти тождественно, при томъ и другомъ падежѣ. Особеннаго же падежа это окончаніе очевидно не составляетъ.— Между тѣмъ, изъ падежей, на *у* и *ю* оканчивается у насъ Дательный падежъ. Все это вмѣстѣ невольно наводитъ насъ на мысль: не есть ли это Дательный падежъ, употребляемый въ особыхъ случаяхъ падежей Родительнаго и Мѣстнаго, подобно какъ Родительный употребляется въ особомъ случаѣ Винительнаго падежа (*смотрѣлъ невѣсты*, и пр.)?—Этотъ Дательный падежъ употребляется, разумѣется, тогда, когда отношеніе сказанныхъ падежей получаетъ особый оттѣнокъ,—а значеніе Дательнаго падежа, употребленнаго на мѣстѣ Родительнаго и Мѣстнаго, даетъ возможность выразить этотъ оттѣнокъ. Дательный падежъ, какъ сказали мы, имѣетъ значеніе *участвующаго присутствія*. И такъ въ Дательномъ, предметъ не есть цѣль, не становится въ прямое или опредѣленное какое нибудь отношеніе (хотя бы и отвлеченное, какъ въ Родительномъ), но соприкасается только, стороною, съ предметомъ или дѣйствіемъ, становится, однимъ словомъ, въ отношеніе косвенное. Если примемъ наше предположеніе, въ такомъ случаѣ изъ духа Дательнаго падежа объясняется тотъ неопредѣленный, подчиненный образъ, служащій только для опредѣленія другаго предмета, образъ, который принимаетъ предметъ, при окончаніи на *у*, въ падежахъ Родительномъ и Мѣстномъ, въ показанныхъ случаяхъ. Предположить здѣсь падежъ Дательный, кажется намъ дико, въ настоящее время; но это потому, что мы далеко ушли отъ того времени, когда образовывались и употреблялись въ новѣ падежи. Мы потеряли первоначальную свѣжесть употребленія; намъ странно теперь отдѣлить, напримѣръ, *ся* отъ возвратнаго глагола и сказать: *ся стремлю*; намъ дико выраженіе: *молютися*; но сомнѣваться въ первоначальномъ значеніи *ся* при возвратныхъ глаголахъ, мы не можемъ. Тоже, думаемъ мы, и здѣсь.— Грамматикъ, силою мысли и изслѣдованій, долженъ вознаградить недостатокъ позднѣйшаго, настоящаго времени, вникнуть въ смыслъ самаго Слова и живыхъ измѣненій и возвратить, въ наукѣ, употребленію его свѣжесть.

Общее значеніе Дательнаго падежа даетъ намъ право предположить, что здѣсь является онъ. Но тутъ мы предвидимъ возраженія, на которыя постараемся отвѣчать заранѣе.—Кромѣ указанія вообще на самую странность предположенія здѣсь Дательнаго падежа, намъ скажутъ, что окончаніе на *у* употребляется съ предлогами, которые не требуютъ падежа Дательнаго. Но кто сказалъ, что эти предлоги его не требуютъ, или не могутъ согласоваться съ нимъ, въ извѣстномъ, именно въ этомъ, случаѣ? Гдѣ на это удовлетворительный отвѣтъ. Основываться на томъ только, что *теперь* такое употребленіе для насъ неловко и дико,— еще очень недостаточно. Сверхъ того, въ оправданіе нашихъ словъ и въ опроверженіе такого возраженія: указываемъ мы сперва на то, что у насъ (какъ и въ другихъ языкахъ) одинъ и тотъ же предлогъ можетъ требовать нѣсколько падежей, напримѣръ: *съ* требуетъ Родительнаго, Винительнаго и Творительнаго; потомъ указываемъ на языкъ Греческой, гдѣ тонкость разнообразнаго употребленія нѣсколькихъ падежей съ однимъ предлогомъ, въ особенности ощутительна. Думаемъ, что все это достаточно опровергаетъ затрудненіе къ признанію, въ настоящемъ случаѣ, Дательнаго падежа, который, и формою своею и значеніемъ, совершенно объясняетъ: *у*, *ю*, Родительнаго и Мѣстнаго падежей. Намъ могутъ сказать также, что окончаніе Дательнаго, встрѣчается только въ именахъ мужескаго рода, но что Дательный не занимаетъ мѣста ни Родительнаго, ни Мѣстнаго въ именахъ женскаго и средняго родовъ (нельзя сказать: *изъ полянѣ*, *изъ морю*); а во множественномъ числѣ не встрѣчается даже и въ именахъ мужескаго рода. Положимъ такъ, но за то во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ, у именъ женскаго и средняго рода, и особеннаго окончанія, равнаго *у*, обозначающаго объясненный нами выше оттѣнокъ. Вотъ если бы, въ именахъ женскаго и средняго рода, при падежахъ Родительномъ и Мѣстномъ, было окончаніе не Дательнаго падежа, а особое, и выражало бы такой оттѣнокъ, какой видѣли мы въ именахъ мужескаго рода при *у*, тогда конечно это было бы возраженіе; но здѣсь, нѣтъ формы Дательнаго падежа,—нѣтъ и никакого другаго особаго окончанія: нѣтъ и оттѣнка въ значеніи. Теперь надо отвѣчать на вопросъ, очень естественно возникающій: почему же Дательный падежъ, при именахъ женскаго и средняго родовъ и во множествен-

номъ числѣ всѣхъ трехъ родовъ, а также при прилагательныхъ,— не становится на мѣсто Родительнаго и Мѣстнаго? Прежде всего скажемъ, что имена мужескаго рода, имена стремящагося, дѣйствующаго духа, неопредѣленныя, отвлеченныя сами по себѣ, — отъ того наиболѣе и доступны разнообразнымъ опредѣленіямъ, допускаютъ разнообразныя окончанія, пріобрѣтая въ нихъ разнообразную дѣйствительность для своего общаго отвлеченнаго характера (что надѣемся еще яснѣе увидать ниже). Имена же женскія твердо, равновѣсно и дѣйствительно опредѣлены; слѣдовательно та возможность и даже то исканіе новой различной опредѣляемости, при нихъ мѣста не имѣютъ. Имена среднія, имена природы неодушевленной, естественной, не имѣютъ конечно, само собою разумѣется, въ себѣ отвлеченнаго духа и стремленія опредѣлиться; если въ нихъ есть неопредѣленность, то неопредѣленность вещества, спокойная, неподвижная. Далѣе, это объясняется тѣмъ, что имена мужескаго рода, имѣющія неоспоримо характеръ личный, субъективный,—тогда какъ среднія имѣютъ въ себѣ преобладаніе объекта, а женскія—равновѣсіе и личности и объекта,— нуждались, по этой самой своей характеристикѣ, въ особомъ оттѣнкѣ, при падежахъ Родительномъ и Мѣстномъ, и допустили, на мѣсто этихъ падежей, еще падежъ Дательный, для того, чтобы такъ сказать, придать болѣе подчиненности предмету, которая такъ мало слышится въ этихъ именахъ,—придать болѣе подчиненности именно тамъ, гдѣ она возможна и прилична, именно въ именахъ мужескаго рода неодушевленныхъ.—Въ падежѣ Родительномъ, при окончаніи Дательнаго на *у*, предметъ, теряя съ одной стороны самостоятельность, хотя отвлеченную,— съ другой стороны пріобрѣтаетъ оттѣнокъ подчиненности, дополненія, но въ тоже время и дѣйствительности. Въ падежѣ Мѣстномъ, также, теряя съ одной стороны харатеръ самостоятельности, предметъ получаетъ оттѣнокъ подчиненности, дополненія. Дательный, выражая все это на мѣстѣ падежей Родительнаго и Мѣстнаго, является какъ оттѣнокъ, и забываясь съ теченіемъ времени, какъ Дательный, получаетъ *только* значеніе оттѣнка, какъ особое окончаніе при означенныхъ падежахъ. Но въ иныхъ случаяхъ Дательный для насъ и теперь ясенъ; это тоже должно служить доказательствомъ въ нашу пользу; напр: *начальникъ войску*. Въ древ-

нихъ памятникахъ письменности встрѣчается употребленіе: *на брезѣ синему морю*, подъ *сѣнію зелену древу*; употребленіе это уже намъ затруднительно, а между тѣмъ ясно. Такое употребленіе Дательнаго признаемъ мы очень важнымъ, какъ поясненіе; хотя отдѣляемъ оное отъ употребленія Дательнаго, выше опредѣленнаго. Дательный здѣсь является не только какъ оттѣнокъ, но какъ Дательный,—и не въ смыслѣ дополненія, какъ при именахъ мужескаго рода:а потому можетъ употребляться и съ именами средняго и женскаго родовъ, и во множественномъ числѣ, и съ прилагательными ;напримѣръ: *начальникъ Москвѣ*, *войскамъ*, и пр. Но получая тотъ дополнительный смыслъ, на который мы указали, становясь оттѣнкомъ и достигая почти до нарѣчія въ званіи Родительнаго и Мѣстнаго, Дательный, по вышеизложенному объясненію, можетъ употребляться лишь съ именами мужескаго рода неодушевленными.— Въ доказательство того, что въ именахъ женскаго рода, встрѣчается Дательный падежъ въ Родительномъ (въ Мѣстномъ онъ одинаковъ, и поэтому различія не видно), приведутъ можетъ быть пословицу: *у голодной кумѣ, все хлѣбъ на умѣ*; также встрѣчающееся иногда въ рѣчи употребленіе, *отъ Акулинѣ*, *у сестрѣ*, и т. п. Но пословица употребляется и такъ: *голодной кумѣ все хлѣбъ на умѣ*. Употребленіе, совершенно понятное, гораздо болѣе живое, и въ духѣ Русскаго языка, которое и слѣдуетъ предпочесть, какъ истинное; что же касается до другихъ приведенныхъ словъ, то мы думаемъ, что это дѣло просто выговора, что здѣсь вѣроятно окончательная буква *ы*, при смягченіи въ выговорѣ, перешла, черезъ *и*, или прямо,—въ *ѣ*. (*)—Дательный падежъ не встрѣчается во множественномъ, не встрѣчается въ прилагательныхъ— это понятно. Множественное, по самому значенію множества, поглощаетъ личное отдѣльное значеніе предмета, слѣдовательно не нуждается въ томъ оттѣнкѣ, который вносится Дательнымъ падежемъ, на мѣстѣ Родительнаго и Мѣстнаго, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ (**). Прилагательное также, уже по своему

(*) Въ этомъ случаѣ мы отчасти опровергаемъ собственное наше мнѣніе, высказанное нѣкогда въ статьѣ о правописаніи.

(**) Мы разумѣемъ здѣсь употребленіе Дательнаго, какъ извѣстнаго, выше опредѣленнаго нами оттѣнка; оттѣнокъ есть только малѣйшее, чуть

значенію качества, не имѣетъ личнаго самостоятельнаго значенія, и потому понятно, что Дательный падежъ, какъ оттѣнокъ для Родительнаго и Мѣстнаго падежей, — въ немъ отсутствуетъ. Впрочемъ мы не можемъ не замѣтить здѣсь той постепенности значенія Дательнаго, которая условливаетъ его употребленіе. Когда Дательный сохраняетъ самъ весь смыслъ падежа, онъ употребляется во всѣхъ случаяхъ: мы можемъ сказать напримѣръ: *начальникъ этимъ храбрымъ войскамъ*; но такое употребленіе имѣетъ теперь весьма ограниченный кругъ. По мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени, значеніе падежа въ Дательномъ слабѣетъ, ограничивается и употребленіе; мы встрѣчаемъ еще въ древности напримѣръ: *сѣнь зелену древу*, *брегъ синему морю*, чего теперь сказать не можемъ, покрайней мѣрѣ не говоримъ. Но множественное и тогда едва ли уже было возможно въ тѣхъ же рѣченіяхъ (*сѣнь зеленымъ древомъ*, *брегъ синимъ моремъ*). Далѣе употребленіе должно было еще болѣе ограничиться, и наконецъ Дательный употребляется только при особомъ значеніи, при иныхъ именахъ, напримѣръ: *всему голова*, и т. п.—Но значеніе Дательнаго, только какъ оттѣнка (на мѣстѣ падежей, Родительнаго и Мѣстнаго), есть значеніе особое, и смѣшиваться съ этимъ Дательнаго не должно.—Эта же постепенность показываетъ только ограниченіе употребленія Дательнаго, какъ *падежа* съ особымъ значеніемъ; при чемъ разумѣется виднѣе выступаетъ Дательный падежъ, какъ только *оттѣнокъ* (въ Родительномъ и Мѣстномъ), и труднѣе понять въ этомъ оттѣнкѣ Дательный падежъ, ибо при ограниченіи его употребленія, теряется связь, соединяющая Дательный какъ падежъ, съ Дательнымъ какъ оттѣнокъ; теряется уразумѣніе Дательнаго падежа въ оттѣнкѣ, ибо самъ разумъ Дательнаго падежа становится тѣснѣе въ своемъ объемѣ и сжимается кругъ его употребленія. Эту постепенность ограниченія въ употребленіи

видное употребленіе падежа. Становясь оттѣнкомъ, Дательный исчезаетъ какъ падежъ. — Но Дательный, само собой разумѣется, имѣетъ свое самостоятельное, открытое значеніе падежа, значеніе разнообразящееся въ приложеніяхъ, — и въ такомъ случаѣ употребляется и съ именами въ множественномъ числѣ; напримѣръ: *начальникъ войскамъ*. — Объ этомъ отчасти уже было сказано.

видимъ мы только при Дательномъ (какъ падежѣ), на мѣстѣ Родительнаго падежа *(начальникъ войску)*, и то безъ предлога. При падежѣ Мѣстномъ, и вообще съ предлогами, примѣровъ ея— мы не находимъ, ибо здѣсь Дательный сейчасъ же является въ дополнительномъ смыслѣ, только какъ оттѣнокъ: слѣдовательно, только при именахъ мужескаго рода. Въ заключеніе мы должны сказать, что вообще Дательный падежъ играетъ большую роль въ нашемъ языкѣ, но объ этомъ подробнѣе надѣемся сказать въ Синтаксисѣ.

И такъ мы считаемъ, что окончаніе на *у (ю)*, встрѣчающееся въ падежахъ Родительномъ и Мѣстномъ, есть падежъ Дательный, употребляемый на мѣстѣ этихъ падежей, въ извѣстныхъ случаяхъ, и съ извѣстнымъ значеніемъ, получающимъ смыслъ дополненія и характеръ оттѣнка.

Имена женскаго рода на А *и* Я.

Склоненіе женскихъ именъ такъ просто, полно и правильно, что почти не представляетъ никакихъ разностей, требующихъ объясненія. Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ это не такъ: но и тамъ различіе происходитъ чисто отъ звуковыхъ причинъ, отъ участія носовой буквы ѧ, вовсе не существующей въ нашемъ языкѣ, не терпящемъ гнушенія. Мы уже сказали, почему въ именахъ мужескаго рода являются различія; оканчиваясь, согласно съ значеніемъ своимъ, на ъ, отвлеченную букву, слѣдовательно постоянно допускающую опредѣляемость, ищущую, такъ сказать, осуществленія въ окончаніи,—имена мужескаго рода, не имѣя такимъ образомъ въ своемъ независимомъ первомъ видѣ, въ Именительномъ падежѣ, положительнаго окончанія,—допускаютъ разныя опредѣленія окончанія въ другихъ (т. н. *косвенныхъ*) падежахъ. Имена женскаго рода, напротивъ, оканчиваясь на самую ясную, опредѣленную и полную букву *а*, измѣняются опредѣленно и постоянно; въ окончаніяхъ склоненія нѣтъ шаткости; онѣ тверды и неизмѣнны. Въ именахъ мужескаго рода, окончаніе ъ не измѣняется въ склоненіи, но къ нему придаются окончанія; ъ,—все же присутствующій, и все же буква, хотя и отвлеченная, — даетъ себя иног-

да слышать (собственно черезъ *в*), что́ въ особенности выражается во Множественномъ числѣ. Въ именахъ же женскаго рода измѣняется само окончаніе, которое къ тому есть еще самая ясная и опредѣленная буква.

Какъ происходитъ это измѣненіе? Есть ли это чистая замѣна окончательной буквы *а* буквами другихъ падежей, или же буквы окончательныя другихъ падежей, также придавались нѣкогда къ окончательной Именительнаго: *а*, какъ и въ Именительномъ мужескаго рода къ окончательной: ъ?—Если предполагать послѣднее, то должно думать, что окончанія эти впослѣдствіи поглотили окончаніе Именительнаго и образовали одно окончаніе. Окончательная гласная буква Именительнаго падежа: *а*, не могла уже здѣсь уцѣлѣть (какъ безгласный ъ Именительнаго падежа) и перешла въ общее окончаніе падежа. Это мнѣніе доказывается древними формами языковъ. Въ такомъ случаѣ мысль, что Именительный падежъ былъ первоначальный и самостоятельный, отъ котораго пошли другіе падежи—подтверждается здѣсь самымъ образованіемъ склоненія. (Подробнѣе объ образованіи формъ смотри сравнительное обозрѣніе склоненій).

И такъ первоначальное склоненіе было, можетъ быть, въ такомъ видѣ:

И. рук*а*
Р. рук*а-и* — рук*и*.
Д. рук*а-и* — рук*ѣ*
Т. рук*а-у* — рук*ою*
В. рук*а* — носовый звукъ: рукѫ и руку

Въ творительномъ падежѣ окончаніе *а* не слилось съ *у*, потому именно, что это буквы трудно сливающіяся, особенно тогда, когда *у*, какъ окончательная падежная буква, должна удерживаться; слиться въ: *руку*, значитъ замѣнить совершенно отличительную Именительную: *а*, окончательной Творительнаго: *у*; это было бы уже не слитіе, а замѣненіе; такое замѣненіе, явленіе очевидно позднѣйшее, встрѣчается въ Славянскихъ языкахъ. См. ниже.

Самая замѣчательная особенность именъ женскаго рода—это Винительный падежъ въ единственномъ числѣ; падежъ не существующій, ни въ именахъ мужескаго, ни въ именахъ средняго ро-

да, по причинамъ между собою противоположнымъ, объясненнымъ выше. Одни имена женскаго рода, представляющія полную гармонію внутренняго и внѣшняго, представляющія нравственное содержаніе, выразившееся и удовлетворившееся выраженіемъ, представляющія равновѣсіе идеи и формы—такое явленіе, въ которомъ субъективность утоляется, такъ сказать, не рвется за предѣлы, не стремится еще далѣе—одни эти имена, имѣя равномѣрно субъективную и объективную сторону, могутъ стать (при субъективномъ) въ объективное отношеніе, могутъ образовать Винительный падежъ. Русской языкъ, поняв глубоко значеніе, выражаемое родами именъ, языкъ, весь проникнутый разумомъ,—только за одними именами женскаго рода, согласно съ основаніемъ мысли, призналъ Винительный падежъ и образовалъ его только въ этихъ именахъ. Только имена женскаго рода, единственнаго числа, имѣютъ Винительный падежъ въ Русскомъ языкѣ. Въ единственномъ числѣ (вообще), скажемъ кстати, наиболѣе выражается значеніе и родъ предмета, не поглощаемаго множествомъ, хотя конечно не исчезаетъ это значеніе и во множественномъ. (О винительномъ числа множественнаго см. ниже).

Что касается до видоизмѣняемости склоненія именъ женскаго рода, то мы можемъ сказать только одно неважное замѣчаніе: въ падежѣ Мѣстномъ и иногда Дательномъ, имена, оканчивающіяся на *я*, имѣютъ, какъ и другія, обыкновенно: *ѣ*; но иногда скрытое *і* выступаетъ наружу и поглощаетъ *ѣ*, напримѣръ: *на землѣ—на земли*. Это дѣло скорѣе произношенія, да и то такое употребленіе встрѣчается не часто, и при немъ всегда возможно употребленіе на *ѣ*. Впрочемъ въ именахъ собственныхъ на *ія*, употребляется *и*, а не *ѣ*, напримѣръ: *Италіи*, *Маріи*. Въ Родительномъ падежѣ иныя слова, оканчивающіяся на *а*, имѣютъ, единственно изъ благозвучія, не *ы*, а *и*; напримѣръ: Именительный, *рука*, Родительный *руки*.

Вотъ всѣ замѣчанія, какія мы можемъ сдѣлать на склоненіе именъ женскаго рода.

Не нужно прибавлять (это уже было достаточно объяснено выше), что слова, оканчивающіяся на *а*, и только *по употребленію* бывающія мужескаго рода, или мужескаго и женскаго—не могутъ составлять исключенія, и вполнѣ относятся къ именамъ женскаго рода, слѣдовательно и къ склоненію этихъ именъ.

Имена средняго рода.

Имена средняго рода оканчиваются въ Именительномъ падежѣ на букву гласную неопредѣленную: *о*, *ё*; гласная *ё* произносится какъ *е*, какъ скоро ударенiе не на концѣ, напримѣръ: *житiё* и *сожiтiе*. Имена третьяго склоненiя (средняго рода) отличаются отъ именъ перваго склоненiя (мужескаго рода) тѣмъ, что оканчиваются на гласную букву, а не на *отрицательную* букву ъ, отрицательно соединяющую, какъ извѣстно, въ себѣ оба элемента, и гласный и согласный. Отъ именъ же втораго склоненiя отличаются тѣмъ, что оканчиваются на букву гласную неопредѣленную: *о*.

Имена третьяго склоненiя, оканчиваясь на букву гласную, не прибавляютъ, склоняясь, падежныхъ окончанiй къ окончанiю Именительнаго падежа, но измѣняютъ, слѣдовательно, это окончанiе, букву *о*, на другiя окончанiя, въ падежахъ. Вѣроятно и здѣсь могло быть тоже, что могло быть и въ именахъ женскаго рода, то есть: окончанiя падежей придавались къ окончательной буквѣ Именительнаго: *о*; но буква: *о*,—буква неопредѣленная и нетвердая, сочувствующая буквѣ ъ и часто мѣняющаяся съ нею мѣстами,—легко была поглощена окончанiями падежей, но, будучи все же буквою гласною, она была *поглощена* и не могла уже остаться и уцѣлѣть, какъ ъ, при окончанiяхъ, а поэтому и не могла дать голоса, какъ ъ, въ Родительномъ множественномъ (см. ниже).

Имена средняго рода, не имѣя того равновѣсiя жизни, духа и выраженiя, какiя въ именахъ женскаго рода, а напротивъ, являя преобладанiе одной стороны, именно внѣшняго,—составляютъ противоположность, а вмѣстѣ и соотвѣтствiе, къ именамъ мужескаго рода, съ которыми онѣ и согласны въ окончанiяхъ падежей, за исключенiемъ Именительнаго, Винительнаго и Звательнаго.

Падежъ Винительный не существуетъ въ именахъ средняго рода, какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ, или вѣрнѣе, есть одинъ съ Именительнымъ,—и понятно: въ природѣ, въ предметѣ неодушевленномъ, нѣтъ силы субъективной, личной; и предметъ неодушевленный—постоянно объектъ, даже и въ Именительномъ падежѣ. По этому нѣтъ и разницы между Именительнымъ и Винительнымъ падежемъ въ именахъ средняго рода. Это общiй законъ для всѣхъ языковъ, ибо это законъ столь

ясный. Здѣсь уже покрайней мѣрѣ, никто, надѣемся, не усомнится въ присутствіи разумнаго закона мысли, лежащаго въ основѣ измѣненій слова. Здѣсь правильнѣе было бы сказать, что Именительный падежъ сходенъ, или одинъ съ Винительнымъ, а не наоборотъ, какъ обыкновенно говорится. Какъ въ именахъ мужескаго рода, нѣтъ собственно падежа Винительнаго, такъ въ именахъ средняго рода нѣтъ падежа Именительнаго. Падежъ Винительный въ именахъ мужескаго рода и Именительный въ именахъ средняго рода, есть только взятое *отношеніе* (предмета и имени), а не падежъ собственно. Это лишь *употребленіе* имени, съ помощью отвлеченной мысли, на мѣстѣ такого-то падежа, котораго оно само не имѣетъ, и имѣть не можетъ. Мы видѣли уже, какъ приводится это въ исполненіе въ именахъ мужескаго рода.

Вообще можно сказать, что падежъ Винительный есть выраженіе различія именъ всѣхъ трехъ родовъ, есть мѣрило ихъ, которымъ познается каждое. Въ именахъ мужескаго рода отсутствіе Винительнаго происходитъ отъ преобладанія субъективности; въ именахъ средняго, отсутствіе, или лучше тождество Именительнаго и Винительнаго, происходитъ отъ преобладанія объективности. Въ именахъ женскаго рода, равновѣсіе субъективной и объективной стороны даетъ возможность явиться Винительному падежу.

Точно также нѣтъ въ именахъ средняго рода и падежа Звательнаго. Человѣкъ можетъ обратиться къ предмету неодушевленному, какъ къ одушевленному, но это уже будетъ поэтическій произволъ человѣка, это уже оборотъ рѣчи, *тропъ*. Самъ же предметъ средняго рода, уже по опредѣленію сферы своей, по отсутствію личнаго въ немъ начала, не можетъ быть въ Звательномъ падежѣ. И точно, имена средняго рода Звательнаго падежа не имѣютъ. Въ нашемъ языкѣ утраченъ падежъ Звательный въ именахъ мужескаго и женскаго родовъ, но онъ былъ въ нихъ несомнѣнно, и только вышелъ изъ употребленія. Въ именахъ же средняго рода его просто нѣтъ, и не было, и быть не можетъ. Это законъ, который равно имѣетъ значеніе для всѣхъ языковъ; но Санскритской и Зендской отъ него, по видимому, отступаютъ (см. сравнительное обозрѣніе.)

Въ падежѣ Мѣстномъ въ иныхъ словахъ, по требованію благозвучія, въ *ѣ* выступаетъ *і*, и занимаетъ его мѣсто; напр. *желаніи*.

Число двойственное.

Двойственное число не употребляется теперь въ нашемъ языкѣ; но оно нѣкогда существовало у насъ, и существуетъ доселѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, но уже въ неподвижномъ видѣ, уже кристаллизовавшееся. Мы говоримъ: *двѣсти*, *въ очію*, *брылъ*, и проч. Въ XII-мъ, XIII-мъ и даже XIV-мъ вѣкѣ, двойственное число еще употреблялось несомнѣнно. На это мы можемъ привести ясныя доказательства. Указываемъ прежде всего на слово о полку Игоревѣ, въ которомъ это число очень правильно и сознательно употребляется; укажемъ на лѣтописи наши; наконецъ на грамоты Новгородскія, въ которыхъ несомнѣнно является языкъ Русской, а не Церковно-Славянской, и въ которомъ двойственное очевидно. Въ XIV-мъ, XV-мъ и слѣдующихъ столѣтіяхъ, число двойственное начинаетъ исчезать, становиться неправильнымъ и кристаллизоваться въ нѣкоторыхъ словахъ. Преимущественно видѣнъ весь этотъ ходъ въ словѣ: *два*, по своему значенію уже принадлежащемъ числу двойственному. Вслѣдствіе этого-то исчезанія и окристаллизованія двойственнаго числа, образовалось то неправильное склоненіе, которое имѣетъ теперь слово: *два*, и о которомъ подробнѣе слѣдуетъ поговорить ниже. Двойственное число, искажаясь и каменѣя, произвело особенный видъ, или вѣрнѣе: слилось, или совпало, въ Именительномъ падежѣ, съ особеннымъ видомъ Именительнаго множественнаго, именъ мужескаго рода, въ извѣстномъ случаѣ. Это Множественное—есть окончаніе на *а*, при числительныхъ: *два*, *оба*, *три*, *четыре*. Напримѣръ: *два человѣка*, *три стула*, и пр. Окончаніе двойственное въ именахъ мужескаго рода есть: *а* или *я*; при числительномъ двойственномъ *(два)*, это окончаніе именъ на *а*, *я*, необходимо должно было употребляться *(два пуда)*; и позднѣе, вслѣдствіе уже ошибочности употребленія, когда двойственное число стало забываться,—окончаніе на *а*, *я*, явилось при числительныхъ множественныхъ: *три* и *четыре (три пуда*, *четыре пуда)*. Сперва говорилось, напримѣръ: *два рубля*, *три рубли*; *два дома*, *три домы*. Потомъ явилось, сначала несоблюденіе кое-гдѣ двойственнаго числа: *два городы*; но зато окончаніе двойственнаго еще никакъ не ставилось тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. А потомъ стало употребляться двойственное окончаніе и въ случаяхъ множественнаго

числа; напримѣръ: *три города*. Употребленіе путается; случается, что почти рядомъ встрѣчаются такія выраженія: *два городы*, *три города*. Наконецъ употребленіе утвердилось на томъ, что при всѣхъ числительныхъ прилагательныхъ: *два*, *оба*, *три*, *четыре*, стала употребляться двойственная форма. Вѣроятно двойственная форма была перенесена по сосѣдству на числительныя прилагательныя: *три* и *четыре*, потому что далѣе слѣдуютъ уже числительныя имена (существительныя, какъ выражаются въ грамматикахъ): *пять*, *шесть*, и пр.,—чѣмъ рѣзко отдѣляются первыя четыре числительныя отъ послѣдующихъ. Народъ забылъ, или почти забылъ, двойственное число, и оно въ именахъ сдѣлалось особымъ окончаніемъ или лучше слилось съ особымъ окончаніемъ множественнаго числа, о которомъ слѣдуетъ говорить ниже.

Хотя двойственное и не употребляется теперь въ нашемъ языкѣ, но мы привели оное въ полномъ видѣ, въ какомъ оно нѣкогда у насъ было. Полнѣйшее его разсмотрѣніе надѣемся сдѣлать ниже, при сравненіи нашего языка съ другими, въ особенности же съ Церковно-Славянскимъ. Что же касается до исторической судьбы этого числа въ нашемъ языкѣ, то для этого указываемъ пока на сочиненіе наше: «Ломоносовъ», гдѣ довольно обстоятельно показано историческое употребленіе двойственнаго числа въ нашемъ языкѣ.

Число множественное, всѣхъ трехъ родовъ (I,II,III-го склоненія).

Имена мужескаго рода въ нашемъ языкѣ не имѣютъ теперь своего собственнаго, множественнаго склоненія. Нѣкоторыя употребленія падежей показываютъ, что у насъ оно было нѣкогда. Но языкъ нашъ, не признавая большой разности между предметами мужескаго, женскаго и средняго рода, какъ скоро они находятся въ множествѣ,—принялъ для всѣхъ трехъ родовъ одно склоненіе: склоненіе именъ женскаго рода, какъ самое опредѣленное и богатое. Разницу между родами, совершенно самобытно возникающую въ нашемъ языкѣ, во множественномъ числѣ именъ, видимъ мы только въ падежѣ Именительномъ, и отчасти Родительномъ.

Общее окончаніе именъ мужескаго рода во множественномъ числѣ — *и*. Но кромѣ этого окончанія есть и другія, а именно:

Окончаніе на *а*, о которомъ мы сейчасъ упомянули. Въ этомъ окончаніи мы должны различать, кажется намъ, двѣ основы.

1) При числительныхъ *два*, *оба*, это окончаніе есть двойственное. Вызываемое значеніемъ двойственнаго числительнаго, оно постоянно его сопровождало. Но когда мало по малу различіе двойственности стало сглаживаться и исчезать, тогда это, въ началѣ двойственное, окончаніе, утративъ свое значеніе и почти слившись съ общимъ окончаніемъ множественнымъ на *а* (*), было перенесено и на другіе, рядомъ стоящіе числительные прилагательные: *три*, *четыре*.

2) Окончаніе на *а*, независимо отъ числительныхъ и отъ двойственнаго значенія, употребляется при именахъ мужескаго рода, какъ особенный видъ множественнаго, сверхъ *и*, свободно придаваясь къ именамъ. Окончаніе на *а* имѣетъ особенный оттѣнокъ значенія, оттѣнокъ *собирательный*, что выражается черезъ полнѣйшую, наиболѣе опредѣленную гласную букву: *а*,—Имéнную образовательную букву по преимуществу. Вмѣстѣ съ этимъ, множественное число, получая значеніе чего-то, воедино собраннаго, соединеннаго или сомкнутаго цѣлаго, носитъ на себѣ оттѣнокъ новаго имени собирательнаго, и иногда прямо переходитъ въ новое имя, разумѣется уже единственнаго числа.—Это очень ощутительно, напримѣръ, въ словѣ: *господа*. *Господа* перешло въ новое имя женскаго рода и стало склоняться: *господа*, *господы*, *господу*, *господы*, *господою*, даже звательный: *господо*! На такое употребленіе есть очень удовлетворительные примѣры изъ грамотъ (**). Такое имя (которое есть ни что иное, какъ множественное число Имени, перешедшее въ Имя)—можетъ быть названо: *имя Множественное*.—

(*) Различается впрочемъ отъ него почти вездѣ удареніемъ. Можемъ прибавить здѣсь, что, сдвигаясь съ своей законной основы, забываясь въ смыслѣ своемъ, употребленіе устроивается какъ нибудь и принимаетъ часто случайную и безсмысленную аналогію,—такъ здѣсь, аналогію Родительнаго падежа, по ударенію: *два до́ма*, а не *два дома́*. Даже: *двѣ сестры́*, а не: *двѣ се́стры*.

(**) Собр. Госуд. грам. и Догов. (стр. 26 и др.) и пр.

Въ другихъ словахъ окончаніе на *а* ограничивается только оттѣнкомъ, нами уже опредѣленнымъ; напр. *до́мы*, *дома́*, и не переходитъ въ новое имя. Въ иныхъ именахъ это окончаніе множественнаго: *а*, такъ слилось, чрезъ употребленіе, съ словомъ, по склонности Русскаго человѣка видѣть во множественномъ (собственно имень мужескаго рода, которымъ по ихъ существу не достаетъ опредѣленности), какъ бы новое имя, что почти исключило другую обыкновенную форму множественнаго; и даже нужно усиліе для возстановленія во множественномъ первоначальнаго окончанія: *и*, напримѣръ: *берега́*, *бе́реги*.

Окончаніе на *іе*, встрѣчающееся во множественномъ Церковно-Славянскаго языка, по видимому въ Русскомъ языкѣ не находится; но это только повидимому. Оно есть въ нашемъ языкѣ, сверхъ обыкновеннаго: *и*, но переходитъ сейчасъ въ новое имя; напримѣръ: *каменіе*, *уголіе*—въ Русскомъ произносится: *каменье*, *уголье*. Само собою разумѣется, что явившись, какъ новый предметъ и какъ новое собирательное имя, множественная форма является вновь въ единственномъ числѣ и вновь начинаетъ склоняться,—именно здѣсь, какъ имя средняго рода. Окончаніе *а* выступаетъ и тутъ, при окончаніи на *іе*, и утверждается, становясь окончаніемъ множественнаго; не теряя значенія окончанія множественнаго, оно потомъ, хотя не всегда, переходитъ въ окончаніе новаго имени. Окончаніе множественное: *іе*, употребляется у насъ, только какъ имя; мы образуемъ чрезъ него, вмѣсто множественной формы, прямо Множественное, собирательное имя. Окончаніе же на *ія*, есть множественная, собирательная форма, и въ тоже время переходитъ иногда въ Множественное собирательное имя. Можно, кажется, сказать, что—по употребленію—собственно множественная форма, соотвѣтствующая Славянской формѣ *іе*,—есть у насъ *ія*. А форма наша множественная: *іе*,—есть уже новое Множественное *имя*.

Надо прибавить, что образованіе Множественнаго имени на *іе* такъ живо и свободно, что почти равняется образованію множественнаго числа (по примѣру множественнаго на *ія*). По этому *іе*, есть несомнѣнная грамматическая форма (*). Мы говоримъ: *каменья*

(*) По иногда *іе*, такъ какъ оно все таки больше форма имени, а не падежное измѣненіе,—является образовательной формой, напр: *бабье*.—Вотъ

во множественномъ, и, какъ новое имя, употребляемъ: *каменье*, и т. д.—Но въ словѣ *братъ*, во множественномъ, вмѣсто *братіе*, говоримъ мы: *братья*, и въ тоже время удерживаемъ эту форму въ видѣ новаго имени: *братья*, которое и становится именемъ женскаго рода, а по этому такъ и склоняется. Также какъ *братья* образуется слово *князья*, и хотя мы его теперь не употребляемъ какъ имя, но у Нестора встрѣчается: *отъ всякоя княжья* (*). Здѣсь *княжья*—уже имя единственнаго числа, и Родительный его падежъ образованъ по Церковно-Славянскому языку. Также употребляется слово: *дядья*, и можетъ употреблено быть: *шурья*, *зятья* и др. Не всѣ имена употребляются во множественномъ на: *іе*, но всѣ могутъ такъ употребляться, переходя разумѣется въ новыя имена; иныя такъ утвердились въ этомъ окончаніи и получили такой особенный смыслъ, что связь между первопачальнымъ именемъ и производнымъ на *іе*, вовсе не ощутительна, наприм: *платъ* и *платье*. *Платье*—имя средняго рода, склоняется, какъ *занятье*, по III склоненію.—Употребленіе Множественнаго на *іе* или *ье*, придаетъ слову сейчасъ характеръ

что говоримъ мы объ этой формѣ: *іе*, въ примѣчаніяхъ на Грамматику г. Буслаева: «Считаемъ нужнымъ прибавить нѣсколько словъ о формѣ на *іе*. Она имѣетъ, по нашему мнѣнію, четыре разряда. Или лучше, это особыя четыре формы на *іе*, тождественныя только внѣшнимъ образомъ, буквенно.—1) Множественное собирательное на *іе*, напримѣръ: *мужіе*, *каменіе*, и отсюда образовавшееся имя собирательное множественное на *іе*, или лучше *ье*: напр.: *мужіе*, *мужьё*; *каменіе*, *каменье*.—2) Форма на *ье*, какъ напримѣръ, *бабьё*, отъ прилагательнаго: *бабій*,—прилагательнаго, черезъ средній родъ, перешедшаго въ имя средняго рода, встрѣтившееся съ собирательнымъ множественнымъ, которое въ свою очередь перешло въ имя собирательное средняго же рода (*каменье*, *уголье*). Сюда же вѣроятно относится форма: *тряпье*, *березье*, *деревье*, и пр.—3) Слова, какъ: *зарядье*, *заморье*, *запорожье*, *поднебесье*, гдѣ *іе* является уже образовательною формою, все же имѣющею характеръ собирательный. Сюда же, думаемъ, можно отнести и слова, какъ: *живье*, *сырье*, гдѣ *ье* является, кажется, тоже образовательною формою.—Наконецъ, 4) слова, какъ: *знан-іе*, *дьлан-іе*, *пристраст-іе*, и пр., гдѣ *іе* является уже чисто отвлеченною, образовательною формою.»

(*) П. С. Р. Л. т. 1 стр. 20.

новаго имени собирательнаго, единственнаго числа,—образуетъ собирательное *Множественное имя*. Рядомъ же съ множественнымъ собирательнымъ именемъ на *іе*, тутъ же находится собирательное множественное число на *ія* или *ья*. Примѣръ: *экое уголье, эки уголья.*—Не всѣ имена употребляются въ собирательномъ множественномъ: *ія, ья*, и возможность всеобщаго употребленія затруднительнѣе здѣсь, нежели при образованіи новаго имени на *іе, ье*. Еще рѣже, иногда только (какъ было сказано выше) множественное на *ья* переходитъ въ новое собирательное имя *(братья)*. Замѣчательно, что форма множественнаго собирательнаго числа на *ія*, удерживается не только въ Именительномъ, но и въ другихъ падежахъ, и имя сохраняетъ въ такомъ случаѣ во всѣхъ падежахъ свой собирательный оттѣнокъ. Надо сказать при этомъ, что преобладаетъ какая нибудь одна форма: или *и*, или *ія*. Напримѣръ: *другъ*; во множественномъ Именительномъ: *други* и *друзья*. Слѣдующіе за Именительнымъ множественнымъ, падежи употребляются уже чаще отъ множественнаго: *друзья*; отъ: *други*, рѣже; именно, Родительный: *друзей (друзьевъ* не употребляется), Винительный: *друзей*, Дательный: *друзьямъ*, Творительный: *друзьями*, Мѣстный: *друзьяхъ*. Еще примѣръ: *браты—братья, братій* или *братьевъ, братьямъ*, и т. д. Впрочемъ можно и: *братовъ, братомъ*, и т. д., но рѣже. Въ этомъ словѣ, кромѣ собирательнаго характера, есть особенная разница. Напримѣръ: «Мы пришли къ нему десять *братовъ*»: здѣсь *братъ* значитъ въ переносномъ смыслѣ *человѣкъ*. «Мы пришли къ нему десять *братьевъ*», то есть: братьевъ по связи родства (*).—Что касается до вставочнаго *в* въ Родительномъ падежѣ, то объ этомъ мы намѣрены сказать ниже. Замѣчательно (и это составляетъ особенность Русскаго языка отъ Церковно-Славян-

(*) Это должно говорить въ пользу самостоятельности Русскаго склоненія. Какъ былъ бы Творительный Множественнаго по Церковно-Славянски отъ *друзіе*, наше: *друзья*? *Другы*—но это отъ: *други*, или точнѣе отъ: *друзи*. Дательный по Церковно-Славянски: *другомъ*, Мѣстный: *друзѣхъ*.—У насъ является особое склоненіе, котораго нѣтъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ. Тамъ нѣтъ впрочемъ и Именительнаго Множественнаго на *а* въ Именахъ мужескаго рода.—См. объ этомъ подробнѣе при сравненіи языковъ.

скаго), что форма Именительнаго падежа во множественномъ (*друзья*, *братья*, и пр.) сохраняется и при другихъ падежахъ. Тому подобное надѣемся мы не разъ встрѣтить и объяснить это ниже, при общемъ примѣчаніи на склоненіе (*).

Окончаніе—на *ве*, Церковно-Славянское: *Жидове*, *Татарове* и пр., также находится въ нашемъ языкѣ, и также перешло сейчасъ въ *а* и въ новое собирательное имя: *Жидова*, *Татарва*, можетъ быть: *Литва*, *Мордва*. Не нужно, кажется, прибавлять, что имена эти склоняются, какъ новыя имена, по единственному числу. Не всѣ имена имѣютъ это окончаніе: *ва*; иныя имѣютъ оное въ измѣненномъ нѣсколько видѣ, напримѣръ: Церковно-Славянское, *сынове*— Русское, *сыновья*; *зятеве* — *зятевья*. Но это *ве*, со всѣми своими измѣненіями, не есть окончаніе принадлежащее Именительному падежу множественнаго числа. Это суффиксная, или лучше, полусуффиксная форма имени съ полусуффиксомъ *е*, которая въ Именительномъ единственнаго колеблется между *ъ* и *ь*, между *овъ* и *овь*, *евъ* и *евь*: *сыновъ*, *сыновь*, и пр. Впрочемъ употребительнѣйшая форма, скорѣе: *овь*, *евь*. Отъ этой полусуффиксной формы образовалось множественное Церковно-Славянское, на *е*: *ове*, *еве*; наше, на *а*: *ова*, *ева*, сокращенно: *ва*. Отсюда же объясняется и форма наша Именительнаго множественнаго на *ья (в-ья)*, возникшая здѣсь также, какъ отъ: *братъ*—*братья*, *уголь*—*угольа*, *зять*—*зятья*; напримѣръ: *сыновъ* или *сыновь*—*сыновья*. Здѣсь полусуффиксная форма съ *ь* удерживается во всѣхъ падежахъ множественнаго числа и почти во всѣхъ единственнаго (просимъ не забывать, что мы говоримъ не только о современномъ Русскомъ языкѣ.) Форма на *овь*, *евь*, принадлежитъ къ склоненію смѣшанному. Объ этомъ см. подробнѣе о суффиксахъ. Мы можемъ рѣшительно предположить, при этой полусуффиксной формѣ, множественное на *и*, или пожалуй позднѣйшее *ы*: *сыновии*, *сыновы*. Множественное на *ови* собственно и соотвѣтствуетъ Церковно-Славянскому *ове*. Въ языкѣ Церковно-

(*) Впрочемъ можетъ возникнуть и такое предположеніе: не есть ли *іе* просто живая, образовательная, именная форма? Также, *іл* не есть ли Множественное отъ формы *іе*? Напримѣръ: *уголье (іе)*—*угольа (іл)*: чѣмъ бы ни была здѣсь, въ этомъ второмъ случаѣ, форма *іе*: образовательною (этимологическою) или измѣнительною (грамматическою) формою имени.

Славянскомъ полусуффиксная форма съ *в* является гораздо менѣе замѣтно, только въ нѣкоторыхъ падежахъ. Это указываетъ на особенность склоненія въ Русскомъ языкѣ, которую надѣемся разсмотрѣть ниже, въ общемъ примѣчаніи на склоненіе. Такія и подобныя особенности доказываютъ богатство и разнообразіе Русскаго склоненія.—При сравнительномъ взглядѣ на другіе языки это должно стать яснѣе.

Вообще замѣчательно это стремленіе, чисто свойственное Русскому языку, стремленіе къ образности, стремленіе понять множество, какъ совокупность, и множественное число имени обратить въ новое Имя (ед. ч.), замѣняя раздѣляющее окончаніе *и* окончаніями, болѣе для цѣлаго свойственными, болѣе совокупляющими: *а (я)*, *іе*, *ія* (*). Здѣсь кстати можно замѣтить, что въ нашемъ языкѣ, какъ съ одной стороны множественное получаетъ значеніе новаго, собирательнаго имени, слѣдовательно является въ единственномъ числѣ, такъ съ другой стороны собирательное имя (вообще) имѣетъ значеніе множественное, обнаруживающееся въ глаголѣ, напримѣръ: *идутъ Русь*; *Новгородъ повелѣша*. Это показываетъ необыкновенную жизнь воззрѣнія народнаго въ языкѣ. Такъ какъ свобода есть отличительное свойство Русскаго языка, въ которомъ ничто не застаивается и не каменѣетъ, то и здѣсь: правила изъ этой, сейчасъ нами разсмотрѣнной, множественной формы—сдѣлать нельзя. Употребленіе здѣсь зависитъ отъ свободнаго выбора, смотря потому, какой оттѣнокъ выступаетъ въ рѣчи человѣка.

Вообще надобно прибавить, что различныя окончанія множественнаго, на которыя мы сейчасъ указывали, вовсе не случайность и не излишество; каждое имѣетъ особое значеніе или оттѣнокъ. Окончанія эти не исключаютъ общаго, *собственно множественнаго*, окончанія: *и*, но находятся при немъ, какъ особый видъ множественнаго числа. Различіе между *и* и другими окончаніями множественнаго, можетъ быть опредѣлено тѣмъ, что *и* показываетъ мно-

(*) Окончаніе: *и* не уничтожается; оно имѣетъ свой извѣстный смыслъ—раздѣлительный, и этотъ смыслъ вполнѣ признается; но рядомъ съ окончаніемъ *и*, часто превозмогая его, стоятъ собирательныя окончанія. Не надо забывать, что все это имѣетъ мѣсто только въ именахъ мужескаго рода, и все это не обязательно, но свободно, какъ все въ Русскомъ языкѣ.

жество предметовъ, удерживая ихъ въ раздѣльности, не сливая ихъ въ одно цѣлое, а другія окончанія множественнаго показываютъ множество предметовъ, какъ совокупность, собирая ихъ въ одно цѣлое до того, что иногда множественное, въ извѣстныхъ условіяхъ, образуетъ даже новое имя единственнаго числа, напримѣръ: *дѡмы—дома*; *господи (господіе)—господа (господа* склоняется: *господы, господъ, господою)*; *угли—уголья,—уголье*; *камни—каменья,—каменье*; *браты—братья,—братья*. Вмѣстѣ съ этимъ чрезвычайно важно то, что одно и тоже слово можетъ имѣть почти всѣ окончанія множественнаго, которыя мы и называемъ сообразно ихъ значенію: множественное собственно или множественное *Раздѣлительное*, множественное *Собирательное*, и множественное *Именное* (то есть: когда слово, во множественномъ, образуетъ Множественное имя, которое можетъ склоняться въ свою очередь въ ед. числѣ: *уголье)*; каждое придаетъ свой оттѣнокъ. Возможности этой, сказать мимоходомъ, мы не встрѣчаемъ, или встрѣчаемъ въ весьма слабомъ видѣ, въ языкѣ Церковно-Славянскомъ. Напримѣръ, мы (Русскіе Славяне) можемъ сказать: *Татары*, *Татара*, *Татарье*; *Татарва* или *Татаровья* (формы полусуффиксныя.) *Листы*, *листья*, *листье*; *листва* (форма полусуффиксная), и т. п.; а Церковно-Славянской языкъ далеко не представляетъ такой возможности. Такимъ образомъ, богатый языкъ нашъ, безпрестанно оттѣняетъ понятіе множественнаго и играетъ, такъ сказать, формами, переводя ихъ изъ множественнаго числа имени—въ новое имя единственнаго числа съ значеніемъ собирательнымъ.

Обратимъ здѣсь вниманіе еще на одно употребленіе множественнаго числа, о которомъ мы думаемъ сказать еще ниже. Слова личныя на *инъ*: *боярин*ъ, *крестьянин*ъ, *Татарин*ъ, и др.,—множественнаго не имѣютъ; покрайней мѣрѣ множественное отъ нихъ не употребляется или употребляется рѣдко и трудно. Вмѣсто него говорится: *бояре*, *крестьяне*, *Татаре*, и: *бояра*, *крестьяна*, *Татара*, даже: *бояры*, *крестьяны*, *Татары*. Инымъ это можетъ показаться неправильностью, и пожалуй составятъ такое грамматическое положеніе: «такія-то слова, на *инъ*, имѣютъ во множественномъ неправильно, такъ-то.» Но это не то.

Разберемъ это употребленіе.

Слова на *инъ*, какъ *Татаринъ*, *бояринъ*, *крестьянинъ*, не употребляются во множественномъ, которое однакожъ возможно и которое было бы: *Татарины*, *бояры*, *крестьянины*. (Такое множественное и встрѣчается у Кирши Данилова). Между тѣмъ, наоборотъ, множественное: *Татаре*, *бояре* и пр.,—очевидно то же слово, но безъ суффикса *инъ*,—не употребляется въ единственномъ, которое было бы: *Татаръ*, *бояръ*, и которое также возможно (оно встрѣчается напримѣръ у Галичанъ). Да и само по себѣ уже въ словахъ: *Татаринъ*, *бояринъ*, не трудно увидать первоначальное слово: *Татаръ*, *бояръ*, къ которому прибавлено окончаніе *инъ*. Мы знаемъ уже, что окончаніе *инъ*, также, какъ и *ина*—имѣетъ свойство придавать имени отдѣльное, личное значеніе, значеніе единицы; *инъ* даже и значитъ: *одинъ* (см. выше). Имя безъ *инъ* часто означаетъ, и всегда можетъ означать, предметъ, какъ цѣлый разрядъ, неопредѣленный, и по этому имѣющій, если не собирательный, то родовой характеръ, напримѣръ: *Нѣмецъ*—*Нѣмчинъ*, *купецъ*—*купчинъ* и *купчина*.—*Татаринъ*, *бояринъ* и пр. относятся къ отдѣлу этихъ личныхъ именъ. Но множественное число: *Татаре*, *бояре*, которое вовсе не есть множественное отъ *Татаринъ*, *бояринъ*, произведено отъ первоначальнаго слова: *Татаръ*, *бояръ*; какъ напримѣръ, въ словѣ: *Нѣмчинъ*, множественное употребительное все будетъ: *Нѣмцы*. Слова на *инъ*: *Татаринъ*, *бояринъ* и пр., весьма рѣдко употребляются въ своемъ *собственномъ* множественномъ, да и не очень нуждаются въ этомъ особомъ множественномъ числѣ, ибо смыслъ прибавочнаго окончанія *инъ* есть значеніе *единицы*, *личности*; слѣдовательно множественное, въ этомъ случаѣ,—лишнее, и не совсѣмъ согласуется съ смысломъ этой прибавки; личность и единица, все, болѣе или менѣе, поглощается множествомъ (*). Во множественномъ личность не можетъ такъ выступать, да и нѣтъ требованія её выдвинуть, Самое множество отчасти поглощаетъ личность, а съ другой стороны отчасти устраняетъ родовое значеніе единственнаго: *Нѣмецъ*,

(*) При окончаніи на *ина*, при женской формѣ, при которой хотя единичность и не такъ ярко выступаетъ, какъ при формѣ мужеской,—множественное все не совсѣмъ удобно и употребительно: *рыбины*, *домины*, *молодчины*, *орлины*.

слѣпень, и пр. Во множественномъ: *Нѣмцы*, *слѣпни*. По этому множественное отъ именъ на *инъ*: *Нѣмчинъ*, *боярин*ъ, и пр.—становится не нужнымъ.—Съ другой стороны, слова: *Татаръ*, *бояръ* и пр. вышли изъ употребленія, ибо, имѣя родовое, и вслѣдствіе этого количественное значеніе, и выразивъ это количественное значеніе во множественномъ числѣ, они, въ единственномъ, стали не нужны и излишни. Множественное въ этихъ словахъ имѣетъ (почти всегда) характеръ собирательный, слѣдовательно и окончаніе собирательное; этотъ собирательный характеръ болѣе соотвѣтствуетъ въ этихъ словахъ родовому значенію слова, отъ котораго множественное образуется, и потому еще болѣе становитъ не нужнымъ единственное число этого слова.—И такъ множественныя имена: *Татаре*, *бояре* и т. п., не нуждаются въ особомъ своемъ единственномъ числѣ.—Сказанное нами относится ко всѣмъ именамъ, принимающимъ въ единственномъ единичное: *инъ*. Впрочемъ надобно опять прибавить, что правила здѣсь нельзя сдѣлать; все зависитъ отъ живаго употребленія, отъ того, какая сторона болѣе выдастся. Употребленіе конечно утвердилось за иными словами; но основываясь на свободѣ, оно не составило правила, и даже теперь можетъ измѣняться. Въ Русскомъ языкѣ управляетъ употребленіемъ духъ слова, внутренній смыслъ.—Къ словамъ, какъ: *Татаре*, *бояре*, и проч., которыя могутъ совершенно правильно имѣть форму: *Татары*, *бояры*, относится слово: *люди*, *людіе* (*); оно предполагаетъ *людъ*, которое и употребляется, но уже въ чисто собирательномъ значеніи (gens). Отъ слова *людъ* также образуется посредствомъ окончанія на *инъ*, слово: *людинъ*, употребляющееся въ сложномъ: *простолюдинъ*, отъ котораго не употребляется множественное на *и*, но употребляется множественное собирательное имя: *простолюдье* (т. е. отъ неупотребительнаго *простолюдъ* (**). Подобнымъ же образомъ составились слова *горожанинъ*, *крестьянинъ*, и пр. и пр.; во множественномъ: *горожане*,

(*) *Люди*—обыкновенное множественное на *и*, отъ *людъ*. Первоначально и въ нашемъ языкѣ въ именахъ мужескаго рода не было *ы*, а *и*. См. ниже.

(**) Окончаніе множественное на *іе* переходитъ въ новое *имя* ед. числа, какъ это мы видѣли. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякое имя на *іе*, было множественное собирательное и иначе образоваться бы не могло.

крестьяне. Въ этихъ и подобныхъ словахъ, ни множественное отъ формы единственной *(инъ)*: *горожанины*, *крестьянины*, ни единственное отъ формы множественной *(е)*: *горожанъ*, *крестьянъ*, — уже вовсе не употребляется (хотя нельзя отрицать возможность, правда трудную, перваго употребленія). Здѣсь прямо единственному числу придается отдѣльное, личное значеніе, и множественному — собирательный оттѣнокъ. — Склоненіе, такимъ образомъ, становится здѣсь *составнымъ*. Иныя слова въ единственномъ употребляются въ двухъ видахъ, такъ: *Нѣмецъ*, *Нѣмчинъ*; *купецъ*, *купчинъ* или *купчина*, и пр. Но за то здѣсь родовое имя (безъ *инъ)*, удержавъ единственное число, не усиливаетъ, обыкновенно, этого родоваго характера, во множественномъ (напротивъ, ослабляетъ оный, какъ сказали мы выше), не имѣетъ въ немъ значенія собирательнаго, и оканчивается на *и*. Именно: *Нѣмцы*, *купцы*. — Наоборотъ, какъ бы въ доказательство нашего мнѣнія, множественное число подобныхъ словъ—именно тѣхъ, которыя не имѣютъ, въ употребленіи, своего единственнаго, и слѣдовательно имѣютъ во множественномъ характеръ собирательный—это множественное число образовано иначе, то есть не на *и*, а на *е (я, а)*: *крестьяне*, *бояре*. Повторяемъ, здѣсь нѣтъ правила, но здѣсь есть внутреннее основаніе, на которомъ утверждается употребленіе, измѣняясь по мѣрѣ примѣненія этого внутренняго основанія. Можно сказать: *Татары*, *бояры*; можно сказать: *цыганъ — цыгане*, и это не будетъ ошибочно; но обыкновенно говорится на сказанномъ основаніи: *Татаре*, *бояре*; *цыганы*. Въ другихъ словахъ употребленіе еще рѣшительнѣе; всегда говорится: *горожане*, *крестьяне*, и пр.; также всегда: *Башкиръ—Башкиры*, *Калмыкъ—Калмыки*, и пр. — Хотя мы пишемъ теперь: *е*, на концѣ словъ: *бояре*, *Татаре* и пр., но здѣсь не трудно узнать букву *я* (то есть *а* смягченное), которая слышится въ выговорѣ (ибо не на послѣднемъ слогѣ удареніе), какъ *е*, болѣе удобное для произношенія, а потому и пишется нами черезъ *е*. Такія измѣненія случаются не рѣдко. Однако произносится иногда и *я*: *крестьяня*. Впрочемъ твердая форма: *а*, весьма возможна,

---

Напротивъ *іе*, есть, въ тоже время, одна изъ образовательныхъ формъ,—и *іе*, окончаніе множественное, тѣмъ легче переходитъ въ новое имя единственнаго числа, что такая образовательная форма имени: *іе*, сама по себѣ существуетъ.

и совершенно удобно сказать: *бояра*, *Татара*, и пр. Употребленіе здѣсь буквы *а* во множественномъ—понятно. *А*, какъ сказали мы выше, имѣетъ характеръ собирательный, который именно и выступаетъ здѣсь, при неупотребленіи родоваго Единственнаго. Гдѣ же, напротивъ, это Единственное сохранилось, и Множественное по этому имѣетъ просто множественное значеніе,—тамъ употребляется буква *и*: *Нѣмецъ—Нѣмцы*; *купецъ—купцы*; *и* есть буква, которая обыкновенно и означаетъ просто множество, а не собраніе. Къ именамъ на *инъ* относится и слово: *господинъ*. Множественное: *господа*, имѣетъ явственно собирательный характеръ, такъ, что даже становится новымъ собирательнымъ именемъ. (См. выше). *Господа* имѣетъ единственное: *Господь*, употребляющееся лишь въ одномъ священномъ значеніи, какъ наименованіе Бога, слѣдовательно оно нейдетъ ни по смыслу, ни по формѣ къ множественному: *Господа*. По этому, можетъ быть, множественное, здѣсь (при словѣ *Господь*) невозможное, означающее другое понятіе,—и имѣетъ постоянно собирательный характеръ. Почему во множественномъ употреблено просто *а*, а не смягченное *я*—на это кажется можно отвѣчать тѣмъ, что вѣроятно единственное: *Господь*, имѣло нѣкогда окончаніе на *ъ*: *Господъ*; покрайней мѣрѣ Родительный, въ Остромировомъ Евангеліи: *Господи* и *Господа*. Въ языкѣ Русскомъ всѣ падежи этого слова образованы отъ *ъ*. Въ Церковно-Славянскомъ, во множественномъ: *Господіе*. Вообще окончаніе колеблется во многихъ словахъ мужескаго рода между *ъ* и *ь*. Этимъ предположеніемъ, — подкрѣпленнымъ примѣромъ слова: *Господь*, *Господа*,— вполнѣ объясняется разница множественнаго Собирательнаго въ большей части подобныхъ словъ. Онѣ, какъ мы видѣли, имѣютъ два окончанія: мягкое *я* (слышное въ произношеніи, какъ *е*) и твердое *а*. Первое образовалось отъ мягкаго окончанія на *ь*, второе отъ твердаго на *ъ*. Такимъ образомъ мы предполагаемъ въ Именительномъ единственнаго, для иныхъ словъ, два окончанія: *ь* и *ъ*; напр.: *боярь*, *бояръ*; мн: *бояря*, *бояра*. Это предположеніе наше относительно двойственности окончаній, мы надѣемся, подтвердится при дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

Замѣчательно, что всѣ эти разныя окончанія множественнаго имѣютъ мѣсто только въ именахъ мужескаго рода. Такое явленіе впрочемъ понятно. Опредѣляемость предполагаетъ неопредѣлен-

ность, неоконченность. А эта неопредѣленность, ищущая опредѣлиться (надо помнить), находится только въ именахъ мужескаго рода, въ именахъ, оканчивающихся на букву ъ вообще,— букву неоконченную, отвлеченную, допускающую опредѣляемость. Эта неоконченность, эта, такъ сказать, неудовлетворенность именъ мужескаго рода,—согласна съ свойствомъ мужескимъ, съ характеромъ мужа.

Имена женскаго рода отличаются опредѣленностью и оканчиваются (въ Именительномъ единственнаго числа) на самую опредѣленную и полную гласную: *а*. (Окончаніе: *и*, имѣетъ особое объясненіе). Эта опредѣленность или оконченность опять согласна съ свойствомъ женскимъ, съ характеромъ женщины. При этой оконченности не допускается разнообразіе въ окончаніяхъ одного и того же падежа, ни зыбкости въ употребленіи; не допускается тѣхъ соображеній, тѣхъ дѣйствій мысли, которыя встрѣчаются при именахъ мужескаго рода. *И*— вотъ одно рѣшительное окончаніе именъ женскаго рода во множественномъ числѣ; *(ы* все равно, что *и)*.

Имена средняго рода не имѣютъ той опредѣленности и ясности, какая въ именахъ женскаго рода; но вовсе не имѣютъ также той неоконченности, того стремленія выразиться, опредѣлиться, какое находимъ въ именахъ мужескаго рода.—Въ именахъ средняго рода есть какое-то равнодушіе; въ тоже время есть недостатокъ той опредѣленности, которая дается только жизнью личною, внутреннею, не подавляющею внѣшняго, а находящеюся съ нимъ въ полной гармоніи, какъ въ именахъ женскаго рода.—Съ другой стороны, здѣсь нѣтъ той неопредѣленности, которая ищетъ опредѣлиться, слѣдовательно перестать быть неопредѣленностью, осуществиться и выразиться, нѣтъ того дѣятельнаго начала, которое постоянно въ именахъ мужескаго рода. Имена средняго рода—это *выразившаяся неопредѣленность*. Имена средняго рода оканчиваются на круглую среднюю букву: о, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ своею неясностью, своимъ такъ сказать равнодушіемъ—характеру міра природы. При именахъ средняго рода нѣтъ, и не можетъ быть, этого окончанія на *инъ* и *ина*, которое придаетъ отдѣльность единицы, личность, именамъ мужескаго и женскаго рода. Этой личности въ мірѣ природы нѣтъ; имена средняго рода имѣютъ постоянно общій родовой характеръ; они конечно могутъ

употребляться, какъ выражающіе отдѣльный предметъ такаго-то разряда или рода, при чемъ необходимо обозначить извнѣ, *указать* предметъ (напримѣръ: *это* дерево, а не другое): но въ тоже время предметъ тутъже имѣетъ — и выражаетъ въ имени — вмѣстѣ и общій родовой смыслъ; отдѣльность въ предметѣ не выступаетъ, ибо нѣтъ личности. Отсюда, во множественномъ числѣ — одно, общее для всѣхъ именъ средняго рода, окончаніе на букву: *а*,— окончаніе, которое смыкаетъ множество въ одно цѣлое, не выражаетъ раздѣльности множества, какъ окончаніе на *и*, но имѣетъ характеръ собирательный, характеръ группы, какъ и должно быть тамъ, гдѣ имя выражаетъ постоянно родъ, гдѣ всякой предметъ есть въ тоже время разрядъ. Это собирательное значеніе множественнаго именъ средняго рода, намекая какъ бы на новое цѣлое, на новое имя даже,— *въ имя новое однако не переходитъ*, ибо это была бы уже та *пріобрѣтаемая* опредѣленность, къ которой стремится и которой достигаетъ только родъ мужеской (*). Такимъ образомъ это множественное на *а* вполнѣ соотвѣтствуетъ міру природы, именамъ средняго рода; оно—постоянно даже и въ другихъ древнихъ индо-Европейскихъ языкахъ,— и иначе быть не можетъ (**).

(*) *А*, потому здѣсь у мѣста, что здѣсь является совокупный и слѣдовательно какъ бы новый образъ, намекъ на новое имя; и для означенія этого, для приданія множественному числу средняго рода, вида совокупности и чего-то цѣлаго, для приданія этому множественному (безъ образованія его однако въ новое имя) характера именнаго—употребляется характеристическая, собственная буква имени: *а*, дающая чувствовать, что множественное число именъ средняго рода не имѣетъ раздѣльности (личной), образуетъ группу, имѣетъ значеніе собирательное, и потому—подобіе имени (т. е. именит. падежа един. числа).

(**) Кромѣ однако Санскритскаго. гдѣ во множественномъ средняго рода находится и: *і*; но самъ Боппъ считаетъ это смягченіемъ: *а*. Къ тому же въ Ведахъ встрѣчается *д*; въ языкѣ Зендскомъ также: *а*. Все это, вмѣстѣ съ значеніемъ нравственнымъ окончанія: *а*, даетъ право признать оное законнымъ окончаніемъ именъ средняго рода во множественномъ числѣ.— Но смыслъ этого окончанія, и вмѣстѣ собирательное его значеніе,— видѣнъ и понятенъ вполнѣ, только въ языкѣ Русскомъ, при другихъ окончаніяхъ множественнаго, въ именахъ мужескаго рода.

Мы сочли нужнымъ здѣсь сдѣлать сравненіе между именами всѣхъ трехъ родовъ во Множественномъ; а также сочли нужнымъ припомнить еще разъ характеристику всѣхъ трехъ родовъ въ языкѣ. Имена этихъ трехъ родовъ можемъ мы опредѣлить такимъ образомъ: имя мужескаго рода есть имя *опредѣляемое*, имя женскаго—*опредѣленное*, имя средняго—*неопредѣленное*. Отъ этого, женское имя часто представляетъ богатство въ *положительныхъ* измѣненіяхъ или лучше формахъ; мужеское имя— измѣняемость, и по этому множество *возможныхъ* формъ и зыбкое употребленіе.

2. Родительный падежъ имѣетъ свои особенности. Во всѣхъ трехъ родахъ оканчивается онъ на ъ (ь, й); но въ именахъ мужескаго рода это окончаніе иногда предшествуется буквою: в, передъ которою стоитъ эвфоническое о, вмѣсто ъ, или ё, е вмѣсто ь, й, то есть: овъ, ёвъ, евъ. Постараемся объяснить такую особенность. Замѣтимъ сперва вообще, что въ окончаніи именъ мужескаго рода, буква, въ склоненіи, не переходитъ въ другую, какъ въ именахъ другихъ родовъ, гдѣ *а*, *о* переходятъ въ *ы*, *а*, и т. д., хотя можетъ быть и черезъ сліяніе (см. выше). Но здѣсь къ окончательной буквѣ Именительнаго: ъ, присоединяется окончательная буква другаго падежа. Такъ: *человѣкъ*, *человѣкъ-а*, или просто: *человѣка*,—ибо ъ, буква отвлеченная, имѣющая въ себѣ оба элемента и согласный и гласный, по существу своему, можетъ примыкаться. Славяне, принявшіе Латинское письмо, и даже часть Сербовъ, не употребляютъ ъ, и слѣдующія окончанія падежей ставятъ прямо къ концу слова, къ согласнымъ буквамъ. Странно, сказать мимоходомъ, такое добровольное лишеніе самихъ себя одной изъ самыхъ основныхъ и многозначащихъ буквъ, которую не даромъ замѣтили и начертили составители Славянской азбуки.—Въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа, имена оканчиваются на ъ, какъ въ Именительномъ единственнаго, напр: *пять человѣкъ*; но это уже не Именительный падежъ ед. числа, это уже не просто окончательный ъ всякаго имени мужескаго рода, приставленный къ краю слова. Здѣсь, въ Родительномъ падежѣ, напротивъ, новый ъ придается къ ъ, но по сходству звука онъ не произносится и сливается въ одинъ ъ. Всегда однако есть возможность не пропасть прибавочному ъ—ибо онъ тутъ—и выговориться. Произношеніе двухъ: ъъ,—все равно, что невозможно; по этому ъ, или сливается съ дру-

гимъ ъ, или выговаривается съ помощью буквы согласной, той буквы, которая часто переходитъ въ гласную и при этомъ перехожденіи произносится едва слышно, какъ нѣчто среднее; эта буква есть в; въ мірѣ неорганическомъ ей соотвѣтствуетъ вѣяніе вѣтра. При посредствѣ ея мы говоримъ: пять *человѣк-о-въ*. При чемъ первый ъ переходитъ для произношенія въ *о*, оглашается (*). Употребленіе: ъ и *овъ*, при именахъ мужескаго рода, хотя, болѣе или менѣе, утвердилось или то или другое, но не представляетъ непремѣннаго правила. При однихъ именахъ говорится: ъ, напр.: *пять человѣкъ*; при другихъ: *овъ*, наприм: *пять человѣковъ*; а при иныхъ и то и другое окончаніе: *пять пудъ*, *пять пудовъ*. Здѣсь опять свобода употребленія.

Въ именахъ мужескаго рода, оканчивающихся на ь, происходитъ тоже самое измѣненіе, только условленное мягкостью, тайно присутствующей при ь, буквы: *і*. Напримѣръ: *звѣрь*. Въ Родительномъ множественнаго говорилось прежде: *звѣр-ь* (см. Ост. Ев.); но это впрочемъ не чуждо нашей, даже современной рѣчи; здѣсь является тотъ же прибавочный ъ, слившійся съ ь; но слитіе это не такъ уже полно, какъ ъ и ъ. *Ь* смягченъ и можетъ легче дать голосъ, ибо въ немъ скрыто: *і*. По этому здѣсь легче и проще достигается таже цѣль. При Родительномъ падежѣ, наприм: *звѣрь-ъ*; ъ, отличаясь отъ ь, и подъ вліяніемъ смягченнаго звука, можетъ произнестись, и произносится, какъ *й*; а ь переходитъ въ *и*, или въ средній звукъ *е* (*ё*), какъ ъ—въ о. Такимъ образомъ является: *звѣрьй*, *звѣрій*, *звѣрей*. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ въ буквѣ ь выступаетъ *і* и говорится: *звѣрій*. Быть можетъ наше: *ей*, Родительнаго множ. (*звѣрей*) образовалось изъ *ій* (*звѣрій*), —и по предпочтенію у насъ буквы *е* вмѣсто *и*. Впрочемъ, кромѣ окончаній: *ій*, *ей*, точно также законно можетъ образоваться здѣсь и другая форма на *ёвъ* или *евъ* (какъ при окончаніи на ъ — *овъ*); она употребляется въ иныхъ словахъ, напр.: *рублевъ*.

(*) Произношеніе ъ въ другихъ случаяхъ при буквѣ *в*, и переходъ въ другія видоизмѣненія произношенія ъ — можно видѣть въ слѣдующемъ словѣ: *купивъ*. Великороссы произносятъ: *купифъ*. Малороссы говорятъ: *купивъ*, произнося *в* едва слышно. Произношеніе переходитъ черезъ новую степень, когда произносится: *купи-ъ*, гдѣ ъ даже не слышно; здѣсь слышно какъ бы *ъ̆*. И наконецъ Сербы говорятъ, сокращая *о*: *купиј*.

Имена мужескаго рода, оканчивающіяся на *й*, оканчиваются въ Родительномъ множественнаго также на *й*, какъ другія на *ъ* и *ь*. Это окончаніе также употребительно, какъ и на *ь*, и также встрѣчается въ Остромировомъ Евангеліи. Такимъ образомъ Родительный падежъ множественнаго, наприм. отъ *змѣй* первоначально есть тоже *змѣ-й*. Здѣсь (въ этомъ Родительномъ: *змѣй*), точно также, къ окончательной буквѣ Именительнаго *й*, прибавляется *ъ*, и точно также сливается съ нею. Здѣсь окончаніе *ъ* послѣ *й* не можетъ быть слышно отдѣльно, ибо здѣсь *і* выступаетъ согласною своею стороною, и *ъ* сливается въ одинъ слогъ (*). Слѣдовательно (очевидно впрочемъ и для простаго взгляда), здѣсь въ Родительномъ множественнаго не можетъ быть образованія такого, какъ въ словахъ, оканчивающихся на *ь*. По этому здѣсь, точно также какъ при окончаніи на *ъ*, приходитъ на помощь буква *в*. Ѣ, слившійся съ *й*, обнаруживается при помощи буквы *в*, и получаетъ свой отдѣльный смыслъ и мѣсто; а *й* переходитъ въ благозвучное *ё* или *е*, а не въ *о*, ибо въ *й* (какъ въ *ь*) слышна смягчающая буква *і*, выступающая (по мѣрѣ потребности), теперь, своею гласною стороною. Такимъ образомъ является окончаніе: *ёвъ*, *евъ*, наприм: *краевъ*, *змѣевъ*, или *змѣесъ*.

Буква: *в*, являющаяся въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа, выступаетъ не въ одномъ этомъ падежѣ. Она является и въ единственномъ числѣ, и образуетъ почти особый рядъ падежей, параллельныхъ обыкновеннымъ. Подобное тому видимъ и въ словахъ женскаго рода на *ы*. Такое явленіе явно указываетъ на двойное склоненіе, и буква *в* получаетъ значеніе суффикса, образуемаго, можетъ быть, буквою *ъ*, находящеюся передъ окончаніями падежей въ Именительномъ мужескаго рода, и заключающеюся въ *ы* въ Именительномъ женскаго рода; но объ этомъ намѣрены мы поговорить ниже. Въ Родительномъ же множественнаго, нами разсмотрѣнномъ, это *в*,—какъ скоро не относится къ цѣлому склоненію съ *в*,—безспорно благозвучная вставка и больше ничего.

(*) Если вникнемъ въ строеніе звуковъ, то увидимъ, что при *й* вообще подразумѣвается, хотя уже очень отвлеченно *ъ* (какъ бы при согласной) и что *ъ* родительнаго падежа сливается съ этимъ подразумѣваемымъ *ъ*, и слѣдовательно *й* соблюдается въ своемъ видѣ.

Понятно, я думаю, почему ничего подобнаго не встрѣчается ни въ именахъ женскаго, ни въ именахъ средняго рода, въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа. И въ женскомъ и среднемъ родѣ окончаніе Именительнаго падежа не *добавляется* другимъ, что могло быть только при буквѣ ъ и его видахъ ь и й, а *измѣняется*; поэтому тутъ совсѣмъ не существуетъ случая, подавшаго поводъ къ такимъ измѣненіямъ и особенностямъ въ именахъ мужескаго рода. Имена женскаго рода на *а*, оканчиваются въ Родительномъ множественнаго—на ъ; на *я*—на ь; на *ія* или *ья*—на *ій* или *ей* (*ей* общеупотребительно въ Великороссійскомъ языкѣ, какъ по особенному въ немъ предпочтенію буквы *е* передъ *і*, такъ и потому, что буква *і*, находясь не на самомъ окончаніи, занимая, такъ сказать, подчиненное мѣсто, естественно переходитъ въ среднюю *е* (*ё*).). Имена средняго рода на *о* оканчиваются въ Родительномъ падежѣ, множественнаго числа, на ъ; на *ё*, *с*—на ь; на *іе*—на *ій*. Въ Русскихъ грамотахъ вмѣсто *ій* часто употребляется, по предпочтенію: *ей*, напр: *Княженей* (*). Въ именахъ женскаго рода вышеозначенныя окончанія Родительнаго падежа множественнаго числа, соблюдаются и доселѣ строго. Но въ именахъ средняго рода, въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа, начинаютъ часто встрѣчаться въ рѣчи, совершенно неправильныя, иногда просто варварскія употребленія второобразныхъ окончаній именъ мужескаго рода. Правда къ этому злоупотребленію подаетъ возможность, въ именахъ средняго рода, неопредѣленность самой гласной окончательной буквы: о; но тѣмъ не менѣе такое употребленіе совершенно неправильно; въ Русскихъ грамотахъ, въ древней Русской письменности вообще, оно вовсе не встрѣчается.—Языкъ Русскихъ грамотъ, скажемъ мимоходомъ, изумителенъ своею правильностью и соблюденіемъ самыхъ тонкихъ оттѣнковъ языка.—Болѣе всего утвердилось въ Именахъ средняго рода—второобразное окончаніе именъ мужескаго рода въ Родительномъ падежѣ: *ей*, въ словахъ средняго рода на *е*, вмѣсто настоящаго правильнаго: ь; напримѣръ: *полей*, *морей*, и пр. Но еще Ломоносовъ употреблялъ: *поль*, хотя писалъ также и: *полей*,

(*) Примѣровъ весьма много. На нихъ указано въ сочиненіи моемъ: Ломоносовъ.

морей. Ухо наше привыкло къ этому искаженію; но оно еще сильно оскорбляется другою неправильностью, именно окончаніемъ: *евъ*, въ именахъ средняго рода на *іе*; оно оскорбляется, когда говорятъ: *желаньевъ*, *имѣньевъ*, вмѣсто: *желаній*, *имѣній*, и т. д.; хотя употребленіе: *перьевъ*, *платьевъ*, стало намъ уже привычно.—Впрочемъ можно предположить, что множественное, напр: *перья*, происходитъ отъ неупотребительнаго имени мужескаго рода, и потомъ переходитъ въ собирательное имя: *перье*; подобно тому какъ *платье* происходитъ отъ *платъ*; что слѣдовательно, такимъ образомъ, можетъ быть оправданъ Родительный, въ этихъ словахъ, на *евъ (братьевъ)*. Но такое предположеніе едва-ли вѣрно. Не будетъ ли наоборотъ вѣрнѣе, что единственное *перье*, *звѣнье* (ибо эти слова употребляются такъ въ единственномъ) и т. п. произошли вовсе не черезъ множественное, а черезъ образовательное окончаніе *іе*; что множественное, напр.: *перья*, *звѣнья*, происходятъ не отъ *перо* и *звѣно*, отъ которыхъ множественное неупотребительно, а отъ единственнаго: *перье* и *звѣнье*, (мало употребляющихся въ свою очередь въ единственномъ числѣ)—какъ *желанья* отъ *желанье*. Родительный же падежъ множественнаго: *перьевъ*, *звѣньевъ*, есть употребленіе неправильное, какъ *полей*, *морей*, къ которому мы только привыкли, а слѣдуетъ говорить: *перій*, *звѣній*, что впрочемъ и возможно (*). Но въ особенности сильно оскорбляетъ слухъ непростительно-варварское употребленіе, впрочемъ не часто встрѣчающееся, въ нѣкоторыхъ именахъ средняго рода на *о*, наприм: *дѣловъ*, *мѣстовъ*, *оконъ*, и пр. Такого рода употребленіе есть явное нарушеніе смысла языка и оскорбленіе грамматики.

(*) Отчего бы ни происходило Множественное: *перья* (и другія т. п.) мы не можемъ допустить, чтобы оно происходило отъ *перо*. Мы признаемъ, что или оно происходитъ отъ неупотребительнаго мужескаго: *перъ* или отъ средняго: *перье*, — будетъ ли *перье* Множественное именное, и слѣдовательно новое имя, отъ *перъ*, какъ *уголье*, *платье*—или же произошло *перье* отъ *перо* черезъ образовательную форму *іе*. Мы не знаемъ слова *перъ*. Хотя въ областномъ словарѣ есть слово: *перъ*, значащее лукъ, растеніе, хотя длинные листы, именно у подобныхъ растеній, именно у лука, называются *перья*, — но мы не рѣшаемся еще видѣть здѣсь неупотребительную форму отъ *перья—перъ*.

Винительный падежъ, не существующій и не могущій существовать въ именахъ мужескаго рода (что было объяснено выше), вдругъ возникаетъ въ нихъ во множественномъ числѣ. Такое явленіе не только не противорѣчитъ, но подтверждаетъ нашу мысль,—и вполнѣ понятно. Множество умѣряетъ личность столь преобладающую въ именахъ мужескаго рода и даетъ возможность явиться объективному отношенію въ этихъ именахъ и вмѣстѣ Винительному падежу.—Но различіе Винительнаго отъ Именительнаго падежа здѣсь однако очень тонко: оно состоитъ лишь въ огрубѣніи окончанія Именительнаго *и* въ *ы*, *(гради—грады)* тамъ, гдѣ оно возможно; въ другихъ словахъ эта разница не встрѣчается *(князи, князи)*; здѣсь быть можетъ приходило на помощь употребленіе самое,—что и видимъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ,—такъ что Именительное окончаніе *іе* и даже *ія* не говорилось въ Винительномъ; оно употреблялось въ Винительномъ только уже въ единственномъ числѣ, какъ особое новое имя, средняго и женскаго рода: *уголье*, *бра..ья*; въ Винительномъ же множественнаго говорилось: *угли*, *браты*. Языкъ нашъ въ послѣдствіи отбросилъ эту тонкую разницу, и Винительный падежъ именъ мужескаго рода во множественномъ числѣ теперь у насъ одинъ съ Именительнымъ.

Точно на томъ же основаніи, почему Винительный возможенъ во множественномъ числѣ въ именахъ мужескаго рода,—Винительный падежъ не существуетъ во множественномъ числѣ въ именахъ женскаго рода. Имена женскаго рода представляютъ равновѣсіе субъективной и объективной, личной и предметной стороны. Множество, умѣряя, какъ множество, личность, въ именахъ женскаго рода, необходимо дало перевѣсъ сторонѣ объективной, почему падежъ Винительный сталъ въ нихъ невозможенъ на томъ же основаніи, какъ невозможенъ онъ въ именахъ средняго рода.

Въ именахъ средняго рода и безъ того является преобладаніе объективной стороны, и безъ того въ нихъ не существуетъ разницы между Именительнымъ падежемъ, слѣдовательно во множественномъ Именительный еще менѣе возможенъ. Но множество, усиливая объективную сторону обозначилось въ именахъ средняго рода тѣмъ, что имена средняго рода являются не въ раздѣльномъ множествѣ, а *массою*, группою. Разница Винительнаго Русскаго

языка съ Винительнымъ языка Церковно-Славянскаго должна быть разсмотрѣна при сравненіи этихъ языковъ.

На основаніи того же ослабленія личной стороны и усиленія стороны объективной, — Звательный падежъ во множественномъ не существуетъ.

Подробное разсмотрѣніе другихъ падежей множественнаго числа и вообще склоненія Имени, также относится къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ объ Имени.

Кромѣ указанныхъ окончаній на ъ, а, о,—буквы, на которыя оканчиваются имена мужескаго, женскаго и средняго родовъ, — есть еще окончаніе, о которомъ уже было сказано: это окончаніе именъ на букву и, въ нашемъ языкѣ являющуюся сокращенно, какъ ь. И есть окончаніе именъ женскаго рода. Въ нашемъ вступленіи мы показали значеніе буквы: и. Мы видѣли, что она соотвѣтствуетъ буквѣ: ъ, съ тою важною разницею, что буква: ъ, заключаетъ въ себѣ оба элемента: гласный и согласный, — отрицательно, отвлеченно, а буква: и, заключаетъ въ себѣ тѣже оба элемента—положительно, осуществленно. Понятно послѣ этого, что буква: и, какъ буква выразившаяся, дѣйствительная, есть окончаніе именъ женскаго рода. Это окончательное и выговаривается въ нашемъ русскомъ языкѣ, какъ ь. Но этого ь не надо смѣшивать съ ь, на которое оканчиваются имена мужескаго рода. Ь мужеское—есть смягченное ъ; ь женское—есть ничто иное, какъ сокращенное или усѣченное при произношеніи, и (*). Какъ въ ь можетъ всегда выступить и, ибо тамъ оно тайно присутствуетъ, такъ и можетъ, по соотвѣтствію своему, всегда сократиться и про-

(*) Или лучше: ь—это сама буква и, заключающая въ себѣ положительно, и потому перемѣнно, оба элемента: и гласный и согласный, но здѣсь доходящая, съ своей стороны, до предѣловъ звука, и являющая современно, а потому отрицательно (какъ ъ), оба элемента: и гласный и согласный, при чемъ однако сохраняется характеристическій звукъ буквы и,— что́ и есть: ь.

изнестись, какъ *ь*. Но это постоянное сродство, вытекающее изъ общаго сродства *ъ* и *и*, не измѣняетъ нисколько разницы, находящейся между *ь*, смягченнымъ *ъ* (въ именахъ мужескаго рода) и между *ь*, только сокращеннымъ въ произношеніи, *и* (въ именахъ женскаго рода). Въ доказательство этому, а также и тому, что *и* есть окончаніе женскаго рода,—мы уже указали въ своемъ мѣстѣ на всѣ неопредѣленныя наклоненія глаголовъ, оканчивающіяся первоначально на *и* (что́ удержалось и до сихъ поръ во многихъ случаяхъ), которыя всѣ и переходятъ въ имена женскаго рода, при чемъ *и* обыкновенно въ произношеніи сокращается. Само собою разумѣется, что при тонкости различія этихъ двухъ *ь*, употребленіе можетъ иногда становиться шаткимъ; но основаніе отъ этого нисколько не колеблется и дѣло не измѣняется.

Цѣлый отдѣльный рядъ именъ женскаго рода оканчивается на *и* (*ь*). ***И*** (*ь*), окончаніе особое, отличное отъ другихъ, производитъ особое, отличное отъ другихъ, склоненіе, которое и назовемъ мы *четвертымъ*. Мы уже сказали, что *и*, какъ окончательная буква именъ женскаго рода, является у насъ сокращеннымъ въ произношеніи, какъ *ь*, поэтому мы принимаемъ и пишемъ оное въ этомъ усѣченномъ видѣ.

Склоненіе IV.

Имена женскаго рода на *И*.

	Числ. Ед.	Чис. Мн.	Чис. Дв.
Именительный	— — *ь* (*и*)	— — *и*.	*и*
Родительный	— — *и*	— — — *и-й* (*й*)	*и-ю* (*ь-ю*).
Винительный	— — *ь* (*и*)	— — Им. для одуш. Род. для неодуш.	какъ Им.
Дательный	— — *и*	— — — *и-мъ*, *ь-мъ*	*и-ма*, (*ь-ма*).
Творительный	— — *и-ю*(*ь-ю*)	— *и-ми*, (*ь-ми*)	*и-ма*, (*ь-ма*).
Мѣстный	— — *и*	— — — *и-хъ*, (*ь-хъ*)	*и-ю*, (*ь-ю*).
Звательный	— — *и*	——— какъ Им. (теп. не уп.)	*и*

Примѣръ.

	Ч. Ед.	Ч. Мн.	Ч. Дв.
П. И.	двер-*ь*	двер-*и*	— — двер-*и*
—Р.	двер-*и*	двери-*й* (двере-*й*)	— — двери-*ю*, дверь-*ю*
—В.	двер-*ь*	двер-*и*	— — двер-*и*
—Д.	двер-*и*	двери-*мъ* (дверь-*мъ*)	— — двери-*ма*, дверь-*ма*
—Т.	двери-*ю* (*ью*)	двери-*ми* дверь-*ми*,	— — двери-*ма*, дверь-*ма*
—М.	двер-*и*	двери-*хъ* (дверь-*хъ*)	— — двер-*ию*, дверь-*ю*
—З.	двер-*ь*	двер-*и*	— — — — двер-*и*.

Въ современномъ Русскомъ употребленіи только два падежа множественнаго числа, Дательный и Мѣстный, не соблюдены и замѣнены падежами множественнаго числа втораго склоненія (Дат. *ямъ*, Мѣст. *яхъ*: *двер-ямъ*, *двер-яхъ*). Всѣ остальные удержались въ своемъ настоящемъ видѣ, въ какомъ можемъ видѣть ихъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ и въ древней Русской письменности. Сокращенное: *дверью*, не есть неправильность; слово сверхъ того можетъ всегда сказаться въ своемъ полномъ видѣ: *дверію*. Вліяніе произношенія: *дверей*, тоже не есть неправильность, а дѣло одного (даже мѣстнаго областнаго) благозвучія. — Творительный падежъ множественнаго, если и употребляется неправильно: *дверями*, то за то употребляется, и еще предпочтительнѣе, — въ правильномъ своемъ видѣ: *дверьми*; сокращеніе, здѣсь являющееся, видимъ уже въ Остромировомъ Евангеліи и въ памятникахъ древней Русской письменности.

Объясненія.

Склоненіе именъ женскаго рода, оканчивающихся на *и*, или въ сокращенномъ видѣ *ь*, отличается, какъ видимъ, рѣзко, отъ другихъ склоненій своимъ окончаніемъ въ падежахъ. Для объясненія этого склоненія, вспомнимъ, что *и* положительно соединяетъ въ себѣ то, что *ъ* соединяетъ отрицательно, то есть: согласный и гласный элементы; что если *ъ* не могъ самъ *измѣняться*, а могъ,

какъ отрицательная буква, вездѣ глухо слышимая, *допускать при себѣ измѣняющія* окончанія падежей и смыкаться съ ними, то *и*, напротивъ, какъ звукъ положительный, допускать при себѣ измѣняющихъ окончаній и смыкаться съ ними — вовсе не можетъ: ибо оно, *и*, — звучно. Въ тоже время, разумѣется, *и*, замыкая собою слово, не можетъ, какъ и *ъ*, само измѣняться въ другую букву, которыя всѣ являютъ только одну сторону ея звука (*). — На основаніи этого и является IV-е склоненіе, гдѣ *и* не измѣняется ни въ какую букву, и проходитъ неизмѣнно сквозь все склоненіе. *Измѣняющія* буквы падежныхъ окончаній, которымъ не подчиняется *и* — отброшены, и только *прибавочныя неслитныя* буквы окончаній (гдѣ онѣ есть), примыкаютъ прямо къ неизмѣнной: *и*. Напримѣръ, окончаніе Винительнаго во II-мъ склоненіи въ именахъ женскаго рода на *у* и *ю* (что все равно). Въ четвертомъ склоненіи *и* отбрасываетъ эту измѣняющую (носовую или не носовую) букву, и окончаніе тутъ становится неизмѣннымъ: Им. *дверь*, Вин. *дверь*. — Также, окончаніе Творительнаго падежа именъ женскаго рода единственнаго числа (какъ видимъ во II-мъ склоненіи, допускающемъ измѣняемость окончательной буквы) — состоитъ изъ двухъ буквъ: одной измѣняющей и одной прибавочной: *о-ю (рук-а, рук-о-ю)*. Въ томъ же Творительномъ падежѣ IV-го склоненія единственнаго числа, — *и*, остается неизмѣннымъ, и первая измѣняющая буква совсѣмъ отбрасывается; но прибавочную послѣднюю букву: *ю*, становящуюся *только рядомъ* безъ притязанія на измѣненіе, — допускаетъ *и*, какъ боковую, равнодушную, и образуется: *и-ю (двери-ю)*; при такомъ окончаніи еще ярче является неизмѣняемость *и*. Тоже самое видимъ мы и въ четырехъ падежахъ множественнаго числа IV-го склоненія: въ Родительномъ, Творительномъ и Мѣстномъ.

Въ Именительномъ и Винительномъ единственнаго числа, *и* сокращается въ *ь*; но не сокращается въ Родительномъ и прочихъ падежахъ того же числа. Хотя это сокращеніе происходитъ уже отъ употребленія въ рѣчи и не измѣняетъ дѣла; но и употребленіе это замѣчательно и нуждается въ объясненіи. — Въ Именитель-

(*) Когда *и* сокращается въ *ь*, или переходитъ въ *е (княженей)* — это не значитъ, что оно измѣняется въ *другую* букву; это *его собственныя* видоизмѣненія въ *произношеніи*.

номъ *и* сокращается просто потому, что имѣетъ способность сокращаться.—Родительный именъ женскаго рода оканчивается (какъ мы видѣли во II-мъ склоненіи) на *и*. *И* (IV-го склоненія) хотя и отбрасываетъ это второе: *и*, какъ отдѣльное, и произносится одно; но присутствіе или возможность другаго *и*, буквы сродной, утверждаетъ, такъ сказать, за нимъ это его полногласіе *(и)* и удерживаетъ отъ сокращенія. Къ тому же, *и* съ *и*, всегда можетъ слиться; *и* — себѣ равно. Мы думаемъ, такое слитіе здѣсь возможно.—Падежъ Винительный оканчивается на носовой звукъ, или на *у*. Откидывая эту букву, съ которой не имѣетъ сродства, *и*, оставаясь одно, опять сокращается.—Падежи Дательный и Мѣстный оканчиваются на *ѣ*, даже въ именахъ на *о*; слѣдовательно, *ѣ* есть существенное окончаніе, независимое отъ Именительнаго смягченнаго: *я*,—не такое, какъ напр. *ю* въ Винительномъ падежѣ, которое именно зависитъ отъ смягченнаго Именительнаго, будучи въ сущности (и въ другихъ именахъ): *у*.—Въ этомъ окончаніи Дательнаго и Мѣстнаго *ѣ*, слышно *и*, которое даже и прямо выступаетъ въ иныхъ словахъ *(Россіи, о Россіи)*, а быть можетъ было и первоначальнымъ окончаніемъ. Слѣдовательно, на томъ же основаніи, какъ въ Родительномъ падежѣ, такъ въ падежахъ Дательномъ и Мѣстномъ, *и*, хотя и отбрасываетъ окончаніе *ѣ* (или вѣрнѣе: *и)*, какъ отдѣльное,—но удерживаетъ однако свое полногласіе и не сокращается. Въ падежѣ Творительномъ, отбрасывая измѣняющую букву: *о*, и допуская прибавочную: *ю*,—*и* опять имѣетъ возможность сокращаться, и точно иногда употребляется въ полномъ, иногда въ сокращенномъ видѣ: *дверію*, *дверью*.—Что касается до падежа Звательнаго, у насъ Русскихъ не употребительнаго, то понятно, что *и*, отбрасывая не сродное о (*е*), удерживаетъ однако свое полногласіе и не сокращается въ томъ падежѣ, который выражаетъ воззваніе и устремленіе голоса; воззванію прилично продолженіе голоса; буква гласная, звучная, здѣсь необходима.—Въ двойственномъ и множественномъ числѣ, въ падежахъ Именительномъ и Винительномъ, *и* не сокращается на основаніи уже означенной причины, то есть: сродства своего съ *и* же, на которое оканчиваются эти падежи.—Въ Родительномъ и Мѣстномъ двойственнаго, *и* должно было бы откинуть *у*, букву измѣняющую, но мы знаемъ и другую форму, вѣроятно древнѣйшую, по которой *у* есть буква прибавочная,

(напримѣръ, двойственнаго Родительный и Мѣстный: *рукою*, вмѣсто: *руку)*. На основаніи этого, *и*, откидывая измѣняющую *о*, допускаетъ прибавочную: *ю (у)*, и на томъ же основаніи, какъ въ Творительномъ единственнаго,—можетъ сокращаться.—Въ падежахъ Дательномъ и Творительномъ двойственнаго и множественнаго, и Мѣстномъ множественнаго, оканчивающихся на *ма*, *мъ*, *ми*, *хъ*,—*и* допускаетъ эти прибавочныя окончанія: *ма*, *мъ*, *ми*, *хъ*,— и по этому вновь получаетъ возможность сокращаться (*). И такъ, въ означенныхъ четырехъ падежахъ, *и* можетъ сократиться, и въ этомъ сокращенномъ видѣ мы и находимъ оное здѣсь даже въ языкѣ Церковно-Славянскомъ. Въ языкѣ Русскомъ неловкость произношенія Дательнаго и Мѣстнаго, напримѣръ: *дверьмъ*, *дверьхъ*,—произвело то, что вмѣсто этихъ окончаній, стало неправильно употребляться: *дверямъ*, *дверяхъ*: но въ Творительномъ падежѣ, гдѣ произношеніе не представляетъ такой трудности, говорится и теперь: *дверьми*, хотя и здѣсь, какъ злоупотребленіе, входитъ: *дверями*. Что касается до Родительнаго падежа множественнаго числа, о немъ надо сказать особо. Родительный множественнаго числа въ именахъ женскаго рода оканчивается обыкновенно на *ъ* (см. II-е склоненіе), который здѣсь является измѣняющею буквою, напримѣръ: *рук-а*, *рук-ъ*. *И*, не допуская измѣняющей буквы вообще, должно отбросить *ъ*; но между *и* и *ъ* есть также сродство, а мы видимъ, что подобное сродство имѣетъ вліяніе на букву *и*, удерживаетъ ея полногласіе и препятствуетъ сокращаться.—И такъ сродство между *и* и *ъ* должно ли обозначиться такъ, какъ въ другихъ падежахъ, то есть: черезъ удержаніе *и* въ его полногласіи и удаленіе сродственной буквы (или вѣроятнѣе черезъ слитіе съ нею въ одно прочное *и)*? Но въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа сродство это другаго рода. Въ другихъ падежахъ (см. выше) являлось окончательною измѣняющею буквою *и* или *ъ*, слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ—таже положительная буква *и*, по этому отношеніе положительное и прямое. Здѣсь же

(*) Когда говоримъ, что *и* сокращается, это не значитъ, что оно *должно* сокращаться, но что *можетъ* сокращаться. При совершенномъ же несокращеніи его—есть уже причины его несокращенія, этого необходимо требующія, на которыя мы указали.

напротивъ является отрицательная, но сродственная буква: ъ. Отношеніе къ *и* здѣсь иное, противоположное.—Какъ же должно выразиться это сродство, какой видъ должно принять окончаніе падежа?—Сокращеніе, какое встрѣчается при другихъ падежахъ (см. выше), здѣсь невозможно; но сродство буквъ должно обозначиться, и обозначиться иначе. Какъ же?—Если бы *и*, подъ вліяніемъ ъ, сократилось, то это бы значило, что оно перешло въ ь; иначе перейдти, по настоящему, само оно и не можетъ при своемъ сродствѣ съ ъ. Между тѣмъ, *и* положительно не *переходитъ* въ другую букву, и гдѣ же была бы разница, какая была бы соразмѣрность между измѣненіями въ Родительномъ падежѣ множественнаго числа: *а* въ ъ или *я* въ ь—и измѣненіемъ *и* въ ь? Для того, чтобы сократиться въ ь, для *и*—присутствія ъ не нужно: въ чемъ же бы проявилось тутъ присутствіе ъ?—Перейти въ ъ—соразмѣрности было бы еще менѣе: переходъ въ чистую противоположность звука былъ бы неудовлетворителенъ, и совсѣмъ бы исключилъ *и*.—Остаться неизмѣняемымъ и полногласнымъ, и отбросить ъ, значило бы удержать свое полногласіе на основаніи того ближайшаго положительнаго сродства, какое есть между *и* и *и* или ѣ, (см. объ этомъ выше); между тѣмъ, какъ здѣсь сродство другаго рода. И такъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, *и*, не переходя въ ъ, съ одной стороны удерживается въ своемъ полногласіи, утверждается какъ *и*, вслѣдствіи сродства своего съ ъ,—съ другой, для выраженія отрицательнаго характера буквы ъ, для выраженія особаго съ нимъ сродства, допускаетъ ъ подлѣ себя; ъ, какъ обыкновенно послѣ гласныхъ, въ особенности послѣ *и*, переходитъ въ *й*. Такимъ образомъ Родительный падежъ является, какъ *ий (ій)*. Окончаніе это, вслѣдствіе произношенія только, не болѣе—переходитъ, въ Великорусскомъ языкѣ, въ *ей*: *дверій*, *дверей*.

Такимъ образомъ имѣемъ мы четыре склоненія. Три первыя для каждаго изъ трехъ родовъ именъ. Четвертое, еще сверхъ того, для именъ рода женскаго. Очевидно, что здѣсь окончанія именъ по родамъ въ Именительномъ падежѣ, образуютъ склоненія; именно: мужеское: ъ,—склоненіе I-е; женское: *а*,—склоненіе II-е; среднее: о,—склоненіе III-е. Сверхъ того еще особое окончаніе женскаго рода: *и*—склоненіе IV-е.

Общее примѣчаніе на склоненія.

Четыре склоненія, указанныя нами, объемлютъ всѣ имена. Больше склоненій нѣтъ, и признавать ихъ больше нельзя. Исключеній изъ склоненій и неправильностей—нѣтъ; вся разница является въ одномъ употребленіи, или иногда даже злоупотребленіи, что́ исключенія не составляетъ. Здѣсь намѣрены мы сдѣлать общія замѣчанія и преимущественно обратить вниманіе на одну важную особенность, встрѣчаемую въ именахъ, въ Русскомъ языкѣ,—особенность, которая даетъ поводъ грамматикамъ, или къ учрежденію новыхъ склоненій, или покрайней мѣрѣ къ признанію исключеній. Но это, по нашему мнѣнію, совершенно ошибочно, и дѣло удовлетворительно объясняется иначе.

Именительный падежъ единственнаго числа—есть первый, основный падежъ, въ которомъ опредѣлительно является Имя. Различіе родовъ обозначается необходимо въ этомъ падежѣ, ибо въ немъ предметъ является независимо, свободно отъ всякихъ отношеній, и отъ состоянія множества, во всемъ настоящемъ своемъ видѣ—и слѣдовательно въ немъ (въ Именит. падежѣ единст. числа) необходимо опредѣляется родъ предмета и имени. Поэтому имена въ Именительномъ падежѣ единственнаго числа различаются по родамъ.—Во множественномъ и вообще въ другихъ падежахъ, гдѣ выступаютъ разныя отношенія предмета, которыя собственно и опредѣляются,—эта разница въ родахъ почти не удерживается, за исключеніемъ впрочемъ Винительнаго падежа (ед. числа), который представляетъ обращенный Именительный падежъ, и въ которомъ эта разница родовъ отражается.—Вообще можно сказать, что и тогда, когда окончанія Именительнаго падежа, какъ напр: въ другихъ языкахъ, и не представляютъ рѣшительной разницы родовъ, то другіе падежи не представятъ этой разницы больше, а скорѣе меньше.

Имена, какъ мы видѣли, имѣя необходимо образовательную форму, оканчиваются на *ъ*, *а*, *о*, смягченно на *ь*, *я*, *е*, и еще на *и*. Первыя окончанія означаютъ: *мужескій*, *женской*, *средній* роды; четвертое окончаніе, сверхъ того, означаетъ женской родъ. Буквы эти, придаваемыя къ самому корню, иногда составляютъ и самую образовательную форму, иногда служатъ окончаніями образовательныхъ

формъ, придаваемыхъ къ корню; напр: *бѣг-ъ*, *бѣг-ств-о*. Во всякомъ случаѣ означенныя окончанія: *ъ*, *а*, *о*, *и*, — окончанія необходимыя, какъ бы ни было слово снабжено образовательными формами, какъ бы ни было оно составлено этимологически; окончанія эти — настоящія, *падежныя*, все одни и тѣже окончанія, безъ которыхъ слово обойтись не можетъ; въ нихъ совершается измѣненіе падежей, и они, каждое имѣя свое значеніе, остаются этому значенію вѣрны. Образовательныя формы могутъ измѣняться сами въ себѣ, вслѣдствіе этимологическихъ причинъ, но это дѣло особое; во всякомъ случаѣ, окончательною буквою имени, при всѣхъ возможныхъ этимологическихъ измѣненіяхъ слова, остается непремѣнно одна изъ означенныхъ буквъ; она измѣняется, извѣстнымъ слѣдомъ, по падежамъ; и склоненіе идетъ своимъ чередомъ, оставаясь всегда, все тѣмъ же склоненіемъ.

Такимъ образомъ въ Русскомъ языкѣ, не видимъ мы такихъ склоненій, въ которыхъ бы въ падежахъ вдругъ являлся суффиксъ, почитаемый законнымъ и правильнымъ, и свойственнымъ падежу. Нѣтъ также въ Русскомъ склоненіи такихъ нарощеній въ косвенныхъ падежахъ, которые отличаютъ ихъ отъ падежа Именительнаго Единственнаго числа и признаются грамматиками за часть темы; вслѣдствіе чего грамматики видятъ въ несходномъ съ ними Именительномъ: или сокращеніе темы или недостаточность оной, вслѣдствіе утраченной ея части. Примѣры перваго обстоятельства (т. е. падежнаго суффикса): *domu-s*, *ás'va-s*; *oppidum*, *dâna-m*, и пр. Примѣры втораго обстоятельства (неполноты темы въ Именит.): *homo*, *homin-is*, тема: *homin*; *duhitâ*, *duhitûr*, тема: *duhitâr*, и пр. Намъ возразятъ: а *время — времени*, *теля — телятти*, *небо — небеси*, а наконецъ *долови*, *домови?* — Къ объясненію этихъ-то склоненій и идемъ мы; а также и къ разсмотрѣнію, справедливы ли вообще вышесказанныя, общепринятыя теоріи.

Первый видъ слова есть, конечно его *тема*, или наиболѣе тематическій видъ его, т. е.: *корень*, къ которому придано, прямо безъ посредства, необходимое окончаніе имени, окончаніе *падежное* (разумѣется Именительнаго падежа), напр: *дол-ъ*; *бѣг-ъ*; *к(о)р-а*, *з(о)л-а*; *стекл-о*, *зл-о*; при чемъ въ корнѣ самомъ могутъ возникнуть посредствующія буквы, можетъ произойти распространеніе и даже развитіе (внутреннее); какъ отчасти это видно въ

приведенныхъ примѣрахъ. — Къ тематическимъ же Именамъ относимъ мы и производныя, такія, которыя, хотя не состоятъ изъ чистыхъ корней, которыя даже приняли въ себя посторонніе составы, но которыя окончаніе имѣютъ чистое и прямое, т. е. одно *падежное*. Напр.: *супруг-ъ*, *боец-ъ*; *женщин-а*, *невѣстк-а*; *добр-о*, *ведр-о*. Это имена тематическія, производныя. Объ этомъ впрочемъ см. подробнѣе выше.

Слово въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ, опредѣляя свой смыслъ, хотя не измѣняя его, принимаетъ нарощеніе, называемое суффиксомъ. Это нарощеніе должно, разумѣется, отразиться и во всѣхъ падежахъ, и образовать тогда суффиксное склоненіе въ отличіе отъ тематическаго; иногда образуется тутъ особое склоненіе,— особое въ томъ смыслѣ, что здѣсь, при суффиксѣ, падежное родовое окончаніе Именительнаго падежа, можетъ измѣниться на другое, и другаго уже рода. И такъ это будетъ, и второй видъ слова,—съ суффиксомъ, и второе (суффиксное) склоненіе. Слово можетъ испытать еще новое образованіе, можетъ, измѣняя одну падежную букву на другую, перейти еще въ новый видъ, въ новый родъ и въ новое склоненіе; но это будетъ продолженіе того же хода. Часто бываетъ такъ, что Именительный остается въ тематическомъ видѣ, а другіе падежи въ суффиксномъ, и склоненіе становится *составнымъ*.

Очень странно, что во всѣхъ грамматикахъ признается суффиксъ въ Именительномъ падежѣ, какъ особая принадлежность падежа Именительнаго, именно суффиксъ: *S* (Латинское: *u-s*; Греческое: *o-s*, Санскритское: *a-s*). Какъ же скоро являются, въ языкахъ, слова безъ суффикса, то грамматики считаютъ, что суффиксъ утраченъ. Точно, какъ будто первоначальный видъ слова долженъ быть непремѣнно съ суффиксомъ? Видя слово въ Именительномъ падежѣ, въ его тематическомъ видѣ, безъ суффикса,—мы напротивъ должны сказать, что оно удержалось въ *первобытномъ* видѣ, а что его *вторая* форма съ суффиксомъ, независимо отъ первой тематической, могла быть сама по себѣ устрачена.—Мы согласны даже, что слово въ тематическомъ видѣ могло быть и въ древности употребляемо съ суффикскомъ; но это древность относительная и откидывая суффиксъ, слово могло возвратить свой, все таки первобытный видъ. Но даже и хронологическія доказательства

грамматиковъ разными примѣрами — не многочисленны и не сильны. Откуда же явилось такое убѣжденіе грамматиковъ? — Откуда явилось еще болѣе странное убѣжденіе, что нарощеніе косвенныхъ падежей, въ родѣ: *hom-in-is*, есть часть темы, утраченная Именительнымъ падежемъ? Тогда какъ эти нарощенія, по нашему мнѣнію, суффиксы (о чемъ см. ниже). — Отъ того, кажется намъ, что очень рѣдко можетъ представить языкъ склоненіе слова въ формѣ тематической, и рядомъ склоненіе того же слова съ суффиксомъ. А такое двойное склоненіе могло бы много объяснить. — Теперь обратимся къ Русскому языку и къ его склоненіямъ; что найдемъ мы въ нихъ?

Скажемъ сперва, что мы вполнѣ признаемъ суффиксы при словѣ, но признаемъ также и тематическій видъ слова. Что тематическій видъ слова древнѣе его образованія съ суффиксомъ — противъ этого, кажется, трудно спорить (хотя грамматики и признаютъ, что древнѣйшій Именительный непремѣнно съ *s*, а гдѣ нѣтъ *s*, тамъ *s* утраченъ; но объ этомъ рѣчь впереди). Слово, явившись въ началѣ въ своемъ тематическомъ видѣ, потомъ въ послѣдствіи принимаетъ суффиксъ или нарощеніе, сообщающее ему личное значеніе или другой какой оттѣнокъ, и принимая этотъ суффиксъ, оно, *вмѣстѣ съ нимъ*, слѣдуетъ тому же склоненію, или же, если суффиксъ измѣнилъ видъ его и изъ мужескаго напр. сдѣлалъ женскимъ, — слѣдуетъ оно, соотвѣтственно, другому какому нибудь, но все же извѣстному склоненію, образовавшемуся уже при тематической формѣ слова. — Слово, принимая суффиксъ, принимаетъ оный во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, а не какъ оттѣнокъ такого-то падежа; съ суффиксомъ не смѣшиваются собственно окончанія падежей, которыя остаются все тѣже, придаваясь и къ суффиксу; *новаго* склоненія ни въ какомъ случаѣ не выходитъ; выходитъ одно изъ извѣстныхъ склоненій, только суффиксное. Но нарощеніе въ Именительномъ падежѣ называется, и справедливо, суффиксомъ собственно, суффиксомъ по преимуществу, ибо Именительный падежъ представляетъ настоящій видъ слова, — и собственно *своей* падежной формы, не сохраняющейся при другихъ падежахъ, *своего* падежнаго окончанія имѣть не можетъ; хотя грамматики думаютъ иначе, называя впрочемъ нарощеніе Именительнаго падежа суффиксомъ.

И такъ, признавая, что слово принимаетъ суффиксъ, какъ дальнѣйшее свое опредѣленіе, мы признаемъ, что оно *все* принимаетъ суффиксъ и вмѣстѣ съ нимъ проходитъ прежде образованное (при тематической формѣ) склоненіе. Сверхъ того мы признаемъ, что первоначальный видъ слова есть тематической, что въ немъ можетъ оно находиться и измѣняться въ языкѣ, что при немъ образуется склоненіе, по которому склоняется слово, пріобрѣтшее и суффиксъ, и наконецъ, что слово въ тематической формѣ можетъ являться въ языкѣ, вовсе не нуждаясь въ суффиксѣ; и нѣтъ никакой надобности предполагать, что суффиксъ утраченъ, когда слово находится въ тематической формѣ въ Именительномъ падежѣ (какъ это предполагаетъ Боппъ и другіе).

Въ Русскомъ языкѣ встрѣчаемъ мы тоже подобные суффиксы, но къ счастію языкъ нашъ даетъ намъ возможность понять ихъ въ настоящемъ смыслѣ. Такіе суффиксы получаютъ особенное значеніе въ склоненіи, нисколько его не измѣняя. Начнемъ съ очевиднѣйшаго при имени, о которомъ мы уже говорили. Имена мужескаго и женскаго родовъ придаютъ къ своей тематической формѣ суффиксъ: мужескаго—*инъ*, женскаго—*ина*, (*). Въ иныхъ случаяхъ тематическая ихъ форма (собств. именъ м. р.) выходитъ изъ употребленія, въ иныхъ же сохраняются обѣ. Напримѣръ, *бояринъ*; тематическій видъ этого слова: *бояръ*, не употребляется; но *Нѣмецъ* и *Нѣмчинъ* употребляется въ обоихъ видахъ. Разумѣется, склоненіе одно и тоже, именно: I-ое, какъ безъ суффикса, такъ и съ суффиксомъ.—Вмѣсто окончанія: *инъ*, придается къ именамъ мужескаго рода женское окончаніе: *ина*; слово становится тогда

(*) Значеніе *инъ* весьма понятно, это прилагательное числительное: *одинъ*; въ этомъ смыслѣ *инъ* не совсѣмъ бы можно причислить къ суффиксамъ; ибо это слово имѣетъ очень ясное и самостоятельное значеніе; но *инъ* становится суффиксомъ при именахъ, теряя уже свою опредѣленность и дѣйствуя на значеніе самаго слова, какъ оттѣнокъ. Другіе суффиксы—также большею частію мѣстоименія (см. ниже); слѣдовательно слова опредѣленныя, которыя становятся суффиксами при именахъ и теряютъ свое опредѣленное значеніе, переходя въ оттѣнокъ. Тѣмъ не менѣе суффиксъ: *инъ*,—опредѣленнѣе, и какъ оттѣнокъ, другихъ суффиксовъ. Этого не настоящаго суффикса: *инъ*, не должно смѣшивать съ настоящимъ уже суффиксомъ: *и*.—См. ниже.

въ разрядъ женскихъ именъ, и слѣдуетъ ихъ склоненію, именно II-му.—Ясный смыслъ суффикса: *инъ*, полное его присутствіе во всѣхъ падежахъ, возможность употребленія, а индѣ и самое употребленіе тематической формы, въ именахъ мужескаго рода, всегда подверженныхъ бо́льшимъ измѣненіямъ; а въ именахъ женскаго рода, что̀ еще видиѣе, параллельное употребленіе тематической формы и формы суффиксной: все это не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что здѣсь видимъ мы два примѣра склоненія, или лучше склоненіе двухъ формъ одного имени (склоненіе каждой формы отдѣльно, и производится само по себѣ).—Такимъ образомъ видимъ мы:

Ед. Числ.

И.	(Бояр-ъ)	Бояр-*ин*-ъ	Нѣмец-ъ	Нѣмч-*ин*-ъ.
Р.	(Бояр-*а*)	Боярин-*а*	Нѣмц-*а*	Нѣмчин-*а*.
В.	(Бояр-*а* (Р.))	Боярин-*а* (Р.)	Нѣмц-*а*	Нѣмчин-*а*.
Д.	(Бояр-*у*)	Боярин-*у*	Нѣмц-*у*	Нѣмчин-*у*.
Т.	(Бояр-*омъ*)	Боярин-*омъ*	Нѣмц-*омъ*	Нѣмчин-*омъ*.
М.	(Бояр-*ѣ*)	Боярин-*ѣ*	Нѣмц-*ѣ*	Нѣмчин-*ѣ*.
З.	(Бояр-*е*)	Боярин-*е*	Нѣмч-*е*	Нѣмчин-*е*.

Мн. Числ.

И.	Бояр-*(ы)а*	Боярин-*ы*	Нѣмц-*ы*	Нѣмчин-*ы*.
Р.	Бояр-*(ов)*ъ	Боярин-*овъ*	Нѣмец-ъ	Нѣмчин-*овъ*.
В.	Бояр-ъ	Боярин-*овъ*	Нѣмец-ъ	Нѣмчин-*овъ*,
Д.	Бояр-*амъ*	Боярин-*амъ*	Нѣмц-*амъ*	Нѣмчин-*амъ*.
Т.	Бояр-*ами*	Боярин-*ами*	Нѣмц-*ами*	Нѣмчин-*ама*.
М.	Бояр-*ахъ*	Боярин-*ахъ*	Нѣмц-*ахъ*	Нѣмчин-*ахъ*.
З.	Какъ Именительный.			

Склоненія женскаго рода, напр: *рыба—рыбина*, считаемъ излишнимъ приводить.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что здѣсь два склоненія, или лучше: одно склоненіе, именно I-ое, двухъ видовъ имени.—Но даже и при этихъ именахъ на *инъ*, путаются грамматики и составляютъ особое склоненіе, для именъ на *инъ*; по этому осо-

бому склоненію, имена на *инъ* откидываютъ во множественномъ *инъ* и принимаютъ *е*. При этомъ особомъ исключительномъ склоненіи приходится дѣлать оговорку и новыя исключенія: ибо *павлинъ* напр., не подходитъ подъ это склоненіе. Приходится сказать, что только тѣ имена на *инъ* имѣютъ здѣсь мѣсто, которыя означаютъ имена народовъ или сословій или жителей городовъ; но и тутъ опять надобно дѣлать новыя исключенія: *Нѣмчинъ* (нельзя же выкинуть этого слова) во множественномъ не отбрасываетъ *инъ* и не имѣетъ: *е*. Исключеніямъ и оговоркамъ нѣтъ конца, что̀ всегда неизбѣжно, когда съ внѣшней стороны смотрятъ на языкъ и руководствуются по его наружнымъ примѣтамъ, такъ сказать.—На языкъ, по нашему мнѣнію, надобно смотрѣть иначе, надо взглянуть въ него глубже, понять внутренній смыслъ употребленія, внутренній законъ жизни, и тогда всякое дѣйствіе языка получитъ стройность и разумъ, исключенія исчезнутъ сами собой; ихъ въ сущности и нѣтъ; онѣ—порожденія неловкихъ грамматикъ, которыя приходятъ къ языку съ внѣшними правилами, съ наружными мѣрками, и стараясь подвести подъ нихъ все, что не подходитъ (а при такомъ наружномъ способѣ постиженія,—разумѣется, не поддающихся явленій множество), относятъ все неподходящее къ исключеніямъ, изъ которыхъ являются новыя исключенія, и т. д.—Грамматика такая вся наполнена множествомъ внѣшнихъ правилъ съ безчисленными исключеніями, и все таки не схватываетъ языка даже и наружно, а о духѣ языка, о разумѣ его, безъ котораго нѣтъ истиннаго пониманія, ужъ и говорить нечего.—Такой взглядъ на грамматику вообще ложенъ, но онъ становится вдвое ложнымъ въ отношеніи къ нашему языку, когда правила иностранныхъ грамматикъ, совершенно чуждыя нашему языку, насильственно къ нему прилагаются и искажаютъ его до крайности. Мы стараемся держаться истиннаго, какъ мы думаемъ, взгляда.—Въ настоящемъ случаѣ смотримъ съ этой же точки зрѣнія.

Слова на *инъ* вовсе ничего не откидываютъ во множественномъ. Множественное образуется отъ тематической формы имени единственнаго числа, которая почти не употребляется (напр. *бояръ*). Форма же на *инъ*, — суффиксная форма единственнаго числа, (напр. *боярин*ъ) — наоборотъ, рѣдко употребляется во множе-

ственномъ. Но мы уже знаемъ (см. выше), что множественное на *инъ* имѣетъ возможность употребляться, и употребляется изрѣдка; примѣромъ служатъ наши грамоты, пѣсни и рѣчь народа.

Для объясненія значенія суффикса *инъ* и множественнаго на *а*, *я* или *е*; для объясненія употребленія: почему одна форма въ одномъ числѣ пропала, а другая въ другомъ осталась—мы отсылаемъ къ статьямъ: *Объемъ Имени* и *Множественное число*. Но считаемъ нужнымъ и здѣсь вкратцѣ повторить сказанное нами.

Окончаніе, *инъ* муж. р., *ина* жен. р., придаетъ имени характеръ частный, личный, безъ чего всякое имя имѣетъ, или можетъ имѣть общее родовое значеніе. Въ среднемъ родѣ такого окончанія не существуетъ, ибо личнаго значенія въ именахъ средняго рода нѣтъ, и быть не можетъ. Окончаніе,— суффиксъ: *инъ* или *ина*, образуя особое новое слово, образуетъ и особое склоненіе, которое и должно бы разсматриваться, какъ совершенно отдѣльное по употребленію; но именно употребленіе, при близкомъ значеніи самихъ словъ, сблизило и связало ихъ между собою, по крайней мѣрѣ иныя изъ нихъ, и такимъ образомъ, что откинуло единственное одного и множественное другаго. Напр.: *бояринъ* (а не *бояръ*), *бояре* (а не *бояры*); первое имя не имѣетъ (въ употребленіи) множественнаго, второе—единственнаго.—Такое распоряженіе употребленія—понятно. Это есть, по нашему мнѣнію, сосредоточеніе значенія личнаго, частнаго на единственномъ числѣ: *бояринъ*, не имѣющемъ по этому и множественнаго: *бояры*, гдѣ бы все сохранялась частность, личность, не совсѣмъ ладящая съ множествомъ и выдвигающаяся изъ него; при возвышеніи личнаго значенія въ словѣ единственнаго числа, исключена изъ употребленія первая форма: *бояръ*, имѣющая и родовое значеніе. Съ другой стороны это есть сосредоточеніе значенія общаго, совокупнаго, собирательнаго и родоваго—на числѣ множественномъ: *бояре* (т. е. бояря) или *боярa*, не имѣющемъ по этому единственнаго числа: *бояръ*, гдѣ бы и въ единственномъ сохранялось общее родовое значеніе, употребленіемъ здѣсь отъ единственнаго отнятое; при возвышеніи этого общаго родоваго значенія въ словѣ множественнаго числа исключена изъ употребленія вторая форма, съ суффиксомъ: *бояриныи*, и даже множественное на *ы*: *бояры*,— формы, имѣющія и частное, личное значеніе. Форма на *а* или *я*:

бояра, *бояря* или *бояре* (гдѣ *я* перешло въ *е* въ произношеніи), очень естественно и понятно, стала въ этомъ случаѣ исключительною формою множественнаго числа. Такое-то сосредоточеніе противоположныхъ значеній на Единственномъ и Множественномъ образовало изъ этихъ двухъ склоненій одно, по употребленію. Но по существу своему, это два особыя склоненія: тематическое и суффиксное, изъ которыхъ въ одномъ не употребляется Множественное, а въ другомъ—Единственное. Такое склоненіе, составившееся изъ двухъ, называемъ мы: *склоненіе составное*. Въ словѣ: *бояринъ* и т. п., это виднѣе, ибо самое употребленіе все же понятно: *бояръ*; но тоже самое находится и въ словахъ: *крестьянинъ*, *Калужанинъ* и пр. Надо сказать, что *инъ*, *ина* относятся къ родамъ мужескому и женскому, вообще по значенію ихъ, но что такое употребленіе, опредѣленное теперь нами, употребленіе нравственное такъ сказать, относится собственно къ именамъ одушевленнымъ мужескаго рода. Въ именахъ женскаго рода, вслѣдствіе постояннаго равновѣсія личнаго и общаго значенія, нѣтъ подобнаго сосредоточенія того или другаго значенія, какъ въ именахъ мужескаго рода, гдѣ такое употребленіе совершенно согласно съ мужескимъ свойствомъ именъ,—и по этому въ именахъ женскаго рода обѣ эти двѣ формы имѣютъ и два склоненія; напр: *рыба*, *рыбы*, и т. д.; *рыбина*, *рыбины*, и т. д. Тоже случается, когда окончаніе: *ина* переноситъ имя мужескаго рода въ разрядъ именъ рода женскаго: *молодчина*; хотя надо прибавить, что въ такомъ случаѣ не охотно употребляется множественное, даже въ именахъ женскаго рода и по формѣ и по значенію: *рыбина*, и пр.,—и еще менѣе въ именахъ женскихъ по формѣ и мужескихъ по значенію: *молодчина* и пр., что и понятно по личному значенію окончанія имени: *ина*. Но когда это окончаніе, въ употребленіи, теряетъ свое личное значеніе и вообще получаетъ уже новый смыслъ, когда суффиксъ теряетъ значеніе суффикса и становится образовательнымъ окончаніемъ,—тогда слово, становясь въ разрядъ обыкновенныхъ словъ, свободно употребляющееся и во множественномъ, напр.: *лощина* (*лоскъ*, слово, употребляется въ народѣ въ смыслѣ покатости), *вершина*, *корзина*, *плотина*.

Склоненіе именъ, принимающихъ суффиксъ *инъ*, кажется вполнѣ ясно, и сомнѣнія быть не можетъ. Мы должны быть благодарны за это нашему языку, сохранившему здѣсь смыслъ и даже

полноту употребленія. Но что если бы было въ Именительномъ: *бояръ*, въ Родительномъ: *боярина*, и т. д?—Не избѣжать бы намъ тогда въ грамматикѣ отдѣла особаго склоненія, имѣющаго нарощеніе въ Родительномъ падежѣ. Мы бы стали предполагать, что Именительный утратилъ часть темы, и т. п., и не догадались бы, что въ немъ-то именно и есть тема, что тутъ свидѣтельство особаго тематическаго склоненія, отъ котораго остался Именительный падежъ: *Бояръ*. Здѣсь мы этого не предположимъ: здѣсь и самъ Именительный имѣетъ суффиксъ (*инъ*), и слово *бояръ* еще понятно намъ въ своемъ особомъ, тематическомъ видѣ; сверхъ того слова: *Нѣмецъ* и *Нѣмчинъ* и другія, ясно раскрываютъ намъ смыслъ употребленія.—Но впереди ожидаютъ насъ подобныя затрудненія; хорошо, что языкъ нашъ и тутъ объясняетъ намъ дѣло, своимъ разумомъ и сбереженною до нашихъ временъ, древностью измѣненій и дѣйствій слова.

Обратимся теперь къ языку инородному, но, по нашему мнѣнію, самому близкому къ намъ изъ всѣхъ инородныхъ,—къ языку Латинскому. Онъ представляетъ намъ склоненіе, сходное съ разсмотрѣннымъ нами, склоненіе нѣкогда, смѣемъ сказать, болѣе ясное, чѣмъ теперь, и совершенно такое же, какъ у насъ, но объясняемое разумѣется совсѣмъ иначе. Именно склоненіе словъ, какъ напримѣръ слово: *homo*. *Homo*—Именительный падежъ; Родительный: *hominis*.—Объясняютъ, что Именительный утратилъ суффиксъ, и т. п. Мы же смѣемъ думать, что *homo*—первоначальная тематическая форма, потерявшая свое склоненіе и оставшаяся только въ Именительномъ падежѣ, но за то исключившая изъ него форму суффиксную.—*Homo* соотвѣтствуетъ нашему: *Бояръ*; а *hominis* нашему: *боярина*. (Впрочемъ здѣсь въ Латинскомъ языкѣ мы не предполагаемъ суффикса *инъ*, а сходный съ нимъ, суффиксъ *н*, котораго однако не надо смѣшивать съ *инъ*; древнѣйшая форма: *homonis*).—Какъ склонялась тематическая и первообразная форма: *homo*,—мы не знаемъ, и здѣсь удерживаемся отъ предположеній. Намъ кажется, что весьма возможно древнѣйшему предполагаемому *hom* получить на концѣ *o*, утвердившее носовую букву: *m*, и появившееся вслѣдствіе особыхъ фонетическихъ причинъ, которыя изслѣдовать также здѣсь не мѣсто.—Вообразимъ, для большей ясности сравненія, наше, напримѣръ, *бояръ*, на Латинскомъ языкѣ и

напишемъ оное Латинскими буквами, подчинивъ разумѣется Латинскому склоненію. У насъ будетъ: *Bojar*. Теперь предположимъ, что ъ образовалось въ *o*, что весьма возможно (какъ и дѣлается у Болгаръ: *человько, бояро*). Склоненіе будетъ тогда такое:

И. *Bojaro*	*homo*
Р. *Bojarinis*	*hominis*
Д. *Bojarini* и т д.	*homini*

Передъ нами совершенно Латинское склоненіе. Мы не можемъ не видать близкаго сходства и потому объясняемъ Латинское склоненіе нашимъ Русскимъ. Въ Именительномъ падежѣ: *homo*, видимъ тематическую первоначальную форму, и вовсе не сокращеніе и не утрату суффикса, а въ остальныхъ падежахъ суффиксъ: *n*. Склоненіе здѣсь по этому, *составное*. Именительный падежъ есть единственный остатокъ первоначальнаго склоненія, есть тематическій древнѣйшій видъ слова. Дальнѣйшія изслѣдованія, надѣемся, подтвердятъ эту нашу общую мысль. Здѣсь мы ссылаемся на Латинскій языкъ на-скоро, для того, чтобы объяснить самую мысль нашу, которую высказываемъ здѣсь тоже не въ полномъ ея развитіи. Доказать же нашу мысль, равно и представить ее въ полнотѣ, надѣемся ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Имена мужескаго рода имѣютъ еще особенность склоненія, о которой мы уже говорили, эта особенность—прибавочное *в*, которое кажется принадлежностью нѣкоторыхъ падежей, нѣкоторыхъ собственно въ языкѣ Церковно-Славянскомъ (именно: Дат. ед., Имен. и Род. множ.) и кажется какимъ-то *падежнымъ* суффиксомъ, чѣмъ-то страннымъ; пожалуй иные предположатъ въ остальныхъ падежахъ сокращеніе и утрату суффикса. Но произвольность употребленія этого *в* въ падежахъ и возможность употребленія его и въ другихъ, почти во всѣхъ падежахъ, возможность, существующая собственно въ русскомъ языкѣ,— все это наводитъ на мысль, что это опять суффиксъ, принятый тематическою формою слова, и обнаруживающійся въ падежахъ, слѣдовательно образующій особый рядъ падежей, особое склоненіе, рядомъ съ тематическимъ, которое (тематическое) здѣсь наиболѣе удержалось въ употребленіи. Какое же значеніе этого суффикса *в*? Въ падежѣ Родительномъ, гдѣ онъ болѣе всего присутствуетъ, объяснили мы его тѣмъ, что ъ (оконча-

ніе самаго слова) передъ другимъ ъ (падежнаго окончанія) даетъ себя слышать съ помощію *в*, самъ обращаясь тогда въ *о*. Мы признали что это *в* въ Родительномъ множ. есть только благозвучная вставочная буква для того, чтобъ ъ могъ дать голосъ, буква, которая однако и сама весьма способна перейти въ гласную и близка къ нимъ, въ особенности къ ъ и *о*. Но замѣчательно именно то, что это *в* встрѣчается не только въ Родительномъ множественнаго, гдѣ безъ *в* пропадалъ бы второй ъ, окончаніе падежное,—но и въ другихъ падежахъ, гдѣ падежное окончаніе не пропадаетъ; *в* это въ русскомъ языкѣ проходитъ даже сквозь все склоненіе. Здѣсь уже однимъ благозвучіемъ объяснить кажется нельзя, здѣсь есть въ *в* оттѣнокъ суффиксный (*сынови*, *сыновы*, *сыновомъ*, и пр.). Въ настоящее время въ языкѣ нашемъ мы не встрѣчаемъ склоненія съ *в*, за исключеніемъ Родительнаго множественнаго на *о-въ*, *е-въ*; но эту форму мы различаемъ отъ склоненія съ *в*, считая здѣсь *в* благозвучною вставочною буквою, для того, чтобъ ощутительно было падежное ъ (см. выше). Формы, напр.: *Жидова*, *Татарва*, и пр., суть формы кристаллизованныя, развѣ только намекающія на это склоненіе, также какъ слова: *Жидовинъ*, и др.— Тѣмъ не менѣе, присутствіе этого *в* во всѣхъ падежахъ склоненія въ нашемъ древнемъ языкѣ доказывается несомнѣнно граматами, рукописями, даже современною народною рѣчью—собственно во множественномъ въ формѣ на *ія* (*ья*), напр.: *зятевья*, *сыновья*, и т. д. (*). Прежде всего это доказываетъ несомнѣнно, что это *в* не есть исключительная особенность нѣкоторыхъ падежей— Именительнаго и Родительнаго множественнаго числа,—а общая принадлежность всѣхъ падежей, слѣдовательно это также нарощеніе, которое придается всему склоненію и образуетъ другой видъ его, рядомъ съ видомъ тематическимъ. Какъ же объяснять это *в*? Мы думаемъ на основаніи указанія Родительнаго множественнаго, что буква *в* возникла изъ ъ, окончанія падежа Именительнаго, постоянно остающагося при имени и не переходящаго въ падежныя окончательныя буквы, а съ ними соединяющагося только: что́ допускаетъ природа ъ; но такъ какъ ъ—окончаніе Им. над.—находится при окончаніяхъ падежныхъ и только соединился съ ними, а не исчезъ, то онъ и даетъ

(*) См. мое сочиненіе: Ломоносовъ.

себѣ голосъ и образуетъ, рядомъ съ этимъ сжатымъ склоненіемъ, другое склоненіе, гдѣ онъ слышенъ съ помощію буквы *в*, облегчающей его появленіе и сродной буквамъ гласнымъ; при этомъ *ъ* переходитъ въ *о*, а смягченный *ъ*, или *ь*, переходитъ въ смягченное *о* или *е*.—Изъ этого видно, что эта прибавочная буква *в* есть суффиксъ, ибо проходитъ сквозь все склоненіе, какъ нарощеніе самаго слова; съ другой стороны видимъ, что эта буква есть ничто иное какъ вспоможеніе для оглашающагося *ъ*, такимъ образомъ, что весь этотъ суффиксъ есть только проявленіе *ъ*, окончанія Имени мужескаго, слѣдовательно есть явленіе звуковое, уменьшающее значеніе этого нарощенія, какъ суффикса; по этому это нарощеніе съ *в*, называемъ мы полусуффиксомъ, и форму съ *в* — полусуффиксною. Намъ могутъ здѣсь сдѣлать два вопроса: 1) отъ чего склоненіе безъ суффикса *в* считаемъ мы тематическимъ и первымъ, а съ суффиксомъ *в*— вторымъ и производнымъ; почему первое не считаемъ мы скорѣе *сокращеннымъ*, а второе *полнымъ*?—На это отвѣчаемъ. Мы не утверждаемъ, которое образовалось прежде; но такъ, какъ здѣсь является возможность того и другаго, такъ какъ здѣсь разница уже собственно фонетическая, дѣло произношенія, то можемъ думать, что обѣ формы существовали рядомъ и зависѣли отъ произносящаго. Потомъ, мы думаемъ, что форма безъ *в*, какъ болѣе простая, была первоначальная, тематическая, ибо тематическій видъ слова во всѣхъ падежахъ долженъ былъ выразиться наиболѣе, въ первыя минуты слова: какъ по тому, что тема есть главное дѣло въ словѣ и его измѣненіяхъ, такъ и потому, что первоначально слово являлось сомкнутымъ, и потомъ уже развились изъ него измѣненіе и разнообразіе.—Сверхъ того, мысль нашу доказываетъ и то, что сокращеніе изъ *ва*, *вы*, не могло бы образовать простую первоначальную форму; разъ явившись, суффиксъ долженъ былъ оставить свой слѣдъ (что, надѣемся, будетъ яснѣе ниже); напротивъ изъ первоначальной формы могъ образоваться этотъ суффиксъ такимъ образомъ, какъ мы объяснили.—2) Насъ могутъ спросить: признаемъ ли мы присутствіе этого суффикса въ Именительномъ падежѣ Ед. ч.?—Нѣтъ, мы присутствія его здѣсь не находимъ и не можемъ предполагать, ибо причина образованія его, какая присутствуетъ при всѣхъ падежахъ,—при Именительномъ Ед. ч. не находится.

Но въ тоже время мы вмѣстѣ признаемъ возможность, что эта форма съ *в* могла перейдти изъ самого склоненія въ Именительный падежъ; мы находимъ эту форму въ Именительномъ падежѣ въ единородныхъ съ нами Славянскихъ языкахъ (о чемъ см. ниже). Мы предполагаемъ такую форму Именительнаго и въ нашемъ языкѣ, при чемъ она измѣняетъ нѣсколько свой видъ, что намъ кажется весьма естественнымъ, ибо это какъ бы оправдываетъ явленіе ея въ Именительномъ падежѣ, какъ новой, нѣсколько иной формы. Измѣненіе это состоитъ въ томъ, что *ъ* переходитъ въ *ь*, и форма съ *в* является какъ *о-вь* или *е-вь*. Эта измѣненная форма въ свою очередь образуетъ, согласное съ этимъ измѣненіемъ, склоненіе. Полусуффиксная форма на *ов-ь* и *ев-ь* принадлежитъ къ склоненію мужескаго рода смѣшенному. — Теперь обратимся къ самому языку, который, надѣемся, докажетъ наше мнѣніе. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ есть Дательный падежъ единственнаго числа съ суффиксомъ *в*, но этотъ падежъ, — рядомъ съ падежемъ безъ этого суффикса, съ падежемъ правильнымъ на *у*: *Господу*, *сыну*, — имѣетъ форму на *ови*, *еви*: *сынови*, *Господеви*. Что такой падежъ покрайней мѣрѣ былъ у насъ, это доказываютъ слова: *домови*, *долови* — рядомъ съ *дому*, *долу* — превратившіяся въ слова: *домой*, *долой*. Здѣсь, между прочимъ показывается, какое сокращеніе должно было образоваться изъ формы съ суффиксомъ *ь* (см. выше). — Какъ объяснить такой падежъ? Дательная форма языка Русскаго всегда и постоянно въ первомъ склоненіи: *у*. — Что эта форма: *о-ви*, *е-ви*, не есть существенный, необходимый падежъ Дательный: это видимъ даже и въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, ибо рядомъ, даже и въ немъ, находится форма на *у*, *ю*. И такъ падежъ этотъ имѣетъ особый смыслъ, особое происхожденіе; откуда же явился этотъ падежъ? — Намъ кажется, что самое окончаніе это на *ови* или *еви*, разрѣшаетъ намъ вопросъ, подтверждая высказанное нами мнѣніе; оно прямо предполагаетъ другую, особую форму слова и другой, особый Именительный падежъ, именно форму на *овь* и *евь*. Эта форма могла образоваться, какъ новое имя, изъ суффикснаго окончанія *в*, подобно тому, какъ образовалась форма: *Жидова*, *Татарва*, которая и слѣдуетъ соотвѣтствующему ей склоненію. — Форма эта на *овь* и *евь*, удержалась только, — какъ вообще дополнительная форма слова, — въ одномъ падежѣ Дательномъ Ед.

числа. Мы знаемъ, что имена, оканчивающіяся на *ь*, иногда, по неопредѣленности этого *ь*, преимущественно же побуждаемыя сверхъ того требованіями благозвучія, въ иныхъ падежахъ своихъ колеблются между склоненіемъ именъ мужескаго и женскаго рода, напр: *путь*; а иногда даже и между родами, напримѣръ слово: *степень*. Точно тоже видимъ и здѣсь. Не думаемъ, чтобъ было здѣсь колебаніе между родами,—иныя слова по крайней мѣрѣ, этого рѣшительно не допускаютъ,—но колебаніе между склоненіями, какъ въ словѣ *путь*, очень возможно; особенно же здѣсь,—предполагая Именительное: *доловь*, *домовь*, — произношеніе требуетъ: *домови*, *долови*, ибо *домовю*, *доловю* произнести трудно. Конечно при этомъ суффиксѣ *в*, кромѣ буквенной причины, есть и оттѣнокъ значенія,—ужъ и потому, что есть двѣ формы падежа,—но оттѣнокъ этотъ уловить трудно. Сколько можно судить, онъ придавалъ какую-то физіономію нарѣчія, если можно такъ сказать, какое-то личное отношеніе говорящаго къ предмету и что-то близкое, короткое въ самомъ предметѣ, что иногда выражается частицами (*то* напримѣръ), или перестановкою ударенія, напр: *добрые вы мои*; здѣсь есть разница отъ: *дóбрые*. Вотъ почему, можетъ быть, и *домови*, *долови* перешло въ нарѣчіе. Оттѣнокъ этотъ утраченъ; какъ и самый полусуффиксъ большею частію утраченъ; но онъ сохраняется однако въ полусуффиксномъ множественномъ: *сыновья*, *зятевья*, и пр. Кромѣ того въ Именительномъ того же числа суффиксъ *в* кристаллизовался въ форму имени на *ва*; но не смотря на это въ этой формѣ мы видимъ жизнь употребленія, ибо можемъ придавать эту форму на *ва* произвольно, къ тѣмъ словамъ, при которыхъ она не находится; напримѣръ, мы *можемъ* сказать: эта *Шведовà*, *Ляховà*.—Въ русскомъ языкѣ, какъ было сказано, полусуффиксъ этотъ проходитъ чрезъ все склоненіе. — Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ онъ встрѣчается не часто и только въ трехъ падежахъ: Дательномъ Единственнаго, и Именительномъ и Родительномъ множественнаго числа, также въ Родительномъ и Мѣстномъ Двойственнаго.—Изъ этого мы можемъ заключить, что Русской языкъ, въ этомъ случаѣ покрайней мѣрѣ, древнѣе Церковно-Славянскаго.

Замѣчательно, что въ Санскритскомъ языкѣ, и еще болѣе въ Зендскомъ, суффиксъ *в*, хотя неоцѣненный Боппомъ, является въ

иныхъ словахъ именно въ словѣ Санскритскомъ: *sûnus* (сынъ), въ словѣ Зендскомъ: *pas'u* (ручное животное). Въ Санскритскомъ въ падежѣ Дательномъ Единственнаго: *sûna-v-e*, *сыно-в-и*. Въ Двойственномъ въ Родительномъ и Мѣстномъ *sûn-v-ôs*, *сыно-в-у*, въ Именительномъ множ.: *sûna-v-as*: *сыно-в-е*.—Замѣчательно, что въ Творительномъ падежѣ Единственнаго—Санскритская форма: *sûnu-n-â*, но Ведическая имѣетъ *в*, *prabûha-vâ*, отъ *prabâhu*; слѣдовательно ближе къ языку Русскому. Въ Зендскомъ суффиксъ *в* слышенъ въ Ед. числѣ: въ Дательномъ: *pas-v-ê*; въ Творительномъ: *pas-v-a*, даже въ Родительномъ: *pas-v-ô*. Въ Двойственномъ въ Род. и Мѣстн. *pas-v-o*. Во множественномъ: въ Именительномъ и Винительномъ: *pas-v-ô*. Въ Родительномъ: *pas-v-anm*.—Замѣчательно, что въ Готскомъ здѣсь тоже: *suni-v-ê*.—Мѣстный въ Зендскомъ: *pasus-v-a*.

Разница между этими языками и Русскимъ состоитъ въ томъ, что тамъ этотъ суффиксъ обратился въ непремѣнную принадлежность падежей, тогда какъ у насъ онъ былъ особый видъ падежа рядомъ съ другимъ его видомъ, знакъ особаго суффикснаго склоненія.—Мы смѣемъ думать, что суффиксъ *в* кристаллизовался, какъ видно, при иныхъ словахъ, въ языкахъ Санскритскомъ и Зендскомъ, что слѣдовательно это состояніе суффикса есть позднѣйшее, сравнительно съ тѣмъ, какое мы находимъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, въ языкѣ Русскомъ назадъ тому нѣсколько столѣтій, и даже теперь; хотя конечно теперь является оно въ бѣдномъ видѣ.

Отъ именъ мужескаго рода переходимъ къ именамъ рода женскаго.—Имена женскаго рода имѣютъ также въ иныхъ словахъ тематическую форму имени и склоненія, и форму съ нарощеніемъ или суффиксомъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ мы уже видѣли, что это нарощеніе не въ томъ видѣ, какъ оно встрѣчается въ другихъ соплеменныхъ (*) языкахъ; разница очевидна. 1) Въ другихъ языкахъ обыкновенно уже не встрѣчается двойной формы, какого нибудь падежа, не только склоненія (**); а, большею частію,—непремѣнно одна, преимущественно съ нарощеніемъ. 2) Въ нашемъ

(*) Языки Индо-европейскіе называемъ мы *соплеменными*; языки Славянскаго племени, по отношенію между собою, *сродными*.

(**) Далѣе мы надѣемся найдти подобное и въ другихъ соплеменныхъ языкахъ.

языкѣ, совсѣмъ напротивъ, рядомъ съ склоненіемъ тематическимъ, идетъ склоненіе того же слова съ нарощеніемъ или суффиксомъ; эта двойственность удерживается въ употребленіи даже въ Именительномъ падежѣ (напр: *пламя, пламень)*, а это уже прямо указаніе на два окончанія и вмѣстѣ на два вида,—тематическій и суффиксный,—одного и того же слова; а отсюда уже вытекаютъ соотвѣтственно два особыя склоненія.

И такъ суффиксъ получаетъ въ нашемъ языкѣ, и въ нашемъ пониманіи, особый смыслъ—свой настоящій; онъ не есть принадлежность такого или такого падежа, чѣмъ, кристаллизовавшись, сдѣлался онъ въ другихъ языкахъ, онъ не есть, какъ думаютъ о большей части суффиксовъ, часть самой темы, а онъ есть то, что онъ есть на самомъ дѣлѣ,—прибавленіе къ самой темѣ слова, причемъ все слово уже принимаетъ новый видъ, и въ этомъ новомъ видѣ склоняется; суффиксъ самаго слова сопровождаетъ его по всѣмъ падежамъ. Мы уже видѣли, что иногда одно склоненіе, въ извѣстномъ числѣ, замѣняетъ другое, выходящее изъ употребленія; но образованіе *составнаго* склоненія и явленіе падежей съ суффиксомъ очевидно вытекаетъ изъ объясненной нами причины, изъ существованія двухъ формъ: тематической и суффиксной. Въ другихъ языкахъ—тоже самое, но кристаллизація затемнила тамъ смыслъ темы и суффикса. Ниже надѣемся разсмотрѣть это подробно и обстоятельно.

Имена женскаго рода представляютъ намъ такое же явленіе, какъ и имена мужескаго съ тою разницею, что здѣсь, въ склоненіи составномъ, видимъ мы не замѣну одной формы цѣлаго единственнаго или множественнаго числа другою формою такого же числа, но такую же замѣну между падежами (*).

Къ такимъ словамъ, сохранившимъ въ иныхъ падежахъ тематическую форму, въ иныхъ употребляющихъ форму суффиксную, относятся слова: *мать*, *дочь*,—полная (не употр.) форма: *мати*, *дочи*, по Церковно-Славянски: *мати*, *дщи*. *Мать*, *дочь*—это

(*) Мы не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь еще разъ о суффиксной формѣ именъ женскаго рода на *ина*; она такъ ощутительна, и находится въ полномъ употребленіи.—Здѣсь видимъ оба склоненія, какъ тематическое, такъ и суффиксное.

форма, тематическая: *матерь*, *дочерь* — форма суффиксная. Въ иныхъ падежахъ не употребляется форма тематическая, въ другихъ напротивъ форма суффиксная; одна другую замѣняютъ. Склоненіе можетъ быть написано такъ:

	Тем. ф.	*Суф. ф.*	*Тем. ф.*	*Суф. ф.*
И.	Мать(*и*)	(Матерь(*и*)).	Дочь(*и*)	Дочерь(*и*).
Р.	(Мати)	Матери.	(Дочи)	Дочери.
В.	Мать(*и*)	(Матерь(*и*)).	Дочь(*и*)	Дочерь(*и*)).
Д.	(Мати)	Матери.	(Дочи)	Дочери.
Т.	(Матію)	Матерію.	(Дочію)	Дочерію.
З.	Мати(*ь*)	(Матери(*ь*))	Дочи(*ь*)	(Дочери(*ь*)).

Скобками означили мы здѣсь не употребляющіеся, но предполагаемые падежи. Во множественномъ тематическая форма вовсе не употребляется, а только форма суффиксная: *Матери*, *дочери*.

И такъ здѣсь опять видимъ, и два вида слова, и, по этому, два склоненія, изъ которыхъ, чрезъ употребленіе, образуется одно, — составное. Что касается до буквенной, наружной возможности склоненія, то слово: *мать*, соотвѣтствуетъ и можетъ склоняться, какъ *знать*; *дочь*, какъ *ночь*; а *матерь* и *дочерь*, какъ *дверь*. Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ находимъ такое же соотвѣтствіе въ падежахъ между тематическою формою и суффиксною, кромѣ Винительнаго единственнаго числа, гдѣ употребляется въ Церковно-Славянскомъ форма суффиксная. — Въ языкѣ Санскритскомъ и Зендскомъ тематическая форма удержалась только въ Именительномъ единственнаго числа; въ остальныхъ падежахъ вездѣ суффиксъ, даже въ Звательномъ, гдѣ выступаетъ въ иныхъ словахъ тематическая форма. — Въ языкахъ же Греческомъ, Латинскомъ и Германскихъ, суффиксъ *р (r)* находится во всѣхъ падежахъ; слѣдовательно первобытная тематическая форма исчезла тамъ совершенно. — Боппъ, который объясняетъ Именительный падежъ: *mâtâ´*, *duhitâ´*, также: *dâtâ´* (*dator*) и др., тѣмъ, что Именительный падежъ *отбрасываетъ r (р)*, не можетъ однакоже не признать склоненія Греческаго, гдѣ Именительный удерживаетъ *r (р)*, — склоненіемъ древнѣйшимъ, и потому приходитъ къ такому мнѣнію, что Именительный падежъ въ позднѣйшее время *опять* принялъ древній *r (р.)*. — Такое объясненіе кажет-

ся намъ довольно произвольнымъ и насильственнымъ (*).—Съ словами: *мать* и *дочь*, Боппъ сближаетъ слова: *pitâ'*, *bʰrâ'tâ*, *pater*, *frater* и др.; также: *dâtâ'*, *dator*, и др.—Замѣчательно, что *pater*, *отецъ*, сохранилось у насъ только въ уменьшительномъ: *Бат-юшка*, соотвѣтствующемъ уменьшительному: *мат-ушка*. Тема слова очевидно: *бат*, которое является, какъ *pitâ'* въ Санскритскомъ языкѣ, какъ *πατήρ*, *pater*, въ Греческомъ и Латинскомъ. Слово же: *братъ*, имѣющее въ другихъ языкахъ суффиксъ *р.*, осталось въ нашемъ языкѣ въ тематической формѣ, и такъ и склоняется.—Что же касается до соотвѣтствія съ *dâtâ'* и *dator*, то суффиксъ,—здѣсь уже ясная образовательная форма: *аръ*, *арь*,—выражаетъ у насъ личное дѣятельное отношеніе къ вещи: *виноградъ*—*виноградарь*; *рыба*—*рыбарь*; *бочка*, *боч-арь*; *песъ*—*псарь*.—Здѣсь, это уже не суффиксъ, а образовательная форма, *перемѣняющая* значеніе слова, и поэтому здѣсь эта форма необходима и не откидывается; вначалѣ иногда такая форма бываетъ суффиксомъ, или возникаетъ изъ суффикса, но здѣсь этого предположить нельзя.—Суффиксъ же: *е-р-ь* (собственно: *р*), въ словахъ: *мать* и *дочь*, придаетъ, какъ и всегда суффиксъ,—только *оттѣнокъ* значенію.

Въ языкѣ Церковно-Славянскомъ и Латинскомъ, Именительный и Звательный единственнаго числа, сохраняютъ тематическую форму въ приведенныхъ словахъ: *мать*, *дочь*.—Но Винительный этой формы существуетъ только въ языкѣ Русскомъ.

Есть еще слова, которыя въ языкѣ Церковно-Славянскомъ имѣютъ въ Именительномъ и Звательномъ единственнаго числа, тематическую форму, а въ другихъ падежахъ суффиксную; въ Русскомъ языкѣ они не имѣютъ этой разницы. Слова эти: *любы*, *церкы*, *неплоды*, *свекры*, и нѣкоторыя другія. Суффиксъ, выступающій въ другихъ падежахъ, это *в*.—Намъ кажется это *в*, возникшимъ изъ *ы*; напримѣръ: четыре и четверо; *в* возникаетъ изъ *ъ* въ склоненіи мужескаго рода, нами разсмотрѣнномъ; изъ того же *ъ* возникаетъ *в* и здѣсь въ буквѣ: *ы*, тѣмъ болѣе, что здѣсь склоненіе или окончанія падежей должны опираться на гласную часть *ы*, на букву *и*, при

(*) Впрочемъ, самъ Боппъ въ новомъ изданіи своей грамматики (стр. 298) отказался отъ этого своего мнѣнія, высказаннаго имъ въ первомъ изданіи (стр. 170). Теперь онъ думаетъ, что это остатокъ *пра-языка*, или лучше, *пре-языка* (Ur-sprache).

чемъ ъ, какъ бы остающійся безъ участія, не пропадаетъ, подавая свой голосъ съ *в*.—Форма здѣсь, какъ видимъ, тоже полусуффиксная форма. Эта полусуффиксная форма въ словахъ на *ы*, возникаетъ и въ Именительномъ (въ Русскомъ языкѣ),—и понятно: буква *ы* содержитъ въ себѣ и ъ и *и* окончательное, слѣдовательно ъ, передъ *и*, могъ огласиться и образовать полусуффиксную форму съ *в*, тогда какъ въ Именит. именъ муж. р. на ъ,—ъ, будучи единственнымъ окончаніемъ, не имѣетъ ни причины, ни возможности оглашаться; полусуффиксная же форма заходитъ изъ другихъ падежей и принимаетъ обыкновенно уже иную форму съ *о-вь*, *е-вь*. Здѣсь же эта полусуффиксная форма образуется сама по себѣ и въ Именит. ед., на сказанныхъ основаніяхъ. Не пишучи здѣсь грамматики Церковно-Славянскаго языка, мы не будемъ здѣсь разсматривать въ немъ падежи этого склоненія. — *Любы* и др., оканчиваясь на *ы*, оканчивается на *и*. Оно должно было бы склоняться какъ и другія слова этого склоненія, но *и*, хотя и откидываетъ окончанія измѣняющія, однако испытываетъ ихъ вліяніе, какъ мы это видѣли выше. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ мы видимъ: *любы*, *любве*.—Въ языкѣ Русскомъ теперь нѣтъ окончанія на *ы*. Въ немъ видимъ мы прямо *форму полусуффиксную*, и въ Именительномъ падежѣ единственнаго. Въ древнихъ рукописяхъ: *любви*, *церкви*, и др.; позднѣе въ сокращенномъ видѣ: *любовь*, *церковь*, и др. Слова эти склоняются, какъ и другія IV-го Склоненія. Впрочемъ мы можемъ предположить, что у насъ было склоненіе тематическое на *ы* или, вѣрнѣе на *и*, напримѣръ: *люби* или *любь*, которое могло склоняться въ тематическомъ своемъ видѣ, какъ напр.: *глубь*. *Любь*—форма даже теперь для насъ возможная; на существованіе этой формы и ея склоненія наводитъ насъ выраженіе, встрѣчающееся въ древней пѣснѣ: *до люби я молодца пожалую*,—выраженіе: *до люби*, соотвѣтствуетъ другому древнему выраженію: *до воли*. *До воли*, значитъ до того, сколько хочетъ человѣкъ; *до люби*—до того, сколько любитъ человѣкъ. Выраженіе: *до люби*, прямо являетъ Родительный падежъ: *люби*, падежъ отъ имени *любь* или *люби* (*люби* тождественно съ *любы*),— формы тематической.— И такъ въ нашемъ языкѣ тоже открываемъ мы здѣсь тематическую форму, рядомъ съ формою суффиксною, именно напр.: *люби* или *любь*, и *любви* или *любовь*.—*Любь* образовано прямо изъ корня слова, какъ *глубь*, *даль*

и пр.—Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ тематическая форма оканчивается на *ы*; хотя здѣсь самое *ы* могло бы намекать уже на форму производную или суффиксную, но самостоятельную возможность окончанія на *ы*, которое есть *ъ-і*, нельзя отвергать. Можно предположить также, что эта тематическая форма: *любы*, и др. не смотря на окончаніе *ы*, могла склоняться въ своемъ тематическомъ видѣ, не образуя полусуффикса,—хотя естественность его возникновенія при *ы* понятна,—слѣдовательно, оставаясь неизмѣнною; суффиксная же форма склонялась, какъ обыкновенно, особо. Предположивъ неизмѣнное склоненіе на *ы*, мы невольно поражены сходствомъ, какое имѣетъ съ этимъ склоненіемъ пятое Латинское склоненіе на *и*, напр.: *cornu*. Многое заставляетъ предполагать, что *и* Латинское произносилось какъ наше *ы*, или приблизительно къ нему. Впрочемъ это требуетъ изслѣдованія.—Вообще полусуффиксъ *в* въ словахъ женскаго рода имѣетъ соотвѣтствіе съ такимъ же полусуффиксомъ въ словахъ мужескаго рода (см. в.).

Отъ Именъ женскаго рода переходимъ къ именамъ средняго. Здѣсь видимъ еще яснѣе тематическую и суффиксную форму.

Всѣ имена средняго рода, оканчивающіяся на *мя*,—какъ это обыкновенно приняли писать: *время*, *сѣмя* и пр.,—имѣютъ и тематическую и суффиксную форму.

Прежде всего мы должны отвѣчать на вопросъ, естественно возникающій: какимъ образомъ могло явиться въ среднемъ родѣ окончаніе на *я*, тогда какъ *я* есть окончательная буква именъ женскаго рода?—Но это *я* есть одно начертаніе; буква же, на которую оканчиваются слова, такъ пишущіяся, есть *е* (смотри мою статью о правописаніи). Это *я* перешло къ намъ изъ орѳографіи Церковно-Славянской, гдѣ оно пишется буквою не *я*, образовавшеюся изъ *а*, а ѧ, имѣющимъ носовой звукъ. При отсутствіи у насъ звука носоваго, *я* и ѧ смѣшивались часто; первое часто замѣняло послѣднее; наконецъ *я* въ гражданской печати осталось одно. Носовой звукъ ѧ приблизительно можно выразить черезъ Французское *n*; очевидно по крайней мѣрѣ, что не имѣя твердаго произношенія, въ этомъ ѧ звучитъ неопредѣленно буква *я*, и мы не можемъ знать навѣрно, какому звуку гласной болѣе соотвѣтствовало оно, но, кажется, приближалось несомнѣнно къ *е*. Прислушиваясь теперь къ произношенію, напримѣръ, *имя*,—мы не

слышимъ опредѣленнаго *я*; напротивъ, скорѣе слышимъ: *е*, которое выдается съ одной стороны въ склоненіи суффиксной формы (*имени*), съ другой правильно измѣняется, какъ *е*, въ склоненіи формы тематической (*име*, *имя*, *имю*, *имемъ*). Въ доказательство можно привести и слово: *письмо*, которое очевидно тоже, что не употребительное теперь: *письмя* или *письме*; множественное суффиксное: *письмена*. Въ этомъ словѣ, при ударенiи на послѣднемъ слогѣ, обозначилось *о*, которое есть тоже что *ё* или *е*, только въ смягченiи. Высказавъ нашу мысль, что здѣсь въ окончаніи не *я*, а *е*, то есть: *ё (о)*, не слышное, по отсутствію въ немъ ударенія,— мы приступаемъ къ разбору самаго склоненія.

Склоненіе это допускаетъ почти во всѣхъ падежахъ объ формы: и тематическую и суффиксную,—и еще болѣе объясняетъ нашу мысль, что суффиксъ не есть принадлежность какого нибудь падежа, а степень, на которую восходитъ все слово; что первоначальный видъ слова есть его тема, и что слово самостоятельно въ своемъ тематическомъ видѣ и склоненіи, точно также, какъ въ своемъ суффиксномъ видѣ и склоненіи. Употребленіе можетъ забыть или предпочесть то или другое склоненіе, тотъ или другой падежъ: это ужъ дѣло употребленія; но основаніе, но правило остается тоже.—Вотъ это склоненіе; приводимъ два примѣра.

Ед. число.

Форма тем.	*Суффикс.*	*Тем.*	*Суффикс.*
И. Врем*е*	(времен*ь*).	Стрем*е*	(стремен*ь*).
Р. Врем*я*	времен*и*.	Стрем*я*	стремен*и*.
В. Врем*е*	(времен*ь*).	Стрем*е*	(стремен*ь*).
Д. Врем*ю*	времен*и*.	Стрем*ю*	стремен*и*.
Т. Врем*емъ*	временем*ъ*.	Стрем*емъ*	стременем*ъ*.
М. Врем*ѣ*	времен*и*.	Стрем*ѣ*	стремен*и*.
З. Врем*е*	(времен*ь*).	Стрем*е*	(стремен*ь*).

Склоненіе формы тематической (*време*, и пр.) рѣшительно употребляетъ народъ, а мы, воспитанные на правилахъ грамматическихъ, употребляемъ оное очень робко. Языкъ народа нашего, скажемъ мимоходомъ, несравненно древнѣе и богаче языка, которымъ ограничили *мы* свое слово, то есть: люди, т. н. образованные.— Многія выраженія народа казались нашему просвѣщенному невѣ-

жеству неправильностями, пока наука не доказала намъ, хотя еще можетъ быть не вездѣ, что мнимыя неправильности суть древнѣйшія и богатѣйшія формы слова.— Склоненіе суффиксной формы употребляется нами охотнѣе, при чемъ не употребительные его падежи: Именительный, Винительный и Звательный, замѣняемъ мы тѣми же падежами формы тематической, и употребляемъ слѣдовательно склоненіе *составное*.— Склоненіе формы суффиксной (*времени* и пр.) слѣдуетъ примѣру слова: *путь*. Здѣсь суффиксная форма есть уже, какъ это само собою видится, форма мужескаго рода. Единственные падежи, которые могли бы обличить разницу между родами мужескимъ и среднимъ (Им., Вин. и Зв.), (*) взяты изъ тематическаго, а не суффикснаго, склоненія средняго рода, и по этому могутъ какъ бы кидать тѣнь сомнѣнія; но оно здѣсь разсѣвается само собою: стоитъ вспомнить, что это *е (я)* есть только тематическая форма; а суффиксная форма, безъ всякаго сомнѣнія, есть: *ень*, *времень*, *стремень*. Эта форма здѣсь есть мужеская: имена средняго рода не могутъ оканчиваться на *ь*, а Творительный падежъ: *временемъ*, и самое употребленіе: *этому времени*, исключаетъ возможность женской формы на *и (ь)*. Къ тому же мы имѣемъ совершенно одинаковое смѣшанное склоненіе имени мужескаго рода: *путь*, выше объясненное. Наконецъ наше мнѣніе вполнѣ оправдывается, удержавшеюся, при иныхъ словахъ, даже и въ этихъ трехъ падежахъ: Именит. Вин. и Зват.,—суффиксною формою на *ень*, именно въ словѣ: *пламень*, которое совершенно употребительно.— Употребленіе, какъ видно, и здѣсь имѣетъ свое мѣсто, и только понявъ права употребленія, можемъ мы не смущаться его произвольностью и освѣщать его основными мыслями языка.— Такъ *времень*, *имень*— рѣшительно не употребительны, но *стремень*— весьма возможно для употребленія, и Русскому человѣку это не нужно доказывать; а *пламень* употребляется уже несомнѣнно. Съ другой стороны,—въ подтвержденіе, если нужно, склоненія формы тематической, можемъ мы указать на слово: *письмо*, о которомъ сейчасъ говорили. *Письмо*,—очевидно одного образованія, какъ *имя*, *пламя* и пр. — доказываетъ и правильность предположенія

(*) Въ сущности это одинъ падежъ, но мы говоримъ здѣсь: Именительный, Винительный и Звательный, принимая здѣсь три падежа, по отношенію, придаваемому слову въ рѣчи.

окончанія на *е* (о чемъ было уже сказано)—и еще, съ своей стороны, снова доказываетъ особый тематической видъ слова и цѣлое тематическое склоненіе, отсюда происходящее. Слово: *письмо́*, ярко обозначивъ букву *о*, черезъ удареніе на немъ, почти совсѣмъ вытѣснило склоненіе суффиксной формы (сохранившейся въ семъ словѣ только во множетвенномъ).—Надо при этомъ сказать, что слово: *письмо*, имѣетъ уже особенное значеніе, что̀ конечно и утвердило за нимъ, быть можетъ въ тоже время перенесши удареніе,—эту его тематическую форму. Для большей ясности считаемъ нужнымъ привести склоненіе этихъ обоихъ словъ: *пламень* и *письмо*.

	Ед. Число.			
	Тем. ф.	*Суф. ф.*	*Тем. ф.*	*Суф. ф.* (неупотр.)
И.	Пламе	Пламень	Письмо	Письмень
Р.	Пламя	Пламени	Письма	Письмени
В.	Пламе	Пламень	Письмо	Письмень
Д.	Пламю	Пламени	Письму	Письмени
Т.	Пламемъ	Пламенемъ	Письмомъ	Письменемъ
М.	Пламѣ	Пламени	Письмѣ	Письмени
З.	Пламе	Пламень	Письмо	Письмень

Образованіе множественнаго любопытно, отъ чего мы и намѣрены поговорить и немъ особо.—Множественное отъ тематической формы не употребляется. Есть одно выраженіе: *на племя́*, которое можетъ указывать на множественное тематическое отъ *племе*. Но самый смыслъ выраженія и единственность его заставляютъ насъ скорѣе признать здѣсь переходъ *е* въ *я*, какъ это бываетъ въ нашемъ языкѣ, а здѣсь можетъ быть тѣмъ легче, что окончаніе этихъ именъ произошло изъ носоваго *я* и слѣдовательно какъ бы сохраняетъ съ нимъ связь и воспоминаніе о немъ. Такой переходъ, сказали мы, бываетъ въ нашемъ языкѣ, не только буквы *е* въ *я*, но даже *о* въ *а*, что еще опредѣленнѣе. При этомъ, слову сообщается особая сила опредѣленности и частное вмѣстѣ значеніе; такъ вмѣсто: *ростъ* говорится *растъ*; но не на обумъ и не случайно. Никогда не скажутъ: этотъ человѣкъ большаго *роста*; но скажутъ напримѣръ: теперь клубникѣ самый *растъ*. Эту частность и силу опредѣленности видимъ мы и въ выраженіи: *на племя́*; но только въ этомъ выраженіи и является въ сло-

въ *племе*, на концѣ, *я* съ удареніемъ.—Надо впрочемъ сказать, что въ словѣ *письмо*, гдѣ такъ ясно обозначилось и утвердилось настоящее тематическое окончаніе слова, множественное прямо образуется по этой тематической формѣ слова: *пісьма*, и т. д., какъ: *о́кна*. Это прямо указываетъ на возможность множественнаго тематическаго, которую мы вполнѣ признаемъ, но которая, по затруднительности склоненія (И. мн: *время*, Р. мн: *времь*, и пр.), въ употребленіи не встрѣчается.

И такъ въ употребленіи находится множественное, образованное изъ формы суффиксной.—Но здѣсь мы встрѣчаемъ такую особенность, которую слѣдуетъ объяснить. Множественное отъ формы суффиксной на *ень*, должно быть на *ени*, какъ: *пути*; но это множественное не употребляется, быть можетъ потому, что Именительный падежъ формы суффиксной, на *ень*, не употребляется и въ единственномъ; въ подтвержденіе этому можемъ сказать, что въ словѣ *пламень*, утвердившемся въ Имен. падежѣ, возможно, даже и въ употребленіи, множественное: *пламени*. Но въ другихъ словахъ такое употребленіе вовсе не имѣется. Правда, мы можемъ допустить еще образованіе множественнаго собирательнаго: *временье*, *съменье*, или лучше: *временья*, *съменья* (*временье*, *съменье* переходитъ уже въ новое имя); но такое множественное, если и возможно,—тоже не употребительно. Вмѣсто всѣхъ этихъ формъ во множественномъ употребляется постоянно, окончаніе на *ена*: *времена*, *съмена*, и пр. Суффиксъ здѣсь очевиденъ, но окончаніе не соотвѣтствуетъ суффиксной формѣ на *ень*.—Откуда же взялась эта не соотвѣтственная форма? Для нея надо предположить новую суффиксную форму въ единственномъ: на *ено*. Народное употребленіе вполнѣ подтверждаетъ это, впрочемъ естественное, предположеніе. Въ древней пѣсни нашей встрѣчается: *стремено*, которое разумѣется, и склоняется въ единственномъ, какъ имя средняго рода, оканчивающееся на *о* (*окно*). Въ пѣсни сказано: «плечо о плечо, *стремено* въ *стремено* богатырское». И такъ, кромѣ тематической формы на *ме* (*стреме*), кромѣ суффиксной на *мень* (*стремень*) есть еще суффиксная на *мено* (*стремено*), изъ которой и образуется употребительное множественное на *мена* (*стремена*). Эту суффиксную форму на *мено*, предполагаемъ мы у всѣхъ именъ средняго рода на *ме*. При богатствѣ формъ этихъ именъ (ихъ

три формы), эта форма почти вовсе не употребляется теперь въ единственномъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что у ней, какъ и у каждой формы, былъ свой оттѣнокъ, ощутительный для насъ даже и теперь,—оттѣнокъ, обозначать который подробно мы здѣсь не станемъ, а скажемъ только, что суффиксная форма придаетъ имени частность и опредѣленность. Но не употребляясь въ единственномъ, эта форма за то во множественномъ своемъ: *мена*, находится во всеобщемъ употребленіи.—Въ Чешскомъ языкѣ, и въ др. Славянскихъ, она утвердилась и въ единственномъ, напр.: *Iteno*.—Въ словѣ: *письмо*,—множественное: *письма*; но есть и суффиксная форма во множественномъ: *письмена*. Въ единственномъ суффиксная форма отъ этого слова, какъ на *ень*, такъ и на *ено*, вообще рѣдко употребительна. Въ Именительномъ же падежѣ единственнаго скорѣе можно сказать на *ено*, чѣмъ на *ень*.—Если мы обратимъ вниманіе, то намъ станетъ ясно, почему вторая форма исчезла изъ употребленія въ единственномъ числѣ. *Письма* и *письмена* имѣютъ разное значеніе: *письмо* значитъ извѣстнаго рода писаніе, обращенное отъ лица къ лицу, между тѣмъ, какъ *письмена*, ограничивая понятіе писанія, просто означаетъ начертаніе буквъ вообще, слѣдовательно уже значеніе собирательное. Единственное число при означеніи писанія извѣстнаго рода—необходимо, и отъ него образуется естественно свое множественное. Но при общемъ и, такъ сказать, собирательномъ, значеніи начертанія буквъ, нѣтъ необходимости единственнаго числа, а множественное вполнѣ соотвѣтствуетъ этому значенію. По этому единственное число отъ слова: *письмена*, не употребительно, а употребительно множественное, гдѣ слово уже и по своему суффиксному значенію (на *ено*) и по употребленію конечно, разнится отъ слова: *письмо*, мн. *пи́сьма*.

Примѣчаніе. Здѣсь кстати сказать объ образованіи самихъ этихъ словъ средняго рода на *ме*. Если мы обратимъ на нихъ вниманіе, то увидимъ, что это причастія страдательныя. Такъ: *съмя*, очевидно: *съемо*; *письмо*—*писомо* или *пишемо*; *пламе*—*плаемо*, и т. д. Но откуда же явился носовой звукъ въ языкѣ Церковно-Славянскомъ? На это могли быть свои причины, которыя должна изслѣдовать фонетика буквъ. Здѣсь этотъ звукъ носовой какъ бы оправданъ суффиксомъ:

н. Но часто носовой звукъ языка Церковно-Славянскаго не имѣетъ у насъ даже никакого отголоска.—На это мы можемъ дать еще другое объясненіе, противорѣчащее нашей мысли объ этихъ словахъ; но тѣмъ не менѣе мы хотимъ привести это объясненіе, для свѣдѣнія. Основной нашей мысли о тематической и суффиксной формѣ словъ,— оно, впрочемъ, не противорѣчитъ; оно измѣняетъ только приложеніе этой мысли къ словамъ на *ме*; но образованіе ихъ въ причастія даетъ къ тому достаточный поводъ, нисколько не въ предосужденіе главной мысли.—Вотъ это объясненіе. Кромѣ формы на *ме* есть при этихъ словахъ форма на *мень*, гдѣ слышно *н*, и наконецъ форма на *мено*. Откуда же взялись эти двѣ формы, въ особенности на *мено*? Припомнимъ здѣсь, что причастія въ Санскритскомъ языкѣ имѣютъ такое же окончаніе: *тапа*, которое слышно и въ Греческомъ причастіи: *μενος*.—Если признать эту форму причастія за полнѣйшую, существовавшую когда нибудь и у насъ,—въ такомъ случаѣ форма на *мено* будетъ форма первоначальная, которая, сокращаясь, прошла сквозь носовой звукъ, обозначившійся черезъ Церковно-Славянское: ѧ; но по неимѣнію этого звука у насъ, эта форма на ѧ у насъ не существуетъ. На дорогѣ сокращенія, вмѣсто того, форма на *мено* приняла у насъ видъ: *мень*, и наконецъ сократилась въ *мо* или *ме*. Это сокращеніе соотвѣтствуетъ съ сокращеніемъ самого причастія изъ *меный* въ *мый*.—Приводя это объясненіе, мы сами не признаемъ онаго и держимся высказанной прежде, мысли нашей. Но въ дѣлѣ грамматики мы сочли нужнымъ привести и эту возможную догадку для соображенія. — Въ опроверженіе ей скажемъ, что нѣтъ никакой причины думать, что причастіе должно оканчиваться на *мено*; окончаніе *но*—у насъ характеристика причастія пришедшаго, а *мо*—настоящаго. Къ тому же, при сокращеніи изъ причастія *мено*, еслибъ оно было, гдѣ же носовой звукъ въ причастіи напр.: *любимъ*, *любима*, *любимо*? а ему кажется слѣдовало бы быть? — Во всякомъ случаѣ, нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія въ томъ, что слова на *ме* образовались изъ причастія страдательнаго и, какъ мы думаемъ, прямо изъ причастія на *мо*, принимаемаго нами за настоящую, а не сокращенную, форму причастія.

тѣмъ болѣе, что форма на *мено (стремено)*, хотя можетъ быть и древнею, но очевидно позднѣе формы на *ме* и *мо*. Любопытно прослѣдить тѣ глаголы, изъ которыхъ составились эти имена средняго рода на *ме*. Иные глаголы узнать здѣсь не трудно. Напр: *знаме—знамо*, *знаемо*: *знаю*, *бремя*, *береме—беремо*: *беру*, и пр. Но другія не такъ легко объясняются, напр.: *времe*, *теме*, *племе*, *име*. Оставляемъ въ сторонѣ на сей разъ ихъ изслѣдованіе. Наконецъ скажемъ, что при словахъ: *время*, *времени*; *съмя*, *съмени*, и пр., мы вовсе не объясняемъ этого *н*—носовымъ звукомъ; мы думаемъ, что это просто самостоятельный суффиксъ *н*, который совершенно самостоятельно и возникаетъ, подобно тому, какъ при словахъ: *пядь—пядень*, *ступа—ступень*, *парь* и *паря* (обл.)—*парень*, и пр. Носовымъ звукамъ здѣсь нѣтъ мѣста.— Вообще можно положительно сказать, что носоваго звука въ нашемъ Русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ. Онъ есть въ языкѣ Церковно-Славянскомъ, это правда. Присутствіе его тамъ, можетъ имѣть въ нашемъ языкѣ соотвѣтственное себѣ, самостоятельное, независимое явленіе, но нисколько не заглядывая въ область нашего языка. Въ самомъ языкѣ Церковно-Славянскомъ, не во всѣхъ словахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, является носовой звукъ; мы имѣемъ: *ямы*, *пламы*, сюда же относится и: *камы*. Аы—не есть носовой звукъ. *Камы* еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль о самостоятельности суффикса: *н*. Къ слову: *камень*, отъ тематической формы, мы имѣемъ уменьшительное: *кам-ушекъ*. Съ другой стороны сюда же относится слово: *кормъ*, къ которому уже никакъ не подходитъ объясненіе причастіемъ на *мено*. —И такъ еще разъ: являющійся въ разсматриваемыхъ словахъ, *н*—есть независимый отъ носоваго звука, самостоятельный суффиксъ: *н*.

Кромѣ этихъ именъ, есть другія имена средняго рода, имѣющія подобный, тематическій и суффиксный, видъ и склоненіе.—Есть цѣлый рядъ именъ, измѣняющихся одинаково такимъ образомъ. Подвести эти имена подъ одно общее, особое, окончаніе нельзя. Мы можемъ сказать одно, что имена эти двусложныя, оканчиваются двойнымъ слогомъ и притомъ на о. Именъ этихъ немного, и потому можно ихъ перечислить. Имена эти: *чудо*, *небо*, *древо*, *око*, *коло*, *слово*, *тѣло*, *ухо*. Они имѣютъ и тематическую форму, въ

которой мы привели ихъ, и суффиксную; условіями употребленія и хода образованія суффикса,— очень похожи они на имена женскаго рода на *ме*. При этой аналогіи, имена эти отчасти подтверждаютъ окончаніе на *ме* (а не на *мя*), ибо сами оканчиваются на *о*, соотвѣтствующее *е* (а не на *а*), и имѣютъ подобный суффиксъ. Въ именахъ, вышеприведенныхъ, тематическая форма на о, напримѣръ: *небо*, *слово*,—переходитъ въ суффиксную на *ес*, или лучше, *есь*; напримѣръ: *небесь*, *словесь* (подобно какъ тематическая на *ме* переходитъ въ *мень*). Вотъ образецъ тематическаго и суффикснаго склоненія этихъ словъ.

Ед. Число.

Ф. тем.	*Ф. суф.*	*Ф. тем.*	*Ф. суф.*
И. Небо	(Небесь)	Слово	(Словесь)
Р. Неб*а*	Небес*и*	Слов*а*	Словес*и*
В. Небо	(Небесь)	Слово	(Словесь)
Д. Небу	Небес*и*	Слову	Словес*и*
Т. Небом*ъ*	Небесем*ъ*	Словом*ъ*	Словесем*ъ*
М. Неб*ѣ*	Небес*и*	Слов*ѣ*	Словес*и*
З. Небо	(Небесь)	Слово	(Словесь)

Мы предполагаемъ точно на такомъ же основаніи, какъ при именахъ на *ме* (см. в.), въ Именит., Вин. и Зват. падежахъ, суффиксную форму: *небесь*, *словесь*, и т. д. (какъ *пламень*), и точно потому же считаемъ эту суффиксную форму—мужескаго рода, хотя и нѣтъ здѣсь такого яркаго подтвержденія нашей мысли, какое представляетъ слово: *пламень*. За то первая, тематическая форма у насъ употребляется не только безспорно во *всѣхъ* падежахъ, но даже преимущественно передъ суффиксною формою, которая впрочемъ для насъ вполнѣ возможна и, за исключеніемъ трехъ падежей: И. В. и З., находится также въ употребленіи. Мысль наша о суффиксахъ прилагается здѣсь вполнѣ; это не *суффиксы падежей*, а видъ цѣлаго имени, перешедшаго изъ тематической формы въ суффиксную, причемъ является и особое тематическое и особое суффиксное склоненіе, изъ которыхъ, какъ мы уже видѣли, употребленіе не рѣдко выбираетъ тѣ или другіе падежи, а тѣ или другіе оставляетъ, и образуетъ иногда склоненіе составное.—Множественное число представляетъ, въ словахъ этихъ, также любопытное

явленіе и сходное съ множественнымъ словъ на *ме*. Множественное тематическое весьма употребительно въ иныхъ именахъ, напр.: *слова*, *тѣла*, *древа (дерева)*; въ другихъ менѣе, напр.: *чуда*, *кола* (самое слово: *коло*, мало употребительно); множественное не употребительно въ словѣ: *небо*. Въ словахъ: *ухо*, *око*, употребляется тематическое двойственное, сохранившееся у насъ доселѣ въ Именит. Вин. и Зват.: *уши*, *очи*, исказившееся въ Род.: *ушей*, *очей*—*ушію*, *очію*, и слѣдующее обыкновенному, но все тематическому множественному въ другихъ падежахъ, сохраняя впрочемъ мягкія: *ш* и *ч*.—Множественное суффиксное, отъ *небесь*, *словесь* и пр., также неупотребительно, какъ и въ именахъ на *ме*. И точно также, какъ въ нихъ, употребляется множественное суффиксное, но образованное изъ другой суффиксной формы ед. числа; это множественное: *небеса*, *словеса*. Такое суффиксное множественное употребительно во всѣхъ приведенныхъ словахъ, болѣе или менѣе. Это множественное предполагаетъ форму суффиксную единственаго: *небесо*, *словесо* (какъ: *времено*, *знамено*; см. в.). И точно; въ подтвержденіе нашей мысли, и въ этихъ именахъ, въ одномъ, сохранилась, эта суффиксная форма, именно въ словѣ: *коло*—*колесо*, какъ *стремено*.—*Коло* вышло у насъ изъ употребленія, и *колесо* замѣнило оное; но *коло* употреблялось у насъ и во множественномъ по тематической формѣ; у Нестора: *кола* (*). Впрочемъ народъ до сихъ поръ если и не вездѣ, употребляетъ: *коло* (**).—Множественное на *еса*, хотя и вообще употребительно, но не въ равной степени. *Небеса* и *чудеса* употребительны вполнѣ: *словеса*, и *тѣлеса*, *древеса*, *ушеса*, *очеса*,—менѣе, и не столько употребляются, сколько возможны въ употребленіи. *Колёса* — вполнѣ употребительно; но удареніе переносится съ *а* на *е*.

И такъ здѣсь мы видимъ тематическую форму на о, суффиксную на *есь*, отъ которой употребляются многія падежи ед. ч., и еще суффиксную на *есо*, въ употребленіи сохранившуюся въ словѣ: *колесо*. Множественное употребляется отъ тематической на *о* и отъ суффиксной формы на *есо*. — Что касается до значенія, сообщаемаго слову формою суффиксною, то мы думаемъ, что оно

(*) П. С. Р. Л. Т. 1. стр. 54.

(**) См. Областный Словарь.

придаетъ опредѣлительность и частность значенія, какъ мы это видѣли и выше. Это особенно явственно въ словѣ: *коло* и *колесо*; первое, *коло*, значитъ: колесо и кругъ вообще, какъ это видно въ языкахъ Славянскихъ сплеменныхъ, да и у насъ оно употребляется болѣе въ смыслѣ машиннаго колеса (*); второе, *колесо*, употребляется въ извѣстномъ частномъ значеніи. Впрочемъ въ Малороссійскомъ языкѣ *колесо* значитъ кругъ, въ смыслѣ сходки, тоже, что *коло* у Поляковъ и у Сербовъ.

Примѣчаніе. Имена тематическія и суффиксныя, все же оканчиваются на сказанныя выше окончанія: *ъ*, *а*, *о* и *и*. Эти окончанія именъ считаемъ мы самымъ высшимъ, разумнѣйшимъ въ этомъ отношеніи, строеніемъ слова, сравнительно съ которымъ устройство это въ другихъ языкахъ является какими-то отрывками,—развалинами прежняго, или невыработавшимися начатками.

Есть еще имена средняго рода, имѣющія и тематическую, и суффиксную форму. Эти имена оканчиваются на *я*. Имена на *ме* тоже пишутся у насъ *мя*; но мы видѣли, какъ неосновательно такое правописаніе; кромѣ другихъ доказательствъ, самое склоненіе подтверждаетъ въ этихъ именахъ основное окончаніе: *о*, смягченное въ нихъ, какъ *ё* или *е*.—Къ именамъ же средняго рода на *я*, о которыхъ мы теперь говоримъ, мы не совсѣмъ можемъ примѣнить этого объясненія нашего. Правда, и здѣсь окончаніе на *я* есть, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, *ѧ* носовое; но по крайней мѣрѣ произношеніе вполнѣ закрѣпило за этими словами букву *я*. Между тѣмъ, это имена средняго рода.—Тематическая ихъ форма: *я*, переходитъ въ суффиксную: *ят*, или лучше: *ять*;напримѣръ: *теля—телять*; *жеребя—жеребять*. Тематическая форма употребляется въ трехъ падежахъ, въ Именительномъ, Винительномъ и Звательномъ; въ остальныхъ падежахъ употребляется форма суффиксная: это мы видѣли и выше, но надо сказать, что здѣсь въ употребленіи вовсе не встрѣчается тематической формы въ остальныхъ падежахъ, кромѣ означенныхъ трехъ. Обстоятельство довольно важное. Мы должны предполагать ихъ (т. е. недоста-

(*) См. Обл. Словарь.

ющіе падежи), но какими, при окончаніи на *я*? и есть ли на это какія нибудь указанія? Какъ объяснить самое окончаніе *я*?— На все это, какъ и вообще на значеніе этихъ словъ средняго рода на *я*, и ихъ особенностей и видоизмѣненій, должны мы дать отвѣтъ.—Но прежде представимъ примѣръ самаго склоненія.

Ед. ч.

Фор. тем.	*Фор. суф.*	*Фор. тем.*	*Фор. суф.*
И. Теля	(Телять)	Жеребя	(Жеребять)
Р.	Теляти		Жеребяти
В. Теля	(Телять)	Жеребя	(Жеребять)
Д.	Теляти		Жеребяти
Т.	Телятемъ		Жеребятемъ
М.	Теляти		Жеребяти
З. Теля	(Телять)	Жеребя	(Жеребять)

Суффиксная форма, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, совершенно одинакова съ: *времень* и *небесь*, и затрудненія не представляетъ. Мы считаемъ слово въ этой формѣ тоже мужескаго рода; оно склоняется также, какъ *путь*. Правда у насъ не существуетъ подтвердительнаго примѣра, какъ *пламень*, но мы за то находимъ важное подтвержденіе нашему предположенію въ языкахъ Славянскихъ единоплеменныхъ, напр. въ Сербскомъ; въ этомъ языкѣ существуетъ форма: *телять*, *жеребять* и т. д.. Правда, тогда *т* измѣняется въ *д*; но эти буквы обыкновенно переходятъ одна въ другую; правда и то, что слова эти тогда— женскаго рода и склоняются какъ напр. *заповѣдь*; но это можетъ быть особенность уже Сербскаго языка; а главное—существованіе формы на *ять* въ Винительномъ падежѣ, хотя измѣненной въ *ядь*, доказывается вполнѣ.

Что касается до формы тематической, то какое можемъ мы предположить склоненіе для этой формы? Склоненіе женскаго рода *теля*, *тели*; *куря*, *кури*, и т. д.,— очевидно невозможно. Во 1) для этого не имѣемъ мы никакихъ данныхъ, и невозможность его видна съ перваго раза. Во 2) окончаніе это носовое, слѣдовательно это вѣроятно не такое *я*, которое измѣняется какъ обыкновенно; оно должно было имѣть и у насъ свое значеніе, хотя не имѣя носоваго звука.—И такъ прежде всего слѣдуетъ обратить внима-

ніе на самое окончаніе *я*.—Оно носовое: это доказываетъ языкъ Церковно-Славянской, напримѣръ: *телѧ*; это доказываетъ языкъ Польской, напр: *kurię*.—Все это заставляетъ насъ думать, что настоящее окончаніе этихъ именъ, также какъ и въ именахъ на *ме*, есть *е*; но что только произношеніе переноситъ это существенное *е* въ *я*, какъ напр: *на племя*, *рáстъ*; также можно привести въ примѣръ: *врéменный*, *времянный*; *племенной*, *племянный*, и т. д. (см. в.); мы сказали, что обыкновенно тогда придается слову частное или исключительное значеніе. Теперь вспомнимъ, что всѣ подобныя слова средняго рода на *я*, во 1) у насъ въ разговорѣ почти не употребляются; во 2) имѣютъ, быть можетъ по этому самому, какой-то особенный исключительный смыслъ. Наконецъ, въ доказательство нашего мнѣнія служитъ то, что во всѣхъ соплеменныхъ языкахъ, гдѣ слово это находится въ тематической и въ суффиксной формѣ, пишется не *ia*, а *e*, напр: *tele* въ Чешскомъ, *curię* въ Польскомъ, *теле* въ Сербскомъ, и *теле* даже въ Болгарскомъ, который считаемъ мы произшедшимъ отъ Церковно-Славянскаго. Это окончательно утверждаетъ насъ въ мысли, что настоящее окончаніе въ словахъ средняго рода на *я* есть *е*, и только черезъ произношеніе является оно, какъ *я* (*плéме*, *племя́*), при такомъ переходѣ пріобрѣтая какъ бы частное, исключительное значеніе.—Въ такомъ случаѣ намъ становится теперь понятно *я* въ именахъ средняго рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы можемъ себѣ предположить и тематическіе падежи, теперь неупотребительные. Они должны быть такіе же, какъ при именахъ на *ме*; т. е. Род. *теля*, Дательный: *телю*, и такъ далѣе; ихъ нѣтъ въ употребленіи современномъ, и до сихъ поръ мы не нашли слѣда ихъ, хотя предполагаемъ это возможнымъ.

Множественное число отъ тематической формы также вовсе не употребительно. Отъ формы суффиксной на *ять* тоже у насъ не употребляется, хотя оно есть у Сербовъ, по грамматикѣ Бабукича, но съ измѣненіемъ: не *теляти* или *телети*, а *телити*, что впрочемъ по на шемумнѣнію ни мало не опровергаетъ образованія этого множественнаго изъ суффиксной: *телеть*.—Множественное, которое у насъ употребляется, образовалось изъ суффиксной же формы, но изъ другой, совершенно подобно двумъ разрядамъ именъ средняго рода, разсмотрѣннымъ выше.—Это множественное оканчи-

вается на *ята*: *телята*, что прямо предполагаетъ форму на *ято*: *телято*.—Форма множественная на *та* употребляется и въ сопленныхъ Славянскихъ языкахъ. При чемъ въ Болгарскомъ выступаетъ и носовой звукъ: *телента*. Хотя здѣсь не встрѣчается примѣра, вполнѣ это подтверждающаго, какъ это мы видѣли при другихъ словахъ (*стремено*, *колесо*), хотя и въ соплеменныхъ языкахъ нѣтъ этой суффиксной формы, формы на *то*,—но возможность ея слышна въ языкѣ Русскомъ доселѣ; впрочемъ множественное число на неё прямо указываетъ, и этого указанія достаточно.

Такимъ образомъ и въ этихъ словахъ средняго рода на *я*, видимъ мы: форму тематическую на *я*, или лучше *е*, произносимое, какъ *я*,—форму суффиксную на *ять*, и вторую суффиксную форму на *ято*. Эти имена не представляютъ намъ такого ощутительнаго свидѣтельства о себѣ, какъ имена другія, но измѣненія ихъ несомнѣнны и поддержаны, въ замѣнъ свидѣтельствъ Русскаго языка, свидѣтельствами языковъ Славянскихъ соплеменныхъ (см. объ этомъ подробнѣе ниже). Тематическая форма (*теля* и пр.) употребляется, и то мало, только въ трехъ падежахъ ед. числа: Именительномъ, Винительномъ и Звательномъ. Форма суффиксная на *ять*, употребляется во всѣхъ падежахъ ед. числа, кромѣ трехъ означенныхъ; она также мало употребительна. Вмѣсто той и другой, въ единственномъ, говорится особая форма на *енокъ*: *теленокъ*. Во множественномъ числѣ объ сказанныя формы не употребляются. Форма же суффиксная на *ято*, не употребительная въ единственномъ, употребляется за то вполнѣ во множественномъ.

Теперь надобно сказать объ особенностяхъ значенія и употребленія словъ средняго рода на *я*.

1. Особенность этихъ словъ заключается прежде всего въ томъ, что это слова уменьшительныя: окончаніе на *я* есть окончаніе уменьшительное,—и придается къ слову, иногда существующему отвлеченно, покрайней мѣрѣ не употребительному въ своемъ настоящемъ первомъ видѣ. Сверхъ того, это окончаніе придается только къ именамъ мужескаго рода и къ именамъ предметовъ одушевленныхъ (см. ст. объ уменьш.). Значеніе этого уменьшительнаго есть не только *малое*, но *малолѣтное*, дѣтское,—вообще малое по возрасту.

2. Въ единственномъ числѣ, какъ сказали мы, и тематическая и суффиксная форма, мало употребительны. Вмѣсто нихъ употреб-

ляется особое слово, образованное изъ тематической формы на *я*. Въ этомъ новомъ словѣ, прежнее слово принимаетъ окончаніе на *енокъ*. Напр.: *теля*, *теленокъ*; *жеребя*, *жеребенокъ*, и т. д.— Это слово вполнѣ употребительное въ Русскомъ языкѣ; но только въ единственномъ числѣ. Во множественномъ оно очень можетъ употребиться, но не употребляется.—Вмѣсто него во множественномъ постоянно употребляется, и даже, можно сказать, съ особою любовію, суффиксная форма на *ята*: *телята*, *жеребята*, и такъ далѣе. Такое употребленіе понятно. Уменьшительное собственно этого значенія, показывающее малость возраста, новое возникающее племя,—во множественномъ должно имѣть собирательный характеръ, и если единичный видъ возможенъ и нашелъ себѣ выраженіе, то множественное число уже непремѣнно соединяетъ предметы, большею частію живыя маловозрастныя существа, въ одно,—въ одно племя,— выражаетъ группу, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ значеніе цѣлаго новаго поколѣнія. Это вполнѣ выражается множественнымъ на *ята*. Это множественное первоначальнѣе употребительнаго единственнаго на *енокъ*, и нисколько отъ него не происходитъ. Ему не нужно имѣть единственное на *енокъ*, чтобы образоваться; окончаніе множественнаго на *ята* прямо придается къ имени: *Французъ*—*Французята*, *Цыганъ*—*Цыганята*, и т. д.— Но само собою разумѣется, что здѣсь, отвлеченно, въ умѣ, предполагаются тѣ, не употребительныя въ дѣйствительности, формы, изъ которыхъ образуется множественное: *ята* (*Французято*, *Цыганято*). Подобныя предположенія *въ умѣ*, нерѣдко встрѣчаются въ языкѣ.—И такъ нашъ языкъ принялъ во всеобщее, главное употребленіе: для единственнаго—окончаніе на *енокъ*: *теленокъ*, для множественнаго—окончаніе на *ята*: *телята*. Между этими словами единственнаго и множественнаго нѣтъ уже никакого соединенія, кромѣ общаго одного словопроизводства.

Есть одно слово того же уменьшительнаго образованія на *я*: *дитя*. Но *дитя* уже не имѣетъ собственно уменьшительнаго *относительнаго* значенія, а *положительно малое*, между малымъ же и уменьшительнымъ есть ощутительная разница. Утвердившись въ этомъ положительномъ значеніи и оставшись вполнѣ въ употребленіи, *одно* изъ всѣхъ подобныхъ словъ, слово *дитя* получило и новое опредѣленіе. По этому употребленіе его шатко. Будучи сред-

няго рода и слѣдуя совершенно вышеозначенному склоненію (*дитя, дитяти*), на сей разъ находящемуся въ полномъ употребленіи во всѣхъ падежахъ, слово: *дитя*, не исключительно такъ употребляется. Вмѣстѣ съ положительностью своего значенія, не имѣющаго въ себѣ ничего частнаго или исключительнаго, и съ употребительностью своею,—слово это, при буквѣ *я*, столько не совмѣстной съ среднимъ родомъ, какъ скоро она не оправдана ни рѣдкостью употребленія, ни частностью и исключительностью значенія,—слово это принимаетъ женской родъ и слѣдуетъ женскому склоненію, не только въ единственномъ, въ которомъ впрочемъ не очень употребительно, и не равно употребительно во всѣхъ падежахъ, но и во множественномъ числѣ, въ которомъ употребительно вполнѣ.—При положительномъ самостоятельномъ значеніи слова: *дитя*, множественное на *ята* не употребительно, какъ скоро слово принимается въ этомъ обыкновенномъ своемъ смыслѣ. Множественное на *ята*: *дитята*, употребляется,—уже придавая свой собирательный оттѣнокъ и относительно-уменьшительное значеніе слову, и потому употребляется только въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ вновь возникаетъ смыслъ, какой въ словахъ, *лисята, утята*, и пр.—Форма: *дитята*, соотвѣтствуетъ (по значенію) формѣ: *дитенокъ*, которая образуется сама по себѣ: имѣя въ себѣ свое относительно-уменьшительное значеніе, какъ: *лисенокъ, утенокъ*.

Вотъ склоненіе: *дитя*, какъ слова женскаго рода.

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	Дитя (дѣтя)	Дѣти
Р.	(Дити)	Дѣтей (должно бы: *дѣтъ*; но здѣсь слово какъ
В.	Дитю	Дѣтей бы слѣдуетъ формѣ Именит: *дѣтъ*).
Д.	Дитѣ	Дѣтямъ.
Т.	Дитею (ей)	Дѣтями; болѣе употребл.: дѣтьми.
М.	Дитѣ	Дѣтяхъ
З.	Дитя	Дѣти.

Шаткость употребленія здѣсь очевидна, она производитъ въ склоненіи эту нестроту падежныхъ формъ; употребленіе прибѣгаетъ то къ той, то къ другой, и какъ бы предполагаетъ тотъ или другой настоящій видъ слова, тотъ или другой Именительный падежъ.—Этою

шаткостью объясняемъ мы, что даже въ суффиксномъ склоненіи на *ять*, говорится въ творительномъ падежѣ иногда: *дитятью*; слѣдовательно, предполагая, что Именит.: *дитять*,—женскаго рода. Эта шаткость производитъ въ единственномъ числѣ,—гдѣ особенно видно колебаніе между тематической формой слова, опредѣлившейся уже какъ имя женскаго рода, и между суффиксной на *ять*,—какую-то неловкость употребленія; такъ что даже вмѣсто слова: *дитя*,—кромѣ падежей Именительнаго и Звательнаго и пожалуй Винительнаго,—употребляется чаще и охотнѣе слово: *ребенокъ*.

Тематическая форма уменьшительнаго на *я*, можетъ повториться при словѣ, пріобрѣтающемъ на концѣ особое прибавленіе *буквъ*, особое окончаніе, которое объяснено въ статьѣ объ уменьшительныхъ; но какъ вопросъ образованія словъ, оно нейдетъ къ грамматикѣ, относясь къ словопроизводству.—Впрочемъ подобное пріобрѣтеніе буквъ, послѣ котораго становится опять *я*,—дѣла нисколько не измѣняетъ.—Мы говоримъ о придаточномъ окончаніи *ен*, которое этимологически могли бы, пожалуй, объяснить образованіемъ изъ носоваго *я*, еслибъ это *ен* не являлось вообще степенью въ переходѣ уменьшительныхъ (*рука*, *руч-ен-ка*). Напр. мы говоримъ: *лисята*. Но можно сказать и *лисенята*; первое предполагаетъ: *лися*, второе: *лисеня*. Изъ перваго образуется: *лисенокъ*, изъ втораго, хотя не такъ употребительно, образуется и говорится: *лисененокъ*. — Повторяемъ, дѣла это нисколько не измѣняетъ.

Теперь считаемъ нужнымъ обратить пристальное вниманіе на окончаніе *я*,—которое хотя относимъ къ одному разряду съ *я* въ словахъ: *имя*, *время*, слѣдовательно къ *я* невѣрному и шаткому, которое въ существѣ есть *е*,—тѣмъ не менѣе однако же мы не можемъ не видать нѣкоторой разницы, какъ по особому значенію словъ на *я* принимающихъ суффиксъ *т* (*теля—телятп*), такъ и по внѣшнему ихъ образованію.—Постараемся же рѣшить возникающіе вопросы и объяснить особенности этихъ словъ. Общее значеніе всѣхъ именъ на *я*, съ суффиксомъ *т* въ др. падежахъ (*теля*, *телятп* и пр.)—есть уменьшительное по возрасту, есть по этому непремѣнно *дѣтство* живаго существа; здѣсь по этому высказывается отношеніе родственное ребенка къ родителямъ, и въ тоже время общее значеніе рода.—Отношеніе ребенка къ родителямъ высказывается у насъ прилагательнымъ, образующимся изъ имени отца, какъ представителя рода;

напр.: *Петровъ*, *Ивановъ*, и т. д. Кромѣ этихъ прямыхъ притяжательныхъ при именахъ человѣческихъ, есть другая форма, болѣе общая, на *ь*; напр.: *Владимирь*, *Иванъ*, и пр.—Это самое видимъ мы въ разсматриваемыхъ именахъ, выражающихъ не уменьшительное, но малое по возрасту; такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о животныхъ, то непрестающаго духовнаго сыновняго отношенія, выражающагося въ именахъ человѣческихъ,—здѣсь въ именахъ животныхъ нѣтъ, ибо дѣтство здѣсь тѣсно связано съ возрастомъ: какъ скоро исчезаетъ разница возраста между животными, отцомъ и дѣтьми—то исчезаетъ всякая между ними разница; по этому имена, выражающія здѣсь отношеніе дѣтей къ отцу, непремѣнно выражаютъ *малый возрастъ*. Стоитъ только обратить вниманіе, и увидать не трудно, что всѣ имена эти на *я*, образовались, какъ прилагательныя измѣняемыя (разумѣется въ первообразномъ видѣ), отъ именъ; напр.: *волкъ*, *волчь (волча)*; *куликъ*, *куличь*; *медвѣдь*, *медвѣжь*; *тигръ*, *тигрь*.—Какъ скоро человѣкъ является націей или родомъ, слѣдовательно, какъ скоро въ немъ выдается его *породная* сторона, онъ подходитъ подъ туже категорію именъ на *я*; напр: *Французъ*, *Французь (Француза)*; *Прусакъ*, *Прусачь*, и т. д.—Объясненіе значенія и происхожденія этихъ именъ, по нашему мнѣнію не сомнѣнно; но какъ объяснить появленіе здѣсь *я*? Мы знаемъ, что здѣсь прилагательное притяжательное на *ь* приняло форму *я*: *волчя*, *тигря*, и пр.; нѣтъ никакого сомнѣнія думать, что *волчя*, *тигря*, и пр., образовалось изъ *волчь*, *тигрь*; но откуда же это *я*?— Скажемъ прежде всего, что это *я*, по многимъ указаніямъ, колеблется между *е* и *я*. Теперь замѣтимъ, что прилагательное въ первообразномъ своемъ видѣ *(добръ*, *добра*, *добро)* сохраняетъ форму и склоняется совершенно какъ *имя*, при чемъ можетъ также переходить и въ чистое имя: *добро*. —

Какъ же образовалось имя на *я (волчя*, и пр.)?—На это можно найти два объясненія. Первое очень просто; именно: берется средній родъ прилагательнаго притяжательнаго (разумѣется первообразнаго: *волчь*, напр.), который такъ легко переходитъ въ Имя *(добро*, *зло)*; средній родъ здѣсь у мѣста и по значенію своему—для выраженія существа, малаго по возрасту, неопредѣленнаго, гдѣ еще родъ не обозначается. Такимъ образомъ, отъ: *волчь*, *тель*, *робь*, *тигрь*, является: *волче*, *теле*, *робе*, *тигре*. Этому объясненію, какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ формы этихъ словъ въ

языкахъ единородныхъ. Буква *я*, являющаяся у насъ (*теля*, и пр.), не можетъ служить возраженіемъ; мы видимъ её и въ словахъ на *ме*, гдѣ о или, что́ тоже, *е*—несомнѣнно (*сѣме—сѣмя*); преобладаніе *я* въ склоненіи (*телятиі*), такъ же не должно смущать и такимъ же образомъ возможно, какъ и въ Именит. единственнаго (*теля* и пр); такое преобладаніе встрѣчается въ именахъ на *ме*, напр.: *племянникъ* и *племенникъ*, *письменный* и *письмянный*.—Носовой звукъ явился здѣсь, въ тѣхъ языкахъ, которые его имѣютъ, какъ нѣчто среднее между *е* и *я*. Въ нашемъ же языкѣ появленіе здѣсь этого *я*—весьма возможно, ибо подобное явленіе видимъ мы и въ *о* (*е*), замѣняемомъ *а* (*рáстъ*, *племя́*) Кромѣ того, мы не знаемъ еще, какъ произносились у насъ имена средняго рода на *я*, ибо народъ теперь ихъ почти не употребляетъ; можетъ быть произносилось напр.: *тéля*, тогда *я* уже не такъ слышно, какъ напр. въ словѣ *врéмя* (*времe*); если въ словѣ, которымъ кличутъ утокъ: *ўте*, *ўте ўте ўте*, слышно слово: *утя*, то можно думать, что оно произносилось, какъ *уте*. Но положимъ, что оно говорилось *утя́* (довольно и того, что въ склоненіи и во Множ. *я*—несомнѣнно): тѣмъ не менѣе это *я* объясняется, какъ возможная и понятная намъ замѣна основнаго *е*,—о чемъ мы уже говорили выше.

Объясненіе наше кажется намъ удовлетворительнымъ: это средній родъ притяжательнаго прилагательнаго именнаго, переходящаго прямо въ чистое имя: *волче*, *теле*, и пр.; эта окончательная буква *е* является здѣсь, въ извѣстныхъ языкахъ, съ носовымъ звукомъ: *жрѣбѧ*, *kurię*; а въ нашемъ языкѣ она переходитъ въ *я*: *волчя*, *теля*; переходъ возможный, который есть преимущественно дѣло произношенія.

Другое объясненіе состоитъ въ томъ, что притяжательныя прилагательныя первообразнаго вида: *волчь*, *тель*, и пр., не переходятъ въ средній родъ, а остаются въ мужескомъ, который также можетъ быть представителемъ породы, ибо само прилагательное притяжательное образуется отъ мужескаго рода. Множественное число отъ этихъ прилагательныхъ, употребляющихся вмѣсто имени, естественно принимаетъ собирательный видъ на *я* (*а*), весьма здѣсь понятный, ибо рѣчь идетъ объ общей породѣ животнаго, о его *дѣтяхъ* такъ сказать.—Это собирательное множ. у насъ—есть: *я* (*а*), форма, переходящая и въ Имя; буква *я* часто переходитъ здѣсь и въ *е* (*боя́ря*, *боя́ре*).—Множественное отъ прилага-

тельнаго притяжательнаго, напр.: *волчь*, *тель*, — будетъ: *волчя теля*; но тогда бы, при переходѣ въ имя, эта форма должна была быть женскаго рода: между тѣмъ она рода средняго; остается прибѣгнуть къ объясненію, что здѣсь возобладала во множественномъ буква *е (уголье)*, и поэтому, при переходѣ въ имя, явился родъ средній: *волче*, *теле*, и пр., и что потомъ, уже въ силу произношенія, появилась, вмѣсто *е*, и буква *я*.—Множественное слѣдовательно можетъ быть *волче*, *теле*, какъ *бояре*; хотя множественное такое вообразить нѣсколько трудно; однако оно возможно. Но нѣтъ примѣра, чтобы это множественное въ этомъ видѣ на *е* переходило въ *имя*: правда есть много такихъ примѣровъ, какъ: *уголье*, *каменье*, но здѣсь не одно *я* и *е* во множественномъ, а *ія*, *іе*; слѣдовательно это не можетъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ.— Второе объясненіе наше кажется намъ не очень естественнымъ; хотя употребленіе собирательнаго множественнаго, переходящаго въ Имя,—по смыслу здѣсь и понятно, но самый переходъ формъ имени не удовлетворительно объясняется.—Мы предпочитаемъ первое объясненіе, въ пользу котораго говоритъ общее значеніе прилагательнаго первообразнаго средняго рода; то есть: его общее именное значеніе и легкость перехода въ Имя.

Слово *дитя*,—какъ: *дѣть* отъ: *дѣтъ*— можно объяснить вторымъ объясненіемъ, т. е., предполагая, что здѣсь *я* множ. удержалось, и слово, обративъ *я* въ женскую форму, перешло въ имя женскаго рода, потому что значеніе: *дитя (дитю*, *дитей*, и пр.; мн. *дѣти)*, принимаетъ значеніе уже положительно-малаго, означающаго первый возрастъ вообще и общее отношеніе къ родителямъ.—Но такъ какъ есть и значеніе *уменьшительнаго по возрасту*, то *дитя* склоняется, какъ и прочія такія же уменьшительныя на *я (дитя*, *дитяти*, и пр.).—Но и здѣсь объясненіе это не подходитъ, ибо здѣсь уже должно допустить, что и во множественномъ, *я* не перешло въ *е*; слѣдовательно, *я* удержалось прежде, чѣмъ множ. число перешло въ Имя.—Мы думаемъ, что и здѣсь можно принять объясненіе первое: т. е., что слово: *дитя*, есть просто средній родъ первообразнаго притяжательнаго, т. е: *дѣте*, какъ и видимъ въ другихъ языкахъ. Въ нашемъ оно принимаетъ въ произношеніи вмѣсто *е*—*я*, и склоняется, какъ и другія такія же имена; но кромѣ того оно имѣетъ и женскую форму: на *я*, и слѣдуетъ склоненію имени жен-

скаго. Мы думаемъ, что, такъ какъ *дитя* получило и самостоятельное значеніе, то это *я* утвердилось при немъ въ этомъ значеніи, уже какъ твердая женская форма, имѣющая и множественное: *дѣти*. — Подвижность формъ дѣло несомнѣнное.— Можно даже думать, что въ этомъ случаѣ, когда *дитя* получаетъ форму женскаго имени, оно есть множественное собирательное отъ *дить*: *дитя*, перешедшее въ имя женскаго рода, какъ *господа*. Этому однако противорѣчитъ нѣсколько шаткость рода при *дитя*, даже и въ этомъ смыслѣ; и потомъ то, что склоненіе весьма смѣшивается. Родительный падежъ множест.: *дѣтей*, указываетъ на форму *дѣть (дить)*, которую мы готовы признать (если только это не есть позднѣйшая неправильность).—Такія составныя склоненія весьма возможны и встрѣчаются въ языкѣ.—Такимъ образомъ слово: *дитя* въ единственномъ имѣетъ среднюю форму *дѣте*, переходящую въ *дѣтя*, какъ и другія подобныя слова, какъ *волчя*, *теля*, и пр.; имѣетъ, сверхъ того, женскую форму *дѣтя (дитя)*, образовавшуюся: или чрезъ усиленіе *я*, вслѣдствіе особаго, самостоятельнаго, значенія, принимаемаго этимъ словомъ, или образовавшуюся изъ множест. собирательнаго отъ *дѣть*: *дѣтя*, удержавшуюся въ формѣ Имени, вслѣдствіе того же самостоятельнаго значенія. Мы предпочитаемъ первое объясненіе. Множественное число образуется: или какъ другія такія же слова на *я*, *волчата*, *телята*,—*дѣтята*; или же образуется, вслѣдствіе сказаннаго нами значенія, отъ *дитя* женской формы—*дѣти*; а м. б. отъ неупотребит: *дѣть*,—вѣроятно муж. рода—и слѣдуетъ, во мн., склоненію слова: *путь*. Такимъ образомъ въ словѣ: *дитя*, видимъ мы три формы.— Слово: *робенокъ*, замѣняетъ иногда слово: *дитя*; но *робя* не получило такого же значенія, какое принадлежитъ формѣ женской; оно образуется очевидно отъ слова: *рабъ* или *робъ*,— *робь*, которое не имѣло прежде значенія невольника и значило: *дѣлающій*. Это доказываетъ, между прочимъ, глаголъ: *роблю*, имя: *паробокъ*. Въ этомъ смыслѣ (т. е.: *дѣлающій)*, слово: *робъ*, было общимъ наименованіемъ человѣка.— Въ словѣ: *дѣтя*, не мудрено открыть тоже глаголъ: *дѣю*.

Замѣчательно, что въ Греческомъ языкѣ есть сходная форма именъ средняго рода на α, Родительный: ατος; но имена эти не имѣютъ того значенія, какое есть въ Русскомъ языкѣ.—

—

Ошибки.

На стр. 168: после слова: *телити*, пропущено: (*telici*).

На стр. 169: после слова: *телента*, пропущено: (употребляется теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи).